

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОНЬИМ
ISSN 0134 - 241X URAL STALKER 9'1993





УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Ольга НАГИБИНА,
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА,
Виктор КУЛАКОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 06. 10. 1993.
Формат бумаги 84×108/16.
Бумага типографская №2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8, 96
Уч.-изд. л. 13, 4
Усл. кр.-отт. 7, 8
Тираж 61200 экз.
Заказ №1637
С.-3

Отпечатано на Чеховском полиграфическом
комбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской обл.

На 1 и 2 стр. обложки слайд
Владислава ВЕТЛУГИНА

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ:

9/1993

Железо с берегов Серги

Михаил ПЕТРОВ

2

Обитель

Юл. ЗЛОТНИКОВ

5

Ненаписанная книга, или Слово о друге

Михаил СМОРОДИНОВ

10

Краеведческая копилка

13

Очерки истории журналистики на Урале

15

Пейзаж с детством. Стихи

Борис РЫЖИЙ

16

С викингами на Свальбард. Повесть

Мария СЕМЕНОВА

17

Журнал в журнале "Аэлита"

Сказание о Четвертой луне. Повесть. Окончание

Владимир ФИРСОВ

29 (173)

Чужие обычаи. Рассказ

Сергей ДРУГАЛЬ

42 (186)

Сквозь перекрестный огонь. Повесть. Продолжение

Луи Л'АМУР

67

Этот Половец удивительный человек...

Игорь НЕПЕИН

75

Тыква

Александр СЕМЕНИН

77

Мир на ладони

78

Мы живем в провинции рубинов...

Тамара ПЛОТНИКОВА

79

Михаил ПЕТРОВ

ЖЕЛЕЗО С БЕРЕГОВ СЕРГИ

За свою длительную историю Нижние Серги много раз выгорали дотла. Первый, подтвержденный документами, пожар занесли сюда пугачевцы в 1774 году. Второй случился в 1799-м, а третий в 1812-м — известный московский пожар во время наполеоновского нашествия. Дело в том, что владельцы завода Губины жительствоваали в Москве, и там хранилась некоторая заводская документация.

Учитывая эти трагические обстоятельства, каждый документ, обнаруженный в архиве или в ином месте, можно считать драгоценным.

В начале 1882 года Д. Н. Мамин-Сибиряк опубликовал в газете "Русские ведомости" путевые заметки "От Урала до Москвы". В одной из глав приведена беседа пассажиров, ехавших с писателем в вагоне поезда.

— "...Слышали, может, что Сергинские заводы продали?

— Да, мельком слышал.

— Вот это так дельце: чистенько сделано!..

— Именно?

— Да, видите ли, эти заводы принадлежали К. М. Губину. Он умирает. После него остается двое сыновей и жена. Заводы находились в отличном положении и давали громадный доход. Опекуном над детьми назначают некоего У-ва (Ушакова, — прим. автора), за которого вдова вышла замуж. У-в повел дело бойко: деньги, какие оставались, размотал, а потом ухитрился заложить в Государственный банк несуществующий металл.

— То есть, как же это так: слепоту, что ли, навел на всех?

— Да, около этого. При участии горного исправника и некоторых других горных чинов У-в сначала закладывал в банк листовую болванку, потом первый передел из нее и, наконец, совсем выделанное листовое железо. Понимаете: три раза закладывалось одно и то же железо. Только эта механика У-ва в 1863 году и обнаружилась в Нижнем. Ну, пошло это самое дело гулять по судам, а в 1874 году выршилось окончательно: У-в был лишен прав состояния, обвинен в мошенничестве и подлежит ссылке в Сибирь. Что же бы вы думали: решение прихо-

дит, а У-в лежит на столе. Денег забрал он в казне около миллиона; а с процентамиросло к этому времени целых два миллиона, которые нужно было взыскать с его имущества, а он умер..."

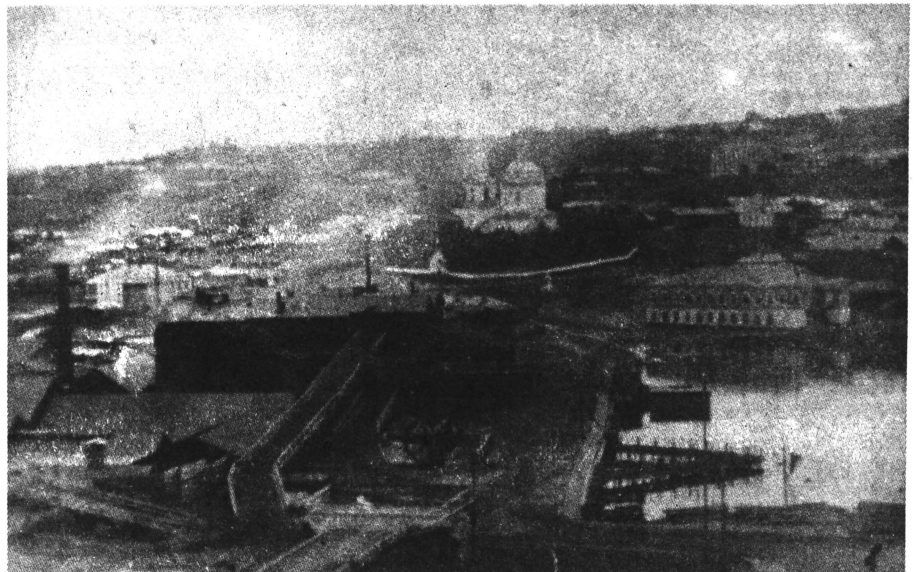
Да, в описываемый отрезок времени у Нижнесергинского завода был последний экономический взлет на его долгой, трудной дороге.

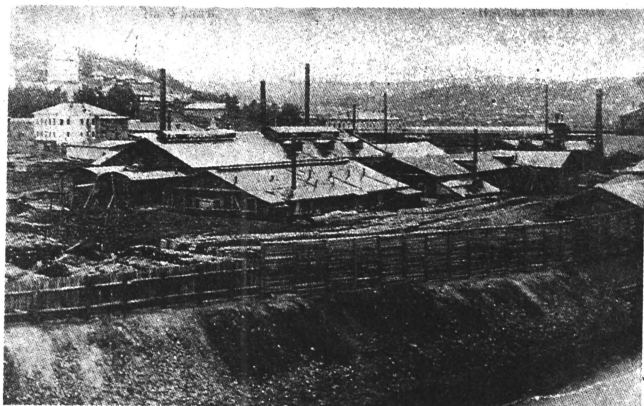
Создателем завода был Никита Никитич Демидов, младший сын родоначальника династии. На горную речку Сергу бросал свои взгляды еще Акинфий Демидов, но шальной бег воды умерял пыл заводчика.

Решил попробовать счастья Никита Демидов. Он надумал сперва перекрыть верховье реки, где она еще не набрала силу, а уж потом поставить плотину там, где намечалось возвести главный чугунолитейный и железоделательный завод.

Часть рабочих для строительства была доставлена с его европейских заводов, остальных набрал из ближайших селений. Верхнесергинский завод вступил в строй действующих в 1743 году, Нижнесергинский — 13 ноября 1744 года.

Для производства железа Демидов построил две домы и несколько горнов, на которых из руды выплавляли так называемое кричное железо. Его в разогретом виде били молотами до образования лепешкообразной формы, а потом уже на специальных молотах превращали в железные листы. Рынок сбыта служили знаменитые Нижегородские ярмарки, к которым в те времена путь был только по рекам. Но от Сергинского завода до Чусовой — пятьдесят верст, да и река перегру-





жена судами. И Никита Демидов находит другой путь — реку Уфу с ее широким и плавным течением. От нового завода она намного ближе — всего в 30 верстах.

Сохранилась демидовская купчая, и гласит она следующее: "В купчей крепости, совершенной 1745 года ноября 13 дня, башкирцами Уфимского уезда Упейской волости старшиною Кадралем Башкиным и прочими всего 53-мя человеками на проданную ими с общего согласия башкир всей волости статскому советнику Никите Никитичу Демидову, жене его, детям и потом наследникам в вечное и потомственное владение, находящуюся в урочищах по реке Серге до Уфы реки и Демид реку... и взяли мы у статского советника Демидова за показанную свою проданную землю с лесами, санными покосами и прочими угодьями денег СТО рублей..."

И зазвенели топоры дровосеков, прорубая многоверстную просеку в густом пихтовом лесу. Шли напрямком, не оглядая ни холмов, ни многочисленных родников и малых речек. Прорубили просеку и через Бардымский увал — самое высокое место дороги, взбирающейся почти к самым облакам.

Сколько на это потребовалось времени, неизвестно, но так или иначе караван с сергинским железом в конце концов пошел по Уфе.

После смерти Никиты Никитича сергинская часть досталась сыну его Ивану.

Трагическим испытанием для Сергинских заводов стал приход войск Пугачева в январе 1774 года. Несмотря на то, что жители "передались без сопротивления", завод был разграблен. Сожжена лесопильная мельница с деревянными частями плотины и пристань с поселком. Домны были погашены. Пропало без вести 32 человека мастеровых и крестьян. Общий убыток составил 29 тысяч рублей, не считая суммы за невыплавленный металл.

Казалось, что понеся значительные разрушения, заводы будут восстанавливаться медленно, но уральские горнозаводчики всколыхнулись и стали наращивать темпы производства. Начала действовать доменная печь на Верхнесергинском заводе. Возросла производительность и нижнесергинских домен. В 1781 году было выплавлено 240572 пуда чугуна. Это наибольшая производительность Нижнесергинского завода в XVIII веке.

В 1789 году оба Сергинские заводы были проданы московскому купцу Михаилу Павловичу Губину.

Обосновавшись на Урале, он энергично взялся за дело. Возле Нижних Серег, на реке Атиг, построил проволочную фабрику, чуть выше Верхних Серег, на речке Козе, впадающей в Сергу, — молотовую, плотина которой стала нести двойную нагрузку. И еще один завод — Михайловский железоделательный. Все эти три дополнительных предприятия были как бы цехами одного завода.

В отличие от Н. Демидова, у которого были излишки рабочей силы, у Губина напротив всегда ощущалась нехватка рабочих рук. Он ежегодно обращался за помощью к Сенату. Из архивных документов известно о покупке им крепостных крестьян в Нижегородской, Арзамасской и Вологодской губерниях.

После смерти Михаила Губина в 1818 году заводами стали управлять его сыновья — Павел Михайлович и Константин Михайлович. В семье Губиных, как и во многих других купеческих семьях, всегда жила мечта о дворянстве. Достигалось оно двояко: путем службы в армии и благотворительностью. Поэтому в 1838 году Павел Михайлович отказался от Нижнесергинского завода в пользу своего брата, себе же оставил оба Авзяно-Петровские заводы и занялся благотворительностью. А Константин Губин стал единственным владельцем Сергинских заводов. Они производили кровельное и шинное железо, проволоку, якоря для барок, чугунную посуду, а также штыковой чугун. Вся эта продукция в весеннее половодье по рекам отправлялась на Нижегородскую ярмарку.

Однако в 1841 году заводы были взяты под казенный присмотр, так как начали быстро приходить в упадок. Железо по причине некачественной руды получалось "дурного свойства", и цены на него настолько упали, что нечем стало рассчитываться с рабочими.

Вот тут-то и появилась на арене жена Константина Губина — Анастасия Иосифовна, по второму браку Ушакова. Не желая отдавать заводы казне, она предложила мужу переписать их на ее имя.

Анастасия Иосифовна сумела уберечь заводы от краха. Она уплатила долги первого мужа, приобрела новый железный рудник; вместо деревянных цеховых корпусов поставила каменные, некоторые водяные колеса заменила турбинами, построила механическую фабрику, станки которой приводились в движение паровой машиной, ввела прогрессивный в те годы газопудлинговый способ выделки железа...

Но подрезал ей крылья второй супруг — к тому времени генерал-майор — Павел Петрович Ушаков, который, как мы уже знаем, провел тройную манипуляцию с железом, был представлен к суду, да... умер.

"С тысяча восемьсот шестьдесят третьего года по тысяча восемьсот пятый год назначается казенное управление над заводами, — пишет далее Мамин-Сибиряк. — Управляющий забирает из государственного казначейства на усиление заводского действия семьсот двадцать тысяч рублей. Усиление не произошло, инженер получил отставку, а долг перевели на наследников.

— Ха-ха-ха!... — хохочет господин, купивший стекло. — А наследники малолетние? Ловко...

— После этого Сергинские заводы переходят к какому-то родственнику наследников, К. (Кони, — прим. автора). Он, видите ли, обязывался заплатить и долг У-ва, и долг казначейству. Два года управлял заводами, а потом захватил из караванной конторы двести шестьдесят семь тысяч, да и удул с ними за границу. Только его поймали, потом объявили несостоятельным должником, и все тут..."

И этими строчками Мамин-Сибиряк не заканчивает повествование о Сергинских заводах. Он показывает многих других пронырливых дельцов, которые грели руки, на распаляющемся хозяйстве.

Наконец, заводы наследников Губина купил за 4 млн.руб. торговый дом "Мейер и К°", совместно с фирмой Гинцбургов. На базе губинских владений создается "Товарищество Сергинско-Уфалейских горных заводов".

О том, как развивался округ при новых хозяевах, писал историк Ю. А. Буранов.

Выход из положения владельцы пытались найти в переустройстве заводов, замене пудлингового производства мартеновским, переходе с сортового железа на кровельное. Вместо двух примитивных доменных печей соорудили одну, более совершенную. В 1888 году на Нижнесергинском заводе пущена отдельная мартеновская фабрика с двумя печами. В конце XIX века начал работать прокатный цех, выпускающий листовое железо, кровельный и котельный лист...

Однако, финансовые дела не выправились, а наоборот, с каждым годом усугублялись. Средства, затраченные на переоборудование производства, к концу века должны были окупаться и приносить прибыль, но наступивший кризис промышленности с 1900 по 1905 год развеял эти планы.

Положение несколько поправилось в Первую империалистическую, когда Нижнесергинский завод начал выпускать для фронта колючую проволоку, стальные каски и щиты к пулеметам. Перелом же наступил, когда более мощные финансовые круги, представленные Торгово-промышленным и Русско-Азиатским банками, заинтересовались Товариществом, скупили его паи и повели дело на основе обычной акционерной компании... Но наступил 1917 год и Сергинско-Уфалейский округ был национализирован Советской властью. Так закончился еще один период в длинной истории Нижнесергинского завода.

В 1925 году доменную печь в Нижних Сергах капитально перестроили, кроме обычного передельного и литейного чугуна начали выпускать специальные.



В 1933-м в Нижних Сергах действовала одна доменная печь и две мартеновские. Работал один суточный стан. Основной двигательной силой все еще служила вода. Так завод работал вплоть до Великой Отечественной войны. Газета "Уральский рабочий" в 1946 году писала: "В первые месяцы Отечественной войны нижнесергинцы начали выдавать новые оборонные марки стали. Прокатчики вместо заготовок для кровельного железа делали специальный прокат. Выплавка стали за годы войны возросла на 73800 тн. против 1940 года. Выпуск проката увеличился на 60 тыс.тн. Своими силами была построена новая мартеновская печь, которая в 1943 году дала первыековки..."

В послевоенные годы Нижнесергинский завод вновь, в который раз, вступил в зыбкую полосу кризиса. В 1957-м демонтировали домну. Завод был признан "затухающим". Однако, и этот кризис преодолели. В конце 80-х годов был смонтирован и пущен стан "250", благодаря которому завод вновь стал рентабельным.

Такова судьба одного из уральских предприятий. Хотя оно и не гремит по Уралу, но его лепта в выплавке металла для страны немалая. Если сложить весь чугун, выплавленный домнами Нижних Серг с 1745 по 1957 год, то получится внушительная цифра — 1,5 млн.тонн. А если из этого чугуна получить сталь и прокатать рельсы, то можно было бы проложить двухколейную железную дорогу через всю Россию от западной до восточной границы и вдоль всего Урала с севера на юг.

Фото Александра Почивалина

Юл. ЗЛОТНИКОВ

Г. В. и Е. П. Мокрушиным посвящается

ОБИТЕЛЬ

”Д

стойно убо будет и праведно на сей горе Уральской въ знакъ благодаренія Богу благодѣтелю нашему и в честь и славу Пресвятые Богородицы и Приснодѣвы Маріи возстановить означенную пустынь въ первоклассный монастырь, с наименованием тако: Горно Уральскій Новотихвинскій дѣвичі первого класса монастырь что въ городѣ Екатеринбургѣ...”

Так приветствовал преосвященный Иустин, Епископ Пермскій, возведение Новотихвинской общежительной пустыни в штатный монастырь первого класса. Событие это произошло 12 мая 1822 года.

А началось все в 1771 году, когда Святейший Синод запретил епархиям погребение мертвых тел при церквях, в черте города и предписал отводить для этого особые кладбища в удобных местах на расстоянии не ближе ста саженей от "городского жила", и строить при оных церкви. Кладбища велено было обносить плетнем, забором или земляным валом.

На основании этого распоряжения погребение в Екатеринбурге было переведено на то место, где впоследствии был выстроен монастырь.

Протоирей Кочнев предложил перенести на новое кладбище разобранную деревянную Богоявленскую церковь. Но у жителей Екатеринбурга на то "кошту не имелось". Нашелся однако благодетель — екатеринбургскій купец Иван Хлепетин. Находясь в Тобольске, Хлепетин 26 мая 1778 года подал прошение епископу Варлааму, в котором сообщал, что намерен "соорудить каменного зданія однопрестольную во имя Успения Пресвятые Богородицы церковь собственным своим коштом".

Начались заботы и работы. И 31 мая 1782 года церковь во имя Успения Пресвятые Богородицы была освящена. А потом построили придел и в феврале 1784 года освятили его во имя Тихвинской иконы Божией Матери.

Успенская церковь стала двупрестольной и была готова к службе. Однако, священники не желали служить в ней. Церковь находилась в густом сосновом лесу, за которым начиналось болото. От города она тоже отделялась болотом. попасть сюда можно было только с конца Уктусской улицы (теперь улица 8-го Марта).

Но служить было необходимо. И тогда епископ Варлаам распорядился, чтобы все городские священники служили в новой церкви по очереди. Это было в 1785 году...

А сентябре 1798-го несколько женщин "сирот" обратились в Екатеринбургскую городскую думу. В проше-

нии они сообщали, что по согласию своему нашли для всегдашнего пребывания выгодное и полезное место в казенном доме, состоящем при Успенской церкви. И просили, чтобы им "невозбранно" позволено было житьельство иметь при названной церкви.

Прошение было передано Татьяной Митрофановой, урожденной Костроминной, женой мастерового, отданного в рекруты. Очевидно, не имея средств к существованию, она оказалась среди "сирот", а те, видя ее деловые качества, выбрали Митрофанову "старшей". Татьяне было тогда тридцать пять, а семи ее товаркам-девицам и вдовам — от 24-х до 60.

Городское общество, — купцы, мещане и цеховые, — не только согласились с просьбой "сирот", но даже "присогласовали" выдавать им на расходы из общественной суммы по 4 рубля в месяц.

Решение это передали в Екатеринбургское Духовное правление и с резолюцией протоиерея Карпинского отправили в Тобольск вместе с рапортом об осмотре упоминавшегося дома при Успенской церкви. Духовное правление просило епархию позволить "оным сиротствующим" совершать при кладбищенской церкви "благоугодное дело..." Благоугодность, очевидно, заключалась в том, что "сиротствующие" молились за покой усопших, "голосили" на похоронах, сочувствовали родственникам.

Так, в январе 1799 года явилась женская Община, в которой обреталось девять "сирот".

Попечительницей стала Татьяна Андреевна Митрофанова. Настойчивая и неутомимая, она тут же добилась увеличения содержания с 4 до 10 рублей и обещание построить для общины каменный дом вместо деревянного. Итак, в месяц на "сироту" приходилось по рублю с копейками. Это были значительные деньги: пуд ржаной муки стоил тогда 46 копеек, пуд пшеничной муки — 1 рубль, свежей говядины — два рубля. А пуд "весит" ни много ни мало 16 с лишним килограммов.

Первые удачи вдохновили Митрофанову, ее захватила мысль превратить общину в женскій монастырь.

"Сироты" славили имя Божие, работали на маленьком участке земли при общине, помогали больным и страждущим. Это с сочувствием и одобрением оценено городским обществом и горожанами. И когда настоятельница поделилась с отцами города своей мечтой, то получила от них письменное одобрение.

Летом 1803 года ходатайства были отправлены в Пермскую консисторию. Скоро сказка говорится, дело мешкотно творится. Только в июне 1806 года прибыл ответ: в постройке монастыря отказать...



г. Екатеринбург
№ 26 Женский монастырь

Это не остановило энергичную Митрофанову. Она поехала в столицу, чтобы попытаться счастья в Святейшем Синоде. В прошении указала, что купцы Калашников и Мартынов, а также мещанин Бронников изъявили желание на свои средства построить при общине "сирот" каменную церковь во имя св. князя Александра Невского.

Видимо, настоятельница довольно быстро огляделась в Петербурге и приобрела там нужные знакомства. Ходатайства везде и всюду были замечены, и у Митрофановой появились союзники в самом Святейшем Синоде. Особенно благоволили ей митрополит Амвросий и обер-прокурор Синода князь А. Голицын. Когда было подано прошение на "Высочайшее имя", все прошло гладко — 31 декабря 1809 года последовал Императорский указ Святейшему Синоду об учреждении в Екатеринбурге общежительной женской обители с наименованием "Ново-Тихвинской". Обитель учреждалась со штатом монастыря третьего класса: 16 монашествующих и игуменья.

Святейший Синод игуменей назначил Митрофанову, которая в Петербургском Воскресенском женском монастыре была пострижена в монахини под именем Таисия.

Постоянно занятая судьбой обители, Таисия из Петербурга пишет, уже как монахиня, епископу Иустину. Она напоминает о том, о чем просила ранее — кладбище от обители следует перенести. Это возымело действие. Консистория в январе 1811 года обратилась в Главную Екатеринбургских заводов контору, чтобы она благоволила для нового кладбища... в непродолжительном времени отвести место, а на старом кладбище, к стеснению женской обители, мертвые тела погребать запретить".

А в Екатеринбурге между тем царил полная неразбериха с отведением места для строительства церкви во имя св. князя Александра Невского. Дело затягивалось из-за несогласованности действий жертвователей, игу-

менья Таисии, городских и духовных властей. Предписание Святейшего Синода не выполнялось. А это было чревато серьезными последствиями. Тогда управа Благодетельница организовала что-то вроде референдума — у жителей были отобраны подписки "за рукою" каждого: где они хотят видеть новую церковь? На основании этого 20 сентября 1813 года полиция и отвела место. Оно находилось в полуверсте от обители в западном направлении. Жертвователи согласились, но теперь показала характер игуменья. В начале 1814 года она обратилась к епископу Иустину, прося позволения построить церковь в 60 сажнях от обители на северную сторону.

И наконец, игуменья Таисия просит Екатеринбургское духовное правление "... всему духовенству приказать в оный день, отправив в

своих церквях ранние литургии, всему непременно собраться в соборную церковь, из которой... учинить процессию в обитель и в оной... заложить Соборную церковь, чрез что и стечение народа будет многочисленнее..."

Оный день — 14 сентября 1814 года.

Оная церковь — церковь во имя св. князя Александра Невского.

Зная решительность и настойчивость игуменья, можно допустить, что все именно так и было. Если за дело бралась игуменья Таисия, то дело шло быстрее и результат, как правило, был таким, какого она ожидала.

С ее возвращением из столицы жизнь обители пошла живее и деятельнее. Совершались ежедневные богослужения. "Сироты" теперь не только постились, молились, но с увеличением числа жительствующих (в 1808 году их было уже 33) занялись самообеспечением. На земле обители появился огород, в хлевах — скот. Кроме того, была организована ткацкая мастерская. Главной однако оставалась сторона духовная. Сестры молились, читали псалмы, поминальные молитвы по умершим, ухаживали за больными, приводимыми в обитель на излечение. И жили тихой, спокойной жизнью, уйдя от мирской суеты. Но окружающий мир напоминал о себе — появились богомольцы, которые приходили поклониться монастырским святыням: копии чудотворной Тихвинской иконы Божьей Матери и частицам святых мощей.

Пока строилась церковь Александра Невского, в 1817 году по указу Консистории заложена была другая — во имя Покрова Святыне Богородицы и Всех Святых — на месте погребения в XVIII веке блаженных Андрея и Василия.

А в 1822 году исполнилась мечта игуменья Таисии: Высочайшим указом Святейшему Синоду от 12 мая Екатеринбургская Новотихвинская общежительная пустынь возводилась в штатный девичий монастырь первого класса. Именно тогда преосвященный Иустин, епи-

скоп Пермский, сказал те восторженные слова, с которых начинается повествование.

Это событие еще больше подняло и без того высокий авторитет игуменьи Таисии. Судя по дошедшим до нас документам, она становится все более влиятельной в Екатеринбургской фигурой. В делах фонда "Канцелярии Ее Императорского Величества Императрицы Елизаветы Алексеевны" (жены императора Александра I), хранится свидетельство, что 5 сентября 1823 года в день тезоименитства ее императорского величества императрицы Елизаветы в Екатеринбурге был освящен новый храм. При этом присутствовали горный начальник Екатеринбургских заводов Осип Самсонович Осипов, тайный советник, сенатор и кавалер Владимир Юрьевич Соймонов, советник Пермского горного правления статский советник и кавалер Василий Данилович Прянишников и игуменья Таисия.

Церковь эта простояла до 1898 года. После ее разборки, в 1900 году, на этом месте выстроили больнично-богадельный корпус для восьмидесяти уже неспособных к труду сестер. А рядом новую церковь Всех Святых. Примерно в это же время получила новое помещение рукодельная мастерская (прежде сестры работали по кельям). В мастерской они изготавливали платье и обувь для себя, а с приобретением опыта начали шить и облачения для священнослужителей. В этой же мастерской сестры делали стеганные одеяла. Редкий дом в Екатеринбурге обходился без таких одеял.

Ежедневно обходя монастырские службы, игуменья Таисия с сожалением отмечала, что работы по постройке Александро-Невской церкви шли все хуже и хуже, и, наконец, совсем остановились: кончились деньги жертвователей. Не найдя поддержки ни у духовного правления, ни у городского общества, неутомная настоятельница добилась, тем не менее, закладки трех небольших храмов: церкви во имя Божьей Матери всех скорбящих радости, церкви Введения Божьей Матери и церкви св.Феодосия Тотемского. Все однопрестольные, без колоколен. Освящение их происходило уже после смерти игуменьи Таисии: в ночь на 5 ноября 1826 года она ушла туда, откуда не возвращаются.

В память о ней остался первоклассный монастырь, который появился в Екатеринбурге только благодаря ее вере и, конечно же, настойчивости.

Через полгода место настоятельницы заняла монахиня Александра, ведавшая до того казной монастыря. Жизнь общины продолжалась, но ежедневным укором сестрам была недостроенная церковь Александра Невского. В таком виде здание простояло до 1836 года и только в 1854 году строительство было закончено: монастырь, а вместе с ним и город украсился соборной церковью. Один придел ее, с южной стороны, во имя Воскресения Христа, был освящен 23 мая 1853 года; второй, северный, во имя святителя Николая Чудотворца — годом позже.

Церковь была посвящена святому князю Александру Невскому, и первое упоминание об этом относится к 1807 году. Ныне упоминаемое "посвящение" церкви победе русских войск над Наполеоном в 1812 году представляется несостоятельным. Во всяком случае, ни раньше, ни позже этой даты (1854 г.), вплоть до закрытия храма, ни в одной книге или газете дореволюционного издания такое "посвящение" не упоминается.

При игуменьи Александре произошло, может быть,



одно из самых важных событий в истории монастыря: 4 сентября 1838 года при нем было открыто училище для девочек, ставшее позднее (в 1880 г.) Екатеринбургским епархиальным женским училищем. История его интересна и поучительна, но это другая история...

Монастырь обрел еще одну — просветительскую функцию. Обучение младших старшими велось и до этого. Но келейно, т. е. по кельям, и напоминало скорей беседы, каждая старшая учила младших в меру своих знаний и сил. Теперь появилась возможность давать девочкам более глубокие знания. Как живущих при монастыре, так и приходящих обучали духовным дисциплинам, началам грамоты и рукоделию.

Различия между дочерьми священнослужителей, купцов, мещан, крестьян и сиротами не делали — ко всем относились одинаково. Учились дети с малых лет. Оказывается, малышки не были чем-то необычным в монастыре. Их было довольно много, и старшие постоянно следили за их развитием.

Одной из воспитанниц монастыря была Маша Неустроева. Она вступила в общину в возрасте четырех лет, при игуменьи Таисии. В наше время трудно представить себе ребенка 10-12, даже 15 лет, глядящего на мир глазами взрослого человека. А в описываемое время это было не в диковинку. В 17 лет послушница Неустроева руководила работами золотошвейной и вышивальной мастерских, овладела почти всеми рукодельными ремеслами, практиковавшимися в обители. При этом не забывала о главном — о душе своей и своих подчиненных.

В 1844 году, будучи библиотекарем монастырской

библиотеки, Мария Неустроева была пострижена в монашество и стала инокиней Магдалиной. А еще через четыре года последовало назначение ее помощницей попечительницы монастырского училища, потом ведала она казной монастыря и, наконец, вместо умершей игуменьи Александры была выбрана настоятельницей.

Игуменья Магдалина направляла жизнь общины в течении тридцати пяти лет. При ней монастырь разросся и окреп. Были закончены постройки и освящены церкви, заложенные еще при игуменье Таисии. Училище преобразовано в епархиальное и размещено в зданиях, специально для этого выстроенных на средства монастыря. За время ее настоятельства число общежительниц в монастыре увеличилось с 261 в 1858 году до 646 в 1893-м. Был открыт детский приют, новые мастерские. В них шили шерстью, шелком, золотом и бисером. Писали иконы и отливали свечи. Изготавливали пряжу и полотно. Шили одежду и обувь. Выполняли разные работы по дереву.

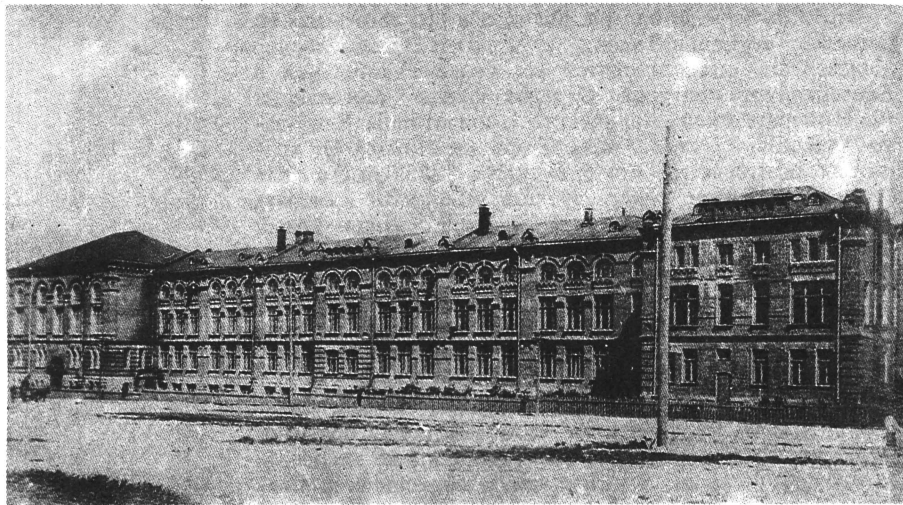
Будет уместно привести небольшое описание монастыря, помещенное в Екатеринбургском епархиальном адрес-календаре на 1887 год.

"...Екатеринбургский (первоклассный) Новотихвинский женский монастырь. На содержание монастыря ассигнуется от казны 1432 руб. 96 коп. и, взамен угодий от казны, 228 руб. 57 коп... Монахинь мантийных 93, рясофорных 31, белиц 120 и живущих по билетам послушниц 261. При монастыре имеются: а) больница собственно для лечения сестер монастыря, а при больнице аптека с медикаментами первой потребности, врач и фельдшер; б) больница для воспитанниц училища, помещается в особом двухэтажном каменном здании; в) приют для малолетних девиц духовного звания, которые принимаются 6—7-летнего возраста и находятся в приюте до 10-летнего возраста, принимаемого за норму для поступления в епархиальное женское училище; девиц 12; г) воскресная школа, которую в 1885/86 учебном году посещали 22 девочки. Больницы, приют и воскресная школа содержатся на средства монастыря... При сем же монастыре состоит Епархиальное 6-классное женское училище... Начальница училища, игуменья Магдалина, исполняет свои обязанности безмездно..."

Деяния настоятельницы не остались втуне. В разное время ей были пожалованы: наперстный крест из кабинета Императора, и еще один — из Святейшего Синода. За милосердную деятельность и высокие личные нравственные качества игуменья Магдалина была награждена почетным знаком Российского Красного Креста и Холмского братства.

Но всему приходит свой черед. Пришел черед и игуменьи Магдалины. Это произошло 10 января 1893 года.

По решению епархии ее сменила мать Агния, быв-



шая до того вторым лицом в обители. Но сестры не согласились с решением духовного руководства. Пользуясь правом избирать настоятельницу из своего числа, выбрали послушницу Пелагею Досманову, незадолго перед тем принявшую постриг. Она тоже была наречена Магдалиной.

Заботами новой игуменьи были построены: новая церковь Всех Святых (здание это цело и теперь), два больших деревянных корпуса (часть одного из них, считавшаяся жилым домом, снесена два-три года тому назад), возведены "...две очень длинных каменных стены вокруг монастыря".

Сделаю маленькое отступление.

В течение десяти лет я был знаком, и довольно близко, с "дедушкой" Мокрушиным. Григорий Васильевич, известный знаток истории города, с удовольствием делился тем, что знал. Сейчас его уже нет с нами... Так вот, однажды он упомянул некий "Монастырский прудок". Я тут же уцепился и попросил объяснений.

— А это пруд маленький, — сказал Григорий Васильевич, — его монашки выкопали.

— Как выкопали? — удивился я.

— А так и выкопали, — продолжал "дедушка", — лопатами деревянными. В юго-восточной части ограды стены.

— Какой стены?

— Монастырской...

— Так ведь она совсем в другом месте была. Ее остатки и теперь видны.

— Это части, — усмехнулся Григорий Васильевич.

— Раньше вся монастырская земля была окружена каменной стеной: сначала — по Монастырской площади (теперь пер. Университетский), потом — по Монастырской же улице (ул. Народной воли), по Коковинской (ул. Шейнкмана), по Болотной (ул. Большакова), по Уктусской (ул. 8-го Марта). Ну, а дальше по Александровскому проспекту (ул. Декабристов) дома были, два или три, и епархиальное училище на площади.

— А те стены, что сейчас целы и две башни? — спросил я.

— Эти старые, когда монастырь еще маленький был, — ответил Григорий Васильевич.

Но вернемся к делам монастырским.

Мать игуменья Магдалина требовала от сестер выполнения основной задачи обители: "... воспринять на себя во всех богоугодных делах неусыпнейший труд и сверх того от желающих принимать женского пола детей для обучения грамоте и разному рукоделию, а также принимать и призывать престарелых и в болезнях страждущих людей, не имущих родственников и от посторонних никакого покрова".

Эта заповедь, если можно ее так назвать, выполнялась во все времена существования монастыря.

В начале нашего века к работам, выполняемым сестрами, добавились: гальваническая мастерская по золочению и серебрению, мастерская по выжиганию на дереве, фотография, цветочная мастерская.

Монахини, в частности, цветочницы обучали этому ремеслу "епархиалок" — учащихся епархиального училища.

Знакомая нашей семьи — Мария Федоровна Антропова — с удовольствием вспоминала годы, проведенные в училище.

— Учили нас городские священники, несколько штатских и монахини из монастыря. На прогулки и экскурсии ездили — наймут извозчиков на весь класс и везут. То в лес, то на Шарташское озеро, то еще куда. Кормили хорошо, в церковь водили. У нас своей считалась монастырская — Феодосиевская. Она маленькая, но уютная. И вся в цветах. Как мы хорошо цветы сделаем — так в церковь несем. Батюшка поблагодарит и благословит. И тут же твой цветок к какой-нибудь иконе приспособит. Очень красиво было.

Мария Федоровна долгое время заведывала цветочным цехом в Свердловском оперном театре.

Кроме рукодельных, как их называли сами сестры, были еще и черные работы: уход за скотом, огородничество. У монастыря было два хутора, на которых постоянно жили и трудились от двухсот до трехсот сестер. Обитель процветала и в материальном, и в духовном смысле, ведомая твердой рукой игуменьи Магдалины.

Кто она? Откуда и как попала в монастырь? Известно мне немного. В миру была Пелагеей Стефановной Досмановой. Из купеческой семьи. Из каких Досмановых?

В путеводителе по Уралу на 1899 год в приложении помещено объявление.

"Оптовая и розничная торговля П. С. Досманова в Перми. Суконные, шелковые и шерстяные ткани русских и заграничных фабрик, китайская фанза и чесуча, форменные материалы для чинов военного и гражданского ведомств, пледы, одеяла, скатерти, ковры, мебельные материалы, гардинный тюль, парча, полотна русские и заграничные, шерсть, вата и резиновые галоши. Чай собственной развески, получ. через Кяхту. Сахар головкой, колотый и пиленый".

Этот П. С. Досманов мог быть братом...

Еще один Досманов — Павел Степанович, член Правления Общества вспомоществования приказчиков г. Екатеринбурга, снимал квартиру на Фетисовой улице (сейчас улица Девятого января) в доме № 13. А может быть это был один и тот же человек? Кто знает?

Может быть, в жизни купеческой девицы не все было удачно и счастливо. И вместо семьи, она решила

посвятить себя Богу. И решение это пришло в зрелом возрасте...

А семья у нее была — большая семья. К столетнему юбилею монастыря более тысячи монахинь, послушниц, призреваемых, приютских, сирот...

Благополучно отпраздновав столетний юбилей, монастырь продолжал свою боговерную, просвещенческую и благотворительную деятельность. Последняя усилилась с началом первой мировой войны, когда при монастыре был открыт "лазарет для раненых воинов". Он действовал в течение всей войны и некоторое время после ее окончания. Кроме того, в монастырских мастерских шили белье для солдат и офицеров, готовили перевязочные материалы...

В начале 1918 года был опубликован "Декрет об отделении церкви от государства". Вскоре началось закрытие церквей и монастырей. Точной даты закрытия нашего — Екатеринбургского — монастыря пока обнаружить не удалось, видимо, это было в конце 1921 — начале 1922 годов. В справочнике "Советский Екатеринбург", изданном в 1922 году, дан следующий текст:

"...85-е Пехотные Подготовительные курсы... Адрес: б. Женский монастырь.

20-е Кавалерийские курсы... Адрес: б. Женский монастырь..."

Буква "б" может означать только одно — бывший.

Газета "Уральский рабочий" — в № 105 за 12 мая 1922 года в заметке, посвященной изъятию ценностей в церквях и соборах, сообщила: "... В Тихвинском монастыре золота совсем нет. Изъято приблизительно 15 п. серебра (сюда входит и утварь из 4-х закрытых монастырских церквей)..."

Следовательно, с 12 мая 1922 года монастыря в Екатеринбурге уже не существовало.

Кто-то вернулся к родственникам, кого-то приютили знакомые, а кому-то пришлось идти куда глаза глядят.

В справочнике-путеводителе "Свердловск — столица Урала", выпущенном в 1924 году, уже не было адреса "б. Женский монастырь". Адрес был другой: "военный городок".

С церковью — Введенской, Скорбященской и Феодосиевской — были сняты купола и кресты. Над Введенской возведена корончатая башня, красующаяся до сих пор. В июле 1929 года в ознаменование Международного дня кооперации в здании церкви Всех Святых Церабкоп открыл магазин.

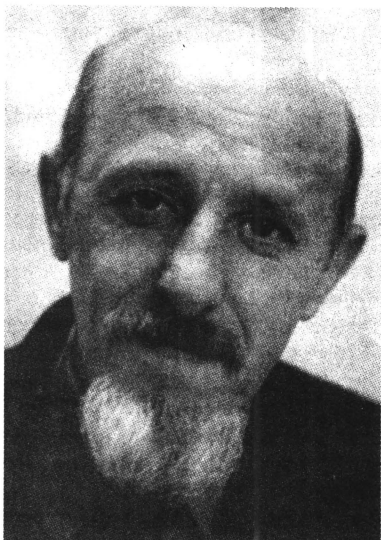
Отстраненную от монастырской семьи и от дел игуменью Магдалину приютили добрые люди, как и других сестер. И она тихонько жила до девяносто шести лет, до 1939 года...

Был ли монастырь явлением для города? Ответ должен быть однозначным. Да! Был ли монастырь явлением положительным? Думаю, что здесь ответ должен быть аналогичным. Достаточно вспомнить тысячу с лишним человек, которым монастырь давал кров и пищу.

И епархиальное училище...

Верующие Екатеринбурга надеются, что монастырские здания будут им возвращены.

Фото из архива автора.



НЕНАПИСАННАЯ КНИГА

ИЛИ

Слово о дружбе

24 октября 1993 года писателю Алексею Михайловичу Домнину исполнилось бы шестьдесят пять лет. Его историческими и приключенческими повестями и рассказами "Матушка-Русь", "Поход на Югру", "Дикарь", "Мау-Ми" зачитывались и подростки, и взрослые читатели. Многие произведения были впервые опубликованы на страницах "Уральского следопыта", другом и автором которого Домнин оставался до последних дней, до безвременной кончины в июле 1982 года. Не все замыслы писателя были реализованы, хоть он и успел завершить новое стихотворное переложение "Слова о полку Игореве", — огромную работу, которую считал для себя главной. Но была у Алексея Михайловича улыбчивая мечта... О ней и пойдет разговор в предлагаемом очерке.

В вагоне ранней электрички Пермь—Пальники прохладно. На остановках в тамбур вместе с толпой пассажиров врывается бодрящий холодок последних зазимков.

Проехали Левшино, Банную гору. Загрохотали пролеты моста через Чусовую. От вида заснеженных просторов Камского водохранилища с вмерзшими в лед лесославскими буксирами становилось еще холоднее. Алексей Михайлович Домнин, одетый в старенькое демисезонное пальто, зябко повел плечами:

— Эх, чайку бы сейчас, горяченького!

— А ты, Леша, кипятильник захватил?

— Зачем он? В этой поездке не понадобится. Угощаться будем парным молоком. Разумеешь, куда нас командировали?

— На строительство ГРЭС, в Добрянку.

— Вообще нет. Из отдела культуры облизполкома пришла содержательная бумага: "Просим выделить в Добрянский район двух писателей для обслуживания доярок на период отела". Нас и выделили. Понимаю, ты-то молодой, а меня на что?

Разумеется, "обслуживание доярок на период отела" — обычный домнинский розыгрыш, шутейная импровизация, без коих на свете жить было бы скучно. Серьезность в характере Домнина, строгого историка-исследователя, автора переложения "Слова о полку Игореве", фольклориста, ска-

зочника, лирического поэта уживались с блестящими юмором, с непреодолимым мальчишеством.

Внешне Алексей Михайлович очень напоминал Некрасова — своим апостольским ликом, серебром усов и бородки. Свою похожесть вышучивал, рассказывая о ней на полном серьезе:

"Приезжаем с Володей Воробьевым в одну из школ Кудымкара. Висит объявление: "У нас в гостях русские писатели!". Расположились в учительской. Заглядывают две девчужки, лет по одиннадцать—двенадцать. Одна глянула на меня, потом — на портрет Некрасова, и говорит: "Смотри, сам Николай Алексеевич Некрасов приехал!" А я в тон ей отвечаю: "И Александр Сергеевич Пушкин быть обещал!"

— Так это же байка, Алеша.

— Ну да, байка! Вдумайся: коми-пермяки обрели письменность свою и литературу примерно в 1925 году. Большинство писателей — коми-пермяки, что вошли во все буквари и антологии — Климов, Вавилин и другие — живут и здравствуют. Они, можно сказать, живые классики. Почему бы этой коми-пермячке не посчитать и классика Некрасова за вполне здравствующего? Убедил?!.

Домнин любил живопись, крепко дружил с пермскими художниками — А. Зыряновым, П. Обориным, мужем и женой Коллюпановыми, М. Тарасовой... Сам Алексей Михайлович тоже пробовал силы в рисунке и скульптуре, но это были ЕГО, домнинские, рисунок и скульптура. Принесенные из лесу узловатые корни становились

ликамии святых и плутоватыми рожами леших. Он мастерил подсвечники из причудливо изогнутых корневищ, пепельницы — из одеревеневшей чаги; стол и стулья для своего кабинета тоже сделал из лесных кочевряжин. Не кабинет, а логово лешего... И картины писал... из листьев. Свекольная румянность щек поистине была свекольной; василек дарил синь глазам портрета; теплота живой кожи ощущалась в листьях любимой домнинской осинки.

"Разбросанность" его дарований критики не одобряли, явно не понимая, что именно в них, своих картинах и скульптурах, черпал писатель творческие силы для главной своей работы: поэтического переложения "Слова о полку...", стихов и легенд, для переводов на русский коми-пермяцкого эпоса, для своей исторической прозы. Можно сказать, он был чрезвычайно целенаправлен в своей "разбросанности", которую проще и точнее назвать щедростью таланта.

При жизни Алексей Михайлович сердечных слов о своем творчестве слышал незаслуженно мало. Обидные — доводилось. После выхода в свет его веселой книжки для ребят "Беда в стране Белиберда" кто-то из блюстителей педагогической "нравственности" разразился "хихикальной", обидной рецензией в "Крокодиле".

Упоминаю об этом неприятном факте, потому что от лакировки лишь мебель блестит, а биография человека тускнеет. Алексей Михайлович переживал, но внешне бодрился: "Ничего, и про Пастернака "Крокодил" тиснул стишок, что поэт "видит солнце в грязной луже". Переживем, Мишка. А я решил переквалифицироваться в детективщики. Начал писать криминальный роман. Хочешь, пролог процитирую? Итак: "Труп лежал молча. Рядом лежала мертвецки пьяная жена трупа. Он схватил ее за ногу и стал душить..." Каково? Мурашки по коже не побежали?

Хохоча, говорю, что — нет, не побежали.

— Ну вот! — притворно огорчается Алексей Михайлович. — Ведь зарекался: никогда не показывать набросков. И тебе совет на будущее: не пересказывая замысел стихотворения или рассказа. Перегоришь, выговоришься — и — фьюить! — лень будет писать.

На выпады критики, касающиеся собственного творчества, Домнин не отвечал, игнорируя их недалекость, сиюминутность, конъюнктуру. Если же дело касалось собратьев по перу, он первым бросался на их защиту. Коснулось это и меня. В 1967 году вышла моя поэма "Горький мед". Газетно-журнальные борзописцы тех времен усмотрели в ней "искажение чистого, целомудренного образа советских женщин" за строки о фронтовике-инвалиде:

Зимний день. Снежок скрипит.
Памятно до боли:
едет пьяный инвалид,
бабник поневоле.

Половина тела в нем,
столько же березы,
а его из дома в дом
бабы в санках возят.

Расстилают простыни,
оставляют на ночь:
"Выпей бражки, отдохни,
Митрофан Степаныч".

Если бы не поддержка Домнина и Виктора Петровича Астафьева, не их бескомпромиссные статьи в защиту

поэмы, — кто знает, пришли бы когда-нибудь другие мои стихи к читателю?

Железного правила "отлеживания" написанного сам Домнин придерживался неукоснительно, за исключением, пожалуй, так и не успевшей стать рукописью книги "Уральских баек", в которой писатель мечтал возродить форму редкого ныне "городского анекдота". Задуманные байки объединялись героем-рассказчиком, простодушно-хитроватым, острым на слово и гораздым на выдумку. Домнин "обкатывал" их в различных аудиториях. Причем, после каждого прочтения они менялись, становились емче, короче, нелепее и смешней. Приведу две по памяти — так, как читал их Домнин.

"Сидим с женой, чай пьем. Прибегает Митька и говорит: "Пойдем в аэроklub! Запишемся, на летчиков выучимся!" Пошли, записались, выучились на летчиков. Митьку отправили в армейскую часть, а меня оставили инструктором.

Был у меня курсант, по фамилии Застенкер. Щедушный такой, шея тонкая, а голова большая, круглая, без единого волоска, а уши огромные, что твои локаторы. Больше всего любил Застенкер слушать разные истории. Где что услышит — сразу свои локаторы поворачивает. И надо мне с Застенкером идти в учебный полет.

А самолетик у нас старенький, еще в гражданскую войну списанный. Мотор тремя тракторами заводили.

Завели мотор, взлетели, сделали круг над аэродромом. И ухнули в воздушную яму. Как тряхануло, все тросы дзенькнули и полопались, оба крыла отвалились. Что делать-то! Грохнемся же...

Я не растерялся. Ору Застенкеру: "Слушай, чего у тебе сейчас расскажу!.." Он уши растопырил, ждет. Так, на ухах, и спланировали".

Обычно зал взрывался смехом, аплодисментами. Тут большую роль играло как личное обаяние Алексея Михайловича, так и его внешнее — чисто человеческое — несовпадение с образом фантазера-рассказчика.

Я учился у своего наставника искусству общения на творческих встречах. И разговор о Домнине начат с поездки в Добрянку, на строительство Пермской ГРЭС, не случайно. Это была наша последняя совместная поездка. Боль в плече не давала писателю покоя, он бранил "чертов остеохондроз", не подозревая: это раковые метастазы дают о себе знать. Но на встречах Домнин забывал о боли, живо интересовался всем на стройплощадке, и эта неподдельная заинтересованность притягивала людей, они невольно становились откровеннее, самораскрывались. И не пугались уже, что их жест, походка, меткое словцо обретут в писательском воображении иную, книжную жизнь. Какой враль из охотников — а сам Алексей Михайлович страстно любил охоту — подказал Домнину сюжет байки "Как я первый раз соврал?" мне неизвестно, но прототип у байки был:

"Сидим мы с женой, чай пьем. Прибегает Митька. "Слушай, — говорит, — заморозки уже, рябина поспела. Айда в лес по рябину!" Взяли корзины. Только углубились в лес, снег повалил, ветер подул, запуржило, завьюжило. У Митьки ноги длинные — ушагал куда-то. А я увидел вывороченную сосну. "Дай, — думаю, — пережду непогоду". Сел, задремывать в затишке начал. И тут меня кто-то лохматым боком к сосне притиснул. Ну да, медведь. Выходит, я его берлогу занял. Чем-то я медведю неудобным показался, он меня из-за

спины выгреб и прижал лапой к мохнатому боку, как медвежонка. Полусижу, полежу. Ни жив, ни мертв. Потом освоился. Есть захотел. Вижу, медведь лапу сосет. Я осмелел, отобрал вторую лапу. Лизнул — противно. Но посолил, и знаете, ничего, съедобно. Сытый, задремал. И стали мне сниться какие-то медвежьи, хорошие сны.

Сквозь дрему слышу: "Ты его рогатиной сзади толкай, а я его спереди жаканом встречу!"

Это меня-то?!

Как я выскочил из берлоги, как сказал охотникам все, что о них думаю, так они в овраг и посыпались. Взял я их ружья, надел лыжи. Прикатил домой.

Жена подозрительно спрашивает: "Где это ты целый месяц пропал? Ишь, какую физиомордию отъел!"

Сказал правду — не поверит, да и сам бы не поверил. Пришлось первый раз в жизни соврать. Сказал, что в доме отдыха был. "Берложий" называется..."

"Сидим мы с женой, чай пьем..."

Много разных людей приходило на "чай" в гостеприимную домнинскую квартиру. Первыми гостей встречали собаки. На Республиканской — вислоухий спаниель Арс. На улице Гайдара — азартный охотник Путик, лайка. Он и погиб-то на "охоте", когда шли через город полчища белок: была какая-то их орехово-шишечная миграция. Пес прыгнул за ними с "kozyрька" кинотеатра, примерно с высоты третьего этажа. Алексей Михайлович плакал.

До конца дней сохранил Алексей Михайлович умение удивляться людям и миру, мальчишескую восторженность души.

— Ну, Мишка, познакомился в деревне с бабусей — чудо! Рассказчица божьей милостью. У нее перед избой лужайка зеленая блестя, как шелковая. Спрашиваю, кто так ровненько постриг. А бабка — ей за семьдесят — отвечает: "То мои цыплятки поварничали. Они у меня хорошие, ручные. Но нынешние — не чета тем, что летось порушила. Были у меня три петушка, в избе, в закатке зиму держала.

Вечера долгие, темные. Зажгу лампу, поставлю вокруг стола табуретки, петушков пощипаю. Запрыгнут они на табуретки, поклонят со столешницы, чего дам. Потом хлопну в ладоши: ну, Петеньки, начали! Они и зачнут на табуретках приплясывать, меня передразнивать, крыльями хлопать. Представление.

А по весне зашел вечером батюшка наш, поп, значит. Увидел петушиную пляску и даже плюнул. "Ополумела, старая! Нет, чтоб грехи замаливать, так она чистый цирк развела". Сказал этак-то, ушел сердитый и сглазил ровно. Летом выпустила петухов во двор. Им бы кур топтать, а они... Подойдет красавец к хохлатке и — крыльями хлопает перед ней, пляшет. Сглазил батюшка! Пришлось петушков порушить..."

— Ну, чем не готовый рассказ для книжки "баек"? Понимаешь, живут у бабки в душе в полном согласии быль и сказка. Или вот про охотника — слушай.

"Жил — говорит, — у нас в деревне охотник. Пошел осенью в лес и видит: у Чертова озера черт лешего дерет. Леший совсем ослаб. Охотник-то и пожалел его, пальнул из двух стволов. Черт испугался и нырнул в озеро. Подошел леший к охотнику, поблагодарил. И пригласил в воскресенье к себе в гости. Охотник спрашивает: "Как же я ваш дом найду?"

— Видишь на угоре кривую сосну? Обойдешь ее,

встретишь горелый пень. Пнешь по нему, тут мой дом и откроется.

В воскресенье надел охотник выходной костюм и пошел в гости. Пнул горелый пень, и явился ему дом, крытый железом. Дверь распахнулась, вышла работница и говорит охотнику:

— Хозяин про вас сказывал, и велел обождать. Сам-то в лавку побежал, вот-вот вернется. Заходите!

Вернулся леший с ящиком вина. Сели за стол. Леший наливает охотнику полный стакан, себе — половину. И пока весь ящик не усидели, так и наливал: охотнику — полный, себе — половину. Поблагодарил охотник хозяина и ушел домой, удивленный. И до самой смерти удивлялся, почему леший наливал себе полстакана, а ему — полный?"

— Хорошая "байка"? Черт, леший — в порядке вещей. Они бабку не удивляют. А вот стакан и половина — загадка.

— Леша, ты про бабку-то записи сделал?

— Зачем? И так помню. Кое-что поправить — сгодится для книжки.

Увы, книга так и осталась ненаписанной. И сколько раз я, после неожиданной смерти Алексея Михайловича в июле 1982 года, клял себя, что не записывал устные рассказы своего друга и литературного наставника, тоже полагаясь на память.

"А знаешь, Мишка, почему у нас нынче охота зимой не вышла? Втроем взяли лицензию на отстрел лоса. Охотники все давнишние, а вот четверо суток зря по снегам и дебрям гонялись за сохатым. Ушел! А виновата "ведьмина метла".

— Что за метла такая?

— Жуткая вещь, березовый рак. Свисает с ветви черная шаровая молния, с метр в диаметре. Качается на ветру, безлистая и страшная. Рядом ни птица, ни зверь не гнездятся. А кто увидит "ведьмину метлу" — грибник, охотник — тем не повезет. Вернутся без добычи. Мы перед охотой эту штуку видели.

— Чертовщина какая-то, мистика.

— Ну, ты еще "ведьмину метлу" не видал...

Через много лет, в тайге, на Вижае, довелось и мне увидеть "метлу" — эту раковую опухоль. Впрочем, экология теперь такова, что "ведьмины метлы" уже не редкость. Встречая их в умирающих лесах, особенно вблизи городов, начинаю понимать глубинный смысл последнего домнинского устного рассказа. Крупно не повезло поколению, трудно выживающему в окружении "ведьминых метел"...

В каждом человеке живут разные люди. Даже если он кажется "сверхцельной" натурой. Поэтому памяти моего друга я посвятил стихотворение "Трое", хоть лежал он в палате один:

Их в роковой палате было трое.
Один ворчал. — Мир глуп. Тверда кровать.
О чем ни вспомню в жизни — все пустое.
Нет, мне совсем не страшно умирать.

Парировал другой: — Пустое было?
Друг-сопалатник, бросьте заливать!
Я вспомню все, что сердцу мило,
И потому не страшно умирать.

А третий, весь прозрачный, как из дыма,
сказал: — Что смерть? Прощальный взмах руки.
И все-таки она непоправима.
Давайте жить на свете, мужики!

Павел ТОЛСТИКОВ

ЛАМПОЧКА ПОЛЕНОВА

38 лет управляющим Салдинскими заводами состоял замечательный русский металлург Константин Павлович Поленов. Здесь в полную меру раскрылся его талант инженера-изобретателя. Во многом благодаря ему Нижнесалдинский завод со второй половины XIX века стал быстро обретать славу передового предприятия России. В 1864-м получило новое развитие рельсoproкатное производство. К. П. Поленов предложил и осуществил способ упрочнения железных рельсов. А для точной обрезки горячих рельсов "в меру" изобрел прибор – "фотометр". Нижнесалдинские рельсы отличались прочностью и низкой себестоимостью. На николаевской железной дороге при значительных нагрузках они прослужили бесценно свыше четверти века.

В 80-е годы Поленов плодотворно работал и вне заводской сферы: создал музыкальный инструмент "Мелодром", волшебный фонарь и эпидиаскоп, много сделал для практического применения электричества.

Когда Павел Николаевич Яблочков в Европе еще думал над созданием своей электрической лампочки, а Томас Альва Эдисон в Америке занимался усовершенствованием лампы накаливания, в Нижней Салде, что за хребтом уральским, уже горел первый в мире электрический фонарь.

Не исключена возможность, что со временем найдутся чертежи и описания устройства "поленовской" электрической лампочки-пионерки. В Салде считают, что все свои бумаги изобретатель захоронил в стеклянных колбах на площади, против заводских ворот. Но, к сожалению, и площадь, и заводские ворота, за вековой отрезок времени претерпели много изменений. И поиск затруднен.

Электрическую энергию изобретатель внедрял всюду: его "Мелодром" приводился в действие электротоком и являл собой прообраз современных электри-

ческих инструментов. Благодаря электрическому освещению волшебного фонаря, непрозрачные карты становились прозрачными.



В 1876 году К. П. Поленов изобретает русское бессемерованье. Сталь, полученная на Нижнесалдинском заводе по поленовскому способу, отличалась высоким качеством и пользовалась большим спросом на мировом рынке. В технологию нынешнего конверторного производства стали на Нижнетагильском металлургическом комбинате заложен принцип поленовского бессемерования.

В 1882 году по инициативе Поленова впервые в России на Нижнесалдинском заводе были построены и внедрены кауперовские воздухонагревательные аппараты.

Поленов, кроме того, взялся доказать, что и в Тагильском горном округе на Урале можно с успехом заниматься сельским хозяйством. На своих опытных участках он сеял по 50 и более десятин зерновых, ввел в практику все земледельческие орудия тех времен, вплоть до сноповязалок, выписанных из Америки. В Нижней Салде он вывел прекрасные семена овса и ржи. И урожай ржи менее 150 пудов с гектара казались ему плохими. На пашню

К. П. Поленова салдинцы смотрели как на опытную агрономическую станцию и следовали его примеру.

Вот как о нем отзывался его бывший помощник В. Е. Грум-Гржимайло:

"...Константин Павлович Поленов... был хороший, честный, умный человек, который крепко держал вожжи управления заводом в своих руках... для меня Поленов представлял прекрасную школу. Во-первых, говорить с ним не подумавши было нельзя. Он с первого слова садил в калошу. Во-вторых, его логичность была выше всякой похвалы. Если прибавить к этому, что все порядки в заводе были строго продуманы, отношения регулированы, хозяйство в образцовом порядке... На меня школа Поленова имела самое благоприятное влияние. Я выучился думать и додумывать до конца... Во мне развилась поразительная "добросовестность" мышления... Много от Поленова позаимствовали и другие ученики... Это была настоящая школа для управителей, единственная в Нижнетагильском округе..."

Екатеринбург

Владимир РУСАНОВ

СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ

Октябрьским днем 1903 года Владимира Ивановича Вернадского посетил молодой хранитель минералогического музея Московского университета.

– Хочу подарить университету свою коллекцию.

Профессор хорошо знал это уральское собрание минералов. Три года назад студент-ботаник Леонид Иванов, переведясь из Харьковского университета в Московский, привез с собой уникальную коллекцию уральских минералов. Некоторые оставались для него загадочными и, чтобы в них разобраться, он стал

посещать лекции Вернадского по минералогии. Они увлекли его своей живостью и глубиной. Нередко Леонид по предложению профессора работал в его лаборатории и уже мог точно определить все минералы своей коллекции. Пополнялась она во время

побежал к бабушке за разрешением забрать эти камни. И бабушка охотно отдала их внуку в "вечное" владение.

Когда он разобрал эту пыльную грудку, вымыл камни, они ожили, заискрились блеском колчеданов, расцвели красками самоцветов,

царства природы" и по картинкам узнал кое-какие минералы: горный хрусталь, аметист, малахит... С гордостью он разложил свою коллекцию на полочках этажерки.

Окончив в 1897 году Пермскую гимназию, Леонид поехал на Ураину — врачи рекомендовали сменить климат. Захватила яркая украинская природа, увлекся ботаникой, но всюду возил с собой коллекцию минералов. Она не давала ему покоя.

— Значит, это ваша судьба, — сказал Владимир Иванович, выслушав исповедь молодого человека. — Есть в вас божья искра. Благословляю на дальнейшие поиски. Дерзайте!

Леонид Ликарионович через всю жизнь пронес напутствие учителя. В 1912 году он становится профессором, возглавляет кафедру минералогии Екатеринбургского высшего горного института. Он занялся минералогией Украины, тогда еще совершенно неизученной, и родной Урал как бы вернулся к нему: отыскались такие "уральские" минералы как топаз, берилл, аквамарин, леподолит и другие.

Россия признала научные открытия Л. Л. Иванова. Он дослужился до чина статского советника, стал кавалером орденов Св. Станислава (1910), Св. Анны (1914). Только в Днепропетровской области он обнаружил и описал местонахождение 237 минералов, весьма ценных для государства.

В советское время жилось Иванову не просто. За грех считались даже его давние научные командировки в Австро-Венгрию и Германию. Во время немецко-фашистской оккупации он продолжал работать в Днепропетровске. До конца жизни заведовал кафедрой минералогии Днепропетровского политехнического, потом горного института.

Умер Леонид Ликарионович в середине 1946 года, на 70-м году жизни.

г. Оса, Пермской обл.



летней практики на родном Урале, куда Леонид стремился всей душой. Под руководством профессора Вернадского молодой ученый пишет первые свои работы.

Владимир Иванович усадил Леонида в кресло:

— Очень интересно знать подробности о вашей коллекции. Расскажите.

За чашкой чая Леонид поведал удивительную историю.

Его детские годы прошли в далеком Прикамье, в старинном городке Осе. Когда мальчику исполнилось десять лет, умер отец — осинский казначей. Семья переехала в Пермь: мать непременно хотела дать детям образование.

Летом Леонид приезжал в Осу к бабушке на каникулы. Дом и прилегающие к нему постройки располагались на высоком месте, откуда открывался живописный вид на речку Осинку, на низменную часть города. Вдали зеленели луга, сверкала гладью Кама. А еще манили юношу своей таинственностью разные постройки во дворе.

Однажды, исследуя сарай, он нашел на чердаке пыльную грудку камней. Кубарем скатился вниз,

тов, заблестели слюдой и шпатами. В общем, находка захватила его целиком.

Позже Леонид узнал, откуда взялись эти минералы. Его дед, крепостной князей Абамелек-Лазаревых, собственным горбом и светлой головой добыл себе волю и с ней какую-то должность на заводе в Нытве. Здесь, возле инженеров-иностранцев, дед достиг некоторого самообразования. Очевидно, он пристрастился к минералогии и собрал ценную коллекцию, оставив ее в наследство своей жене. У Леонида долго хранилась дедова книжка-календарь с его записями гусиным пером. Например, такого рода: "1812-го года 12 января вошел француз в российские пределы". Или: "Этого числа затчено за присланный топаз — 50 р."

Однако бабушка была человеком совсем другого склада. Большие листы бумаги от каталога коллекции пошли на кухонные нужды, а тяжелыми друзьями хрусталия задавливали капусту.

Леонид перевез свою находку в Пермь. Но в прежней классической гимназии, откуда было изгнано естествознание, ему не могли помочь разобрататься в камнях. Нашел где-то книжку "Три

На снимке: дом казначея Л. А. Иванова в Осе. Памятник архитектуры, построен в 70-х годах прошлого века. В этом доме родился и рос будущий ученый.

”ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ НА УРАЛЕ. Т. 1 (1760–1860)”

Грустно наблюдать за перипетиями литературного процесса у нас в России. Взять хотя бы сегодняшнее время. Только впустили в свой дом свежий воздух русского зарубежья и доморощенного самиздата, как тут же захлопнули дверь перед серьезной научной литературой. Даже полки магазинов “Академкнига” заполнила беспардонная книжная публика в ярких одеяниях или вовсе без оных. Книжный ширпотреб не печатает нынче разве только совсем ленивый, а чтобы издать серьезную монографию, на которую положена автором едва ли не вся жизнь, перед кем только не встанет он на колени! Избавились от цензуры идеологической, напоролись на экономическую. Воистину прав поэт-современник:

*Писать, чтобы печататься в России
Практически невысказано, увы.*

Вот и сегодняшняя гостья нашей рубрики появилась на свет в количестве всего 200 экземпляров — на большее духу не хватило у издательства Уральского университета. Так что если книгу пустить только в библиотеки, то ее получит лишь каждая 45-я читальня у нас на Урале!

А между тем перед нами первая попытка изложить историю журналистики всего Большого Урала за первые сто лет ее существования. Материал у автора, историка и журналиста, преподавателя Уральского Гос. университета Виталия Алексеевича Павлова накапливался десятилетиями подвижнического труда — архивных поисков, кропотливого изучения печатных источников, апробации на слушателях университетского курса, читателях уральской периодики, участниках клуба “Уральский библиофил”.

В книге не только масса нового, что называется, незахваченного фактического материала, но и во многом по-своему автор осмысливает старый.

Книга В. А. Павлова продолжает очень недлинный ряд исторических исследований провинциальной журналистики. Бытование печатных органов, их общественное лицо, стиль и содержание рассматриваются глубоко профессионально, не в отрыве, а в связи с литературно-общественной жизнью страны. Заинтересованный читатель, историк, краевед, библиофил в лице этой книги найдет умного, увлеченного и нескудного собеседника. Если, конечно, где-то разбудит один из 200 экземпляров.

Мы сердечно поздравляем с очередной книгой Виталия Алексеевича Павлова, давнего автора и друга “Уральского следопыта”.

По обыкновению предлагаем читателю журнала небольшой фрагмент из книги, повествующий о малознакомом “жанре” публицистики — “летучих” изданиях.

“ГОТОВЫ ОПОЛЧИТЬСЯ ПОГОЛОВНО”

Возникновение “летучих” изданий восходит к глубокой древности. Для информации населения и управления им в феодальной Руси в рукописных копиях рассылались по градам и весям княжеские, а затем и царские грамоты, указы, манифесты. Их оглашали бирючи в церквях, на базарах и ярмарках.

Полученная из Москвы воеводой грамота прочитывалась, копировалась и рассылалась соседнему воеводе, в уезды; в уездах вновь снимались копии и отправлялись в волостные управления и т. д. До введения в России регулярного почтового сообщения сношение между частями государства было крайне затруднительным. Грамота, посланная из Москвы в Соликамск, шла до места 55 дней.

Печатались “летучие” издания обычно отдельными листами, причем часто на одной стороне листа, оглашались устно или расклеивались на столбах, на заборах и стенах зданий. Поэтому до нас они дошли буквально в считанном количестве, особенно местные.

Насколько изучение “летучих” изданий важно, говорит тот факт, что в течение столетий они были чуть ли не единственным средством и источником информации.

Пермская губернская типография перепечатала на трех полосах “Журнал военных действий с 19 по 29 мая 1807 года. О действиях военных отрядов в сражении с французами”. Несомненно, что в ту пору подобные “журналы” производили большое впечатление. Архивные документы показывают, что уже тогда на горнозаводских предприятиях Урала проходили добровольные сборы оружия и денег для армии. Только на Нижнетагильском заводе было собрано и сдано государству более 300 единиц огнестрельного и холодного оружия. Тагильские крепостные крестьяне и мастеровые собрали 3340 рублей 87 копеек.

На Урале началось добровольческое движение. Как сообщал ратман Туринского городского магистрата 12 августа 1812 года четверо туринцев — Михайло Гуляев, Яков Зубарев, Иван и Егор Аникины добровольно пожелали идти в военную службу “за веру и отечество”.

По свидетельству современника, пермского летописца Ф. А. Прядильщикова, “крестьяне Камышловского уезда заявили губернскому начальству, что они готовы ополчиться поголовно”.

Но поскольку “ополчиться поголовно” было просто нельзя, ибо

Урал оставался главным поставщиком боеприпасов и оружия для армии, уральцы, по примеру предков, приступили к добровольному сбору средств на новые воинские формирования. То, что в этом движении участвовали магнаты-заводчики, крепостники, не удивительно: они защищали свое благоденство, свои несметные богатства. Не удивительно и то, что Николай Демидов, заводовладелец, сформировал полк ополчения, который участвовал в Бородинском сражении. Кроме того, он безвозмездно отдал казне все снаряды, причитавшиеся в 1812 году с его заводов.

Трогательно то, что свои скромные добровольные взносы делали непременно работники, мастера и приписные крестьяне. Почти каждый из них отдавал на защиту отечества по 25–50 копеек, а иные по 1–5 рублей. Для уральского рабочего это были огромные суммы, если учесть, что средний заработок мастерового составлял тогда от 50 копеек до 1,5 рубля в месяц.

Когда читаешь документы периода Отечественной войны 1812 года, кажется, что не было на Урале человека, который не участвовал бы в добровольных пожертвованиях.

Борис РЫЖИЙ

ПЕЙЗАЖ С ДЕТСТВОМ

Поэзией восемнадцатилетний екатеринбуржец Борис Рыжий занимается всего лишь два года, но, как он сам говорит, "двухлетняя судьба моих стихов для меня дороже восемнадцатилетней моей."

Несмотря на молодость, Боря успел четко и ясно сформулировать собственные творческие принципы:

"Главное для меня — не вникнуть в смысл бытия, не разобрать Мир по частям, но создать свой.

Я не стремлюсь что-либо растолковать читателю, но хочу хотя бы на минуту заставить его чувства звучать в унисон с моими. Или наоборот, не имеет значения.

В метафорах моих нет и тени какого-либо подтекста. Просто я так вижу."

"Уральский следопыт" поздравляет молодого поэта с первой серьезной публикацией! Удач тебе, Боря!

ВЕЧЕР

Я вышел в улицу. Квартал,
ко рту прижав платочком осень,
ребенком нежным крепко спал,
а с неба смоляные косы —
свисали облака и сны,
как над бумагой виснут штампы,
и мошкарю вокруг лампы
кружилась ночь вокруг луны.
Я вышел в улицу. И поздно
мне было жить для новых дней.
Кружилась ночь, дрожали слезы
в железных веках фонарей,
сочились с неба боль и тишь
сквозь рыжих звезд косые ранки.
И город нес, как сердце — Данко,
седой закат в ладонях крыш.

Январь, 1993

ПЕЙЗАЖ С ДЕТСТВОМ

1

Небо накуксилось и, отряхнувшись от тени,
прошло по аллее. Ресницы листы распахнуло
утро. Уста полусонной простывшей сирени
легли на ладонь мою слякотью трех поцелуев
последнего детства.

2.

Как просто, как просто быть просто предметом на фоне,
как просто на фоне приветствовать будущий день и...
Солому тумана жевали бетонные кони
и замирали, нахохлясь фонарною ленью.
Как просто, как просто...

3.

Стоит за душою пацан, ненавидящий школу,
и водка в подъезде, бичи... Но до этого было
дачное детство, и скрип деревянного пола,
и отъювенья с кровавою пастью камина,
сказки и прочее.

4.

Небо, накуксась, сглотнуло невкусные лампы
звезд и накуксилось пуще. В тумане ржавеет...
Мне жить с этой жуткой оскоминой жизни не ладно,
и с этим полуночным бредом, но я, тем не менее,
так просто влюбляюсь.

5.

Так просто влюбляюсь в последнее детство за то, что...
Солому тумана жевали... Накуксилось небо...
В тумане ржавеет тугая струна горизонта...
...лишь только за то, что в нем больше ни разу не буду.
А может, и не был.

Март, 1992

ЖИТЬ ЗДЕСЬ

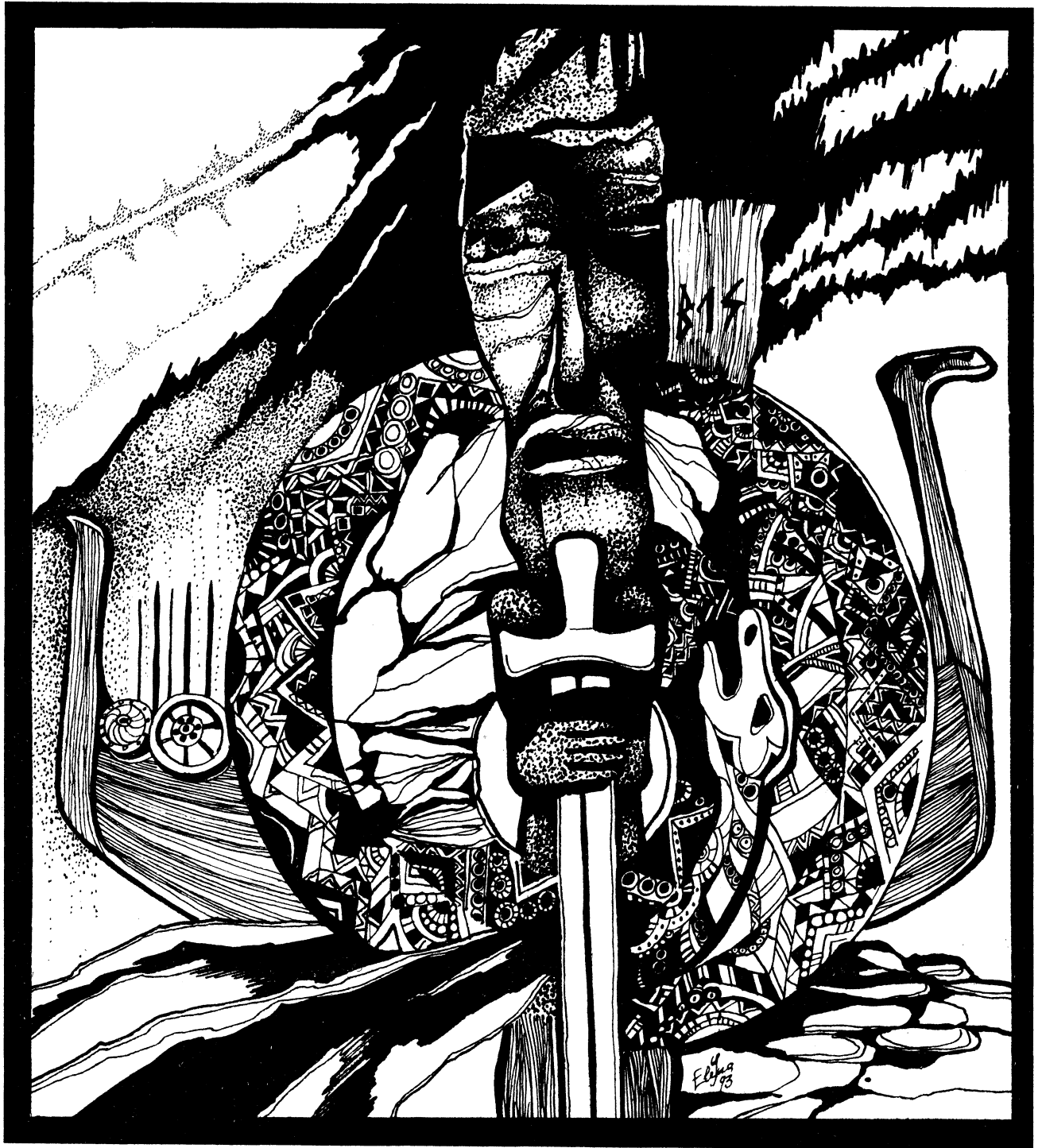
Родная, мы будем жить здесь, где нет прохожих,
где лишь созвездья. И пить одни лишь сухие вина.
Здесь реки, сбросив русла, как змеи — кожу,
за даль метнутся. И будет пахнуть сырой
овчиной.
Закат, что в небо вкравлен богом, чахотной розой
увянет, ветры утихнут, слезы пойдут на убыль.
Мы будем жить здесь и будем вместе смотреть... А звезды
здесь разноцветны, как в небе мая — глаза салюта.
По сути дела не будет лета, зимы и прочих...
Не будет милых моих, любимых моих, хороших...
Туман укроет нас белоснежной своей рогожей.
И будут ночи, сплошные ночи, сплошные ночи.
Но все проходит, и мы пройдем, и почти задаром.
И будет небо, по всюду небо, как черный зонт... А
мы будем в ночи, как в отложении два омара.
...И безресничный прищур безглазого горизонта.

Февраль, 1993

Так кончается день на краю окна.
Так приходит сон, и рифмуешь наспех
"ночь" и "прочь". Так стоит на столе бокал.
Так смеется небо лиловой пастью.
Так лежат на столе два пустых листа,
Будто ангел-хранитель в связи с сезоном
Сбросил крылья (листья), что твой лось — рога,
и ушел в ночи, потоптав газоны.
Так пускают корни в тебя дожди.
И толчешь "судьба", как капусту в ступе,
кулаком в груди. Так кончают жить.
Так пылится тень, словно абрис трупы.
Так глядишь на мир через жабры век:
как сложна хиромантия троп, дорог.
Кто-то жизнь подарил тебе, но за тем,
чтоб ты умереть, не колеблясь, мог.

Март, 1993

Мария СЕМЕНОВА



Иллюстрации Елены УДАЛОВОЙ

С ВИКИНГАМИ НА СВАЛЬБАРД

И кажется людям, что беспределен
тот океан и нельзя его переплыть.

Снорри Стурлусон

Помни, о Господи, что судно мое
так мало, а твое море так велико!

Старинная морская молитва

1. Сын и Отец

Люди не дали никаких имен тем двум горам на берегу, и Хельги про себя называл их по-своему: Сын и Отец. Отец до середины лета носил на голове снежную шапку, а в холодные годы не снимал ее вовсе, и серебряная седина вершины то ярко горела на солнце, то пряталась в облаках. Хельги случалось подниматься туда, и он видел крохотные березки, робко выглядывавшие из-под камней. И цветы, что были выше этих березок.

Сын стоял рядом с Отцом, на полшага ближе к морю, словно выдвинувшись из-за родительского плеча вперед, на простор, навстречу налетающим бурям.

В начале времен горы были великанами; рыжебородый Бог Тор¹ поразил их своим молотом, превратив в неподвижные камни. На закате мира камни вновь оживут, и старшая гора впрямь окажется седым великаном, приведшим в бой юного сына. Хельги был первым из людей, кому эти скалы доверили бережно хранимую тайну. И он никому не собирался ее раскрывать.

...Так вот, когда одинокий скалистый островок становился как раз по борту лодки, а Сын и Отец заходили друг за друга, это значило, что внизу раскинулась песчаная банка, изобильная рыбой, и можно выметывать снасть.

У берегов Раумсдала² вот уже несколько дней не было ветра, и парни намаялись с веслами, пока добирались сюда из дому и ставили ярус³. Теперь они спали на дне лодки, на теплых от солнца гладких досках, усевшись присохшими чешуями, и лишь Хельги, вызвавшийся посторожить, один сидел на носу. И поглядывал из-под ладони на круглые сосновые поплавки, неподвижно лежавшие поодаль.

Глубоко внизу, в холодной прозрачной воде, колебались у дна кованые крючки с нанизанной на них лаковой мойвой. Осторожно шевеля плавниками, подкрадывалась к тем крючкам серебряная треска, жадная зубатка, жирный сплюснутый палтус... Вот уже раскрываются рыбы хищные пасти, а сильные тугие тела изгибаются для немедленного броска прочь!

Хельги ясно вообразил себе готовую попасться добычу и даже головой замотал: как бы не взглянуть.

Немного погодя ему показалось, будто поплавки, увенчанные крашеными лоскутками, начали кивать и покачиваться, колеблемые медленной зыбью, почти незаметно докатывавшейся откуда-то издалека. Потом море вздохнуло поглубже, так, что шелохнулась тяжелая лодка. Хельги посмотрел на солнце и увидел, что его окружала бледная радуга. Тогда-то он поднялся и принялся будить спящих парней. Было очень похоже, что где-то там, вдалеке, тяжело ворочался шторм. Незачем ждать, чтобы тучи повисли над головой, а волны принялись хлестать через борта.

Молодые рыбаки наскоро плескали себе в лица забортовой водой, стяхивая остатки дремоты, и брались кто за весла, кто за крепкие багры с крючками на концах. Потом потянули ярус.

Толстая плетеная веревка ложилась кольцами, оставляя мокрые следы на досках. Вот подняли на борт увесистый каменный якорь, и все глаза напряженно уставились в сумрак глубины: ну-ка, что там на крючках? Не пришлось бы краснеть перед насмешливыми девчонками, когда те станут предлагать им, нерадивым, уступить на следующий раз и лодку, и снасть!

Первые несколько крючков и вправду вышли пустыми. Хитрые морские твари будто в издевку обвели наживу и ушли себе невредимо. Но вот внизу блеснуло мутное серебро, и Хельги приготовил багор. Рыбина не сопротивлялась, ошеломленная быстрым подъемом со дна, но тонкая бечевка крючка могла не выдержать тяжести. Хельги привычно взмахнул багром — и треска в четыре локтя длиной гулко шлепнулась на деревянное днище, смазав широким мокрым хвостом по чьим-то босым ногам.

И работа пошла!.. Бездельных, лишних рук не стало на лодке. Вот показалась туповатая голова пятнистой зубатки, намертво закусившей длинное железо крючка: эту надо глушить как следует, зазеваешься — тяпнет за ногу, как злая собака, даже и сапог продерет, месяц будешь хромать...

А вот вынесло наверх плоскую темную камбалу чуть не в самую лодку шириной: палтус! Такого красавца и на праздничный стол не стыдно подать жареным или копченым. В шесть багров затащили вяло трепыхавшегося палтуса через борт, подняли остаток яруса со вторым якорем — и сели на весла. Хельги оглянулся назад, в сторону открытого моря: там в небесной голубизне уже забелели верхние края туч. Хельги вытащил из-под кормовой скамьи нарочно отложенный берестяной коробок с хлебом, козким сыром, луком и вареной треской. Размахнулся и вытряхнул все это в воду, журчавшую и пенившуюся за кормой:

— Дал ты нам, Эгир⁴, славную рыбу, дай и в следующий раз, когда приедем ловить.

На середине пути к берегу за кормой появилась полосо ряби, устремившаяся вдогон. Ребята живо подняли мачту, и налетевший ветер погнал лодку вперед. Хельги привычно устроился у кормила: ватажники полагали, что он неплохо с ним управлялся. Он знал, иные завидовали его сноровке, ведь в лодке были парни постарше — но про себя полагал, что было бы странно, окажись он, сын викинга⁵, на свое пятнадцатое лето увальнем и неумехой.

Волны между тем становились все выше и круче, иные начинали уже вскипать яростной пеной. Слепое солнце разбрасывало щедрые блики, и они дробились на синих спинах волн, слепя натруженные глаза.

Время от времени Хельги оглядывался на тучу. С моря подходила гора, начинавшаяся у самой воды, и взгляд не мог охватить ее всю целиком — приходилось заирать голову. Холодная, залитая неистовым светом вершина была белоснежной, совсем как у настоящей горы, увенчанной нетающими ледниками. Но каменные

1 Тор — Скандинавский Бог грома и молнии, изображался в виде рыжебородого богатыря на повозке, запряженной двумя козлами. Оружием Тора был молот Мйольнир; это слово считается родственным русскому "молния". (Здесь и далее прим. автора).

2 Раумсдаль — историческая область на юго-западе Норвегии.

3 Ярус — род перемета, морская рыболовная снасть. Использовался на глубинах до 150 м, мог достигать сотен метров толщины и включал многие десятки крючков.

4 Эгир — в древнескандинавской мифологии подводный великан, персонификация океанской стихии. Жена Эгира — великанша Ран — собирала в свою сеть утонувших в море.

5 Викинги — древнескандинавские морские разбойники. Ученые спорят о происхождении этого слова. Многие считают, что оно означает "ушедший из дома".

горы на берегу были карликами рядом с той, что плыла в небесах, — даже такой исполин, как Отец. Надвигались, меняя свой облик, белые пики, дымчатые красноватые склоны и глубокие пещеры, залитые зеленоватыми сумерками. И подножие, где властвовала синяя тьма, где металась трепетные молнии и море смешивалось с небом... Хельги прикидывал расстояние до берега и радовался, что не промешкал. Поистине красива туча, сулящая бешеный шторм, но лучше любоваться ею с твердой земли.

Возле устья фиорда⁶ были разбросаны плоские каменные острова, на которых не росло ничего, кроме мха. Иные острова совсем скрывались в прилив. Люди помнили, как на одном из них — Хельги мог бы указать, на котором, — грозный Харальд конунг⁷ казнил своих врагов, привязав их к камню во время низкой воды. Видевшие говорили, те двое храбрецов пели боевые песни и подбадривали друг друга, пока не захлебнулись. Хельги бывал на островке, видел камень и мог представить себе, как все получилось.

Лодка побежала проливом, и волны сразу сделались тише. Вот теперь буря могла лютовать сколько угодно; вошел в шхеры⁸, считай, что ты уже дома.

Солнце померкло, заслоненное тучей. Хельги увидел, как длинное облако, похожее на боевой корабль, скрыло Сына, ударилось в плечо Отца и поползло, извиваясь, по кручам... Ледяная вершина еще какое-то время парила над серым клубящимся туманом. Потом заволочло и ее.

А над устьем фиорда с южной стороны нависал чудовищный отвесный утес, ржавато-серый, словно тронутое ржавчиной железо. Люди издавна называли его Железной Скалой, и далеко по побережью тянулась недобрая слава об этих местах. Неспроста, наверное, даже вездесущие чайки не строили здесь своих гнезд. Там, наверху, вправду цвели отменные ягодники и рыскала непуганная дичь, но стоило громко крикнуть или протрубить в рог, и можно было дожидаться обвала. А у подножия скалы зимний лед получался гнилым и непрочным, горе, если кто пустится мимо на лыжах. И все это было кознями троллей⁹, тех, что селятся в мертвой толще камней.

Железный Лес — вот как зовется гнездо ведьм, расположенное на севере, неведомо где; люди полагали, именно оттуда тролли притащили этот ржавый утес, утвердили возле моря себе на забаву.

Теперь под ним полосой лежало затишье. Первые капли дождя с шуршанием падали в воду. Чистившим рыбам пришлось вытереть руки и снова взяться за весла: впереди, за поворотом фиорда, был уже дом.

Хельги направил лодку к северному берегу, туда, где на отлогом склоне виднелся огороженный двор, и почти сразу увидел у воды мать.

После отца у нее больше не было мужа, не было и других детей, один только Хельги. Оттого-то в свои тридцать две зимы она была еще совсем молода, стройна и красива. Сватались к ней разные женихи, но мать всех прогоняла. Разве мог кто-нибудь из тех, кто звал ее к себе жить, сравниться с отцом!..

Мать стояла у самой воды, сцепив на груди пальцы, и набегавшие волны трогали ее кожаные башмачки. Хельги поднялся на корме, улыбнулся и помахал ей рукой. Мать боялась моря, и, правду молвить, ей было отчего беспокоиться. Все помнили, как прошлым летом после такой же бури волны выбросили изуродованные обломки корабля и два мертвых тела, державшихся синими пальцами за мокрые доски... Хельги прислушался к глухому, зловещему реву, доносившемуся из-за скал. Да, еще немного, и пришлось бы кидать за борт улов.

Лодка заскребла килем по дну. Молодые ребята выскочили в воду, подтаскивая суденышко к берегу. Рабы, пришедшие со двора, стали перекладывать добычу в плетеные корзины. Будет вечером овсяная каша, сдобренная жирной тресковой печенкой, добрая еда, от которой прибывает сил и здоровья!

И все разумные матери сидели себе дома, зная, что сыновья сумеют обмануть бурю и вовремя вернуться домой. Только Хельги обнимал заплаканную женщину, выглядевшую ему сестрой, и гладил ее русую голову рукой в налипших чешуях.

— Ладно, будет тебе, — говорил он матери на ее языке, зная, что ее это утешит. — Полно плакать-то, я же не потонул.

— Дитяtko, — шептала мать, уткнувшись лицом в его загорелую шею. — Дитяtko маленькое... Мстиславушка...

Это было второе имя, доставшееся Хельги при рождении. Так бывает всегда, если мать и отец принадлежат разным народам.

— Пойдем домой, — сказал Хельги. — Вымокнешь вся.

Когда-то давно, в детстве, квохтание матери сердило и обижало его, да и сверстники во дворе дразнили беспощадно. Но потом однажды он повзрослел и понял, что был для нее единственным родным существом в огромной, чужой и не очень-то приветливой стране. С тех пор он слушал ее воркотню, как достойно мужчине, снисходительному к слабости женщин. А кто пытался ему что-то сказать или, хуже того, язвительно пометаться... что говорить, тот был воистину смел.

Двое старых рабов закатали штаны и принялись отмывать лодку от рыбьей крови, слизи и чешуи...

2. Никогда не слушай советов матери

Отец Хельги купил его мать на рабском торгу в далекой стране Гардарики¹⁰. Отец уехал туда из Норэгр¹¹ вместе с братьями, потому что Харальд конунг тогда сражался за власть, и сладить с ним впрямь было не просто. Мать говорила, отец выбрал ее только за сходство с некоей женщиной, которую он любил. Хельги полагал, что это была неправда. А если правда, то не более чем наполовину. Отец скоро забыл думать про злую красавицу, другое дело, норны¹² не отпустили им с матерью долгой любви. Мать прожила у него всего лишь девять дней и ночей, а потом он пал в битве от копья, которое пробило ему спину и вышло из груди, и Хельги знал, что мать хотела поехать на его погребальном ко-

6 Фиорд — узкий и длинный морской залив, глубоко вдающийся в сушу, часто с отвесными, обрывистыми берегами, неотъемлемая часть норвежской природы.

7 Конунг — древнескандинавский племенной или дружинный вождь, позднее король. Конунгами скандинавы называли русских князей. Сэконунг — "морской конунг", вождь викингов, не имевший земельного надела и дома, кроме корабля. Харальд конунг — имеется в виду Харальд сын Хальвдана, впервые объединивший страну в конце IX в. при отчаянном сопротивлении местных вождей. Его правление ознаменовалось массовой "эмиграцией" норвежцев в Ирландию, Исландию, Англию и на Русь.

8 Шхеры — небольшие, обычно скалистые острова вблизи материка, разделенные извилистыми проливами. Очень характерны для норвежского побережья. Плавание в шхерах требует большого искусства и знания местности.

9 Тролли — злая нежить скандинавских легенд, великаны-людоеды.

10 Гардарики — букв. "Страна Городов", так скандинавы называли Русь. Отсюда "гардский" — "русский".

11 Норэгр — "Путь на север", древнее название Норвегии.

12 Норны — скандинавские богини судьбы. Именами норн названы три вершины горы Мисери-фьёлль ("Горы Несчастий") на норвежском острове Медвежьем, расположенном на полпути между материком и архипелагом Шпицберген.

рабле. Старший брат отца не позволил ей этого и взамен дал свободу. Ей и сыну, который мог со временем появиться.

Теперь братья отца и все их люди снова жили у себя на севере, в Халогаланде, ибо конунг позволил им вернуться в страну. Только Хельги поселился здесь в Раумсдале, у дальней родни, и с ним мать. Таково было условие мира. И так должно было продолжаться, пока ему, Хельги, не минует пятнадцать зим.

Он долго ждал этого срока, и чем дальше, тем нетерпеливее. Но вот, наконец, настало нынешнее лето, совсем особенное в его судьбе. Скоро придут с севера два знакомых боевых корабля, и братья отца по обычаю введут его, сына вольноотпущенницы, в свой род.

Хельги нравилось вытаскивать из сундука секиру отца и примеривать к ней руку. В прежних своих битвах эта секира не причиняла ран. Если уж поражала, то насмерть. Один только раз вышло иначе, но тогда отец просто пощадил врага и ударил его обухом, а не острием. Людям кажется, пощадить врага порой бывает труднее, чем зарубить. Так поступают мужественные люди. Хельги знал, что должен это запомнить.

А еще в сундуке хранилась куртка мохнатого волчьего меха, которую отец носил много зим, называя счастливой. И Хельги нечасто извлекал ее на свет, опасаясь, как бы она по ветхости не развалилась. Мать однажды застала его в ней и сказала, что он сделался очень похож на отца. Наверное, ей просто хотелось порадовать сына, но у него сердце забилося чаще обычного, и он принялся думать, что когда-нибудь эта куртка окажется ему как раз впору... а может, даже чуть-чуть узковата в плечах...

У Эйрика Эйрикссона, хозяина двора, не было своих сыновей: только дочка, давно вышедшая замуж. Вот он и радовался Хельги, точно родному. Через несколько дней, когда шторм поутих и в небе проглянуло солнце, он подозвал Хельги к себе и сказал:

— Съезди-ка пригласи Кетиля Аусгримссона. Ведь скоро твой праздник.

Кетиль Аусгримссон, его зять, жил совсем недалеко, в соседнем фиорде. Хельги бывал у него и знал дорогу.

Прошлым летом к Эйрику приезжали корабельные мастера; они строили для него кнарр, морскую торговую ладью. Любопытный Хельги тогда подружился с мастерами и под их приглядом сам вытесал себе лодочку, быструю, прочную, хорошо слушавшуюся руля. Он часто ходил на ней по фиорду и на острова. И теперь он по привычке направился было в корабельный сарай, но мать остановила его:

— Не надо на лодке, Мстиславушка... Поезжай лучше верхом.

Хельги нахмурился.

— Морем ближе, только Железную Скалу и обогнуть. А на лошади — это же два дня добираться.

Мать не стала с ним спорить, но лицо у нее сделалось такое несчастное, что Хельги понял — придется в очередной раз уступить. Ладно, скоро они поедут на север, в Халогаланд, и он будет ходить в походы вместе со старшим братом и дядей. Тогда-то ей останется только бояться за него и глядеть в море с высокой горы, ожидая возвращения корабля!

Все еще ворча про себя, он вывел из конюшни буланую кобылку, на которой обычно ездил, и положил ей на спину мягкое кожаное седло. Мать подошла к нему, держа в руках вязаную шерстяную рубашку. Правду сказать, рубашка была старая и вся изорванная, потому что Хельги ходил в ней охотиться. Но толстая

мягкая шесть хорошо сохраняла тепло, и мать раз за разом латала ее: не простыло бы дитя неразумное на высоких вершинах, где искрится лед и лежат холодные снежинки...

— Я не хочу ехать в этой рубашке, — сказал Хельги сердито. — Я в ней похож на слугу. Дай мне лучше ту крашеную, с вышитыми рукавами!

Мать ответила, улыбнувшись:

— Крашеную я положила тебе в сумку, чтобы не мялась в дороге. Ты наденешь ее, когда будешь подъезжать ко двору. Тогда Вальбьёрг увидит тебя в ней и подумает, что к ним приехал сын воина, а не какой-нибудь работник.

Вальбьёрг — так звалась румяная ровесница Хельги, воспитанница Кетиля Аусгримссона. Хельги покраснел и выдернул у матери рубашку. Мудра все же была мать и хорошо знала, как вести себя с сыном. Правда, еще какой-нибудь год назад его больше обрадовала бы похвала из уст самого Кетиля, а Вальбьёрг была всего лишь несмышленной девчонкой, и ее похвалы или насмешки значили меньше, чем шорох ветра в прошлогодней траве...

Двор Эйрика Эйрикссона назывался Линсетр — Место, где выделывают лен. Покинув его после полудня, Хельги переночевал в лесу и двинулся дальше с рассветом, совсем рано, когда солнце подсвечивало снизу медленно проползавшие тучи. Наверное, ласковые пальцы лучей щекотали тучам бока: тучи краснели и золотились от удовольствия и казались мягкими, как невесомый гагачий пух. Хельги знал, что они притворялись. Самую первую тучу Боги вылепили из мозгов поверженного великана. Оттого-то облакам нельзя доверять. День обещал быть жарким, но зазеваешься, и шагнет из-за горы холодная тень, ударит режущий ветер, сыпанет дождь, если не снег...

Коротая дорогу, Хельги время от времени вытаскивал меч и со свистом рубил ветви ближних кустов. Мать рассказывала, самые отчаянные викинги ее родины не только приезжали верхом к месту сражения, но и бились, не покидая седла. А не дело воину пренебрегать лишним умением, хотя бы и самым диковинным. Буланка только стригла ушами и бежала дальше, давно привыкшая к выходкам седока.

Конечно, меч у Хельги был совсем не такой, как те, что носили прославленные мужи вроде дяди и брата. Хорошие мечи отнимают у побежденных врагов или покупают за серебро, привезенное из похода. Или получают в подарок от великих вождей. Или раскапывают из древней могилы. Или сами куют в кузнице у хорошего мастера, это тоже почетно.

Хельги непременно добудет себе такой меч, когда его введут в род. И так уже он вполне достаточно отсиделся в Линсетре возле материной юбки, в то время как другие парни ходили на боевых кораблях начиная с двенадцати зим!..

Хельги думал нынче пополудни обогнуть вершину фиорда, а завтра утром постучаться в ворота Кетиля Аусгримссона. Денек выдался солнечный, и он сперва разделся до пояса, а потом, пожалев безропотную Буланку, слез с седла и повел ее в поводу. Викинг должен уметь ходить целыми днями, не зная усталости. И бежать быстрее всяких коней.

Еще немного погода ему показалось, что вполне можно было обойтись без сапог. Он разулся, и сразу стало веселее шагать, и подумалось, что праздник, ожидавший его через несколько ночей,¹³ впрямь должен был состояться. Исполинская зеленоватая чаша фиорда

13 Через несколько ночей... — скандинавы измеряли время в "ночах", а не в "днях", считая, что ночь "старше" дня. По этой же причине возраст человека отсчитывался в "зимах", а не в "летах".

лежала по правую руку; горы на том берегу стояли по колено в воде. Быстрые облака скользили по склонам, заросшим корабельными соснами, и тени скатывались по кручам, стремительно падая в воду. Чистый воздух позволял видеть все камни вершин, а далекие хребты уходили в синюю дымку, поднимаясь выше и выше, и Хельги в который раз позаиводвал морским орлам, кружившимся над фиордом. Им ведь ничего не стоило развернуть могучие крылья и взмыть в небо, в синюю бездну, откуда видны разом все пределы земли... Хельги нравилось смотреть на фиорд. Он никогда не пытался облечь это в слова, но сердце само собой начинало стучать гулко и часто, и что-то мучительно и блаженно напрягалось внутри. Однажды он спросил мать, так ли хорошо было на ее родине, в Гардарики. Мать вздохнула, отвела глаза и ответила:

— Много краше...

Хельги изумился этим словам, потому что как раз стояла ранняя осень, и землю на каждом шагу расшивали искусные мастерицы, окрасившие свои нитки ярким ягодным соком, алым, темно-зеленым, лиловым и золотым!.. Он долго пытался вообразить красоту той далекой земли, где когда-то затеплилась искорка его будущей жизни... а потом понял, что мать все равно ответила бы именно так, даже доведись ей родиться на плешивом каменном острове, где нет ничего, кроме серых валунов.

С тех-то пор он стал усердно говорить на ее языке. А потом пошел в капище и поклялся на священном кольце, что когда-нибудь, став вождем, отправится в Гардарики. И не просто пойдет сам, но еще возьмет с собой мать...

Наверняка ведь ее порадует такая поездка.

Шаг у Хельги был размашистый, и к полудню впереди открылась вершина фиорда с ее песчаным бережком и тростниками в устье стремительной речки. Эта речка падала с нагромождения скал, и kloкочущий водопад не замерзал даже в самые студеные зимы, лишь камни вокруг обрастали причудливыми кружевами. Русло реки пролегалo по широкой долине, а дальше был перевал, открывавший дорогу в глубь страны. Этой дорогой старый Эйрик обычно ездил на тинг¹⁴. Хельги пригляделся: через перевал медленно ползла туча, неповоротливая, сизо-белая, взбитая ударами ветра.

Хельги любил эту долину. Не в первый раз смотрел он на нее и всегда воображал себе битву Тора с великанами, и как какой-нибудь смертельно раненный исполин полз умирать к океану, в муках волоча свое тяжелое тело и расталкивая коленями горы, словно кучи песка...

Скоро им с матерью придет пора собираться на север. Хельги еще никогда там не бывал, но знал по рассказам, что в Халогаланде тоже были и водопады, и сверкающие вершины, отражавшиеся в фиордах, а сами горы выглядели куда круче и неприступнее здешних. Но он всегда будет здороваться с моря со знакомым фиордом Линсетра, и на душе станет делаться тесно и тепло, когда над горизонтом плечом к плечу вырастут Сын и Отец...

Двор Кетиля Аусгримссона стоял на южном берегу соседнего фиорда; два морских залива разделял длинный мыс, кончавшийся Железной Скалой. И если гово-



рить правду, люди предпочитали не заглядывать туда без нужды. Если бы у Железной Скалы спрятался человек, изгнанный за худые дела, даже кровные мстители не поторопились бы искать его на мысу. Все помнили, такое уже случилось однажды. В первую же ночь через фиорд долетел отчаянный крик, и люди поняли, что это оборотни поймали беглеца и сожрали на ужин...

Хельги был не из трусливых и притом носил на груди оберег, но на мысу ему было нечего делать. Он пересечет его у самого основания, там, куда как раз падала тень вершины Отца. Потом выберется на полуденный берег кетилева фиорда и стреножит на ночь коня.

А день удался жарким необыкновенно — как бы на ночь глядя не налетела гроза! Хельги еще завернул к

14 Тинг — скандинавское народное собрание, аналог славянского вече.

пастухам, что стерегли скот на зеленых горных лугах. Тропа вывела его к продолговатому белому камню, поставленному торчком; раньше такие камни называли Мернирами, и бездетные клали им богатые жертвы. Эта вера давно пошатнулась, да и рановато еще было Хельги думать о детях... но все же он вытащил из сумки лепешку, разломил надвое и оставил половинку у подножия камня. Пусть мир и урожай пребудут в Линсетре!

Псы с лаем выскочили навстречу, но скоро признали Хельги и долго извинялись, виляя хвостами. Молодые рыбаки, не державшие зла на хозяйского воспитанника, встретили его приветливо, налили кислого молока и тут же пустились спорить, каких коров следовало резать для пира. Ибо халейги¹⁵ явятся в Линсетр самое малое двумя кораблями — это же какая уйма народу, и хоть бы один не горазд был крепко выпить и вкусно поесть!..

Когда Хельги распрощался с ними и двинулся дальше, он скоро обнаружил, что мухи, больно жалившие коров, привязались и к нему. Он взмок от жары, и крылатые твари липли к потному телу, стремясь полакомиться кровью. Хельги сломал молодую березовую ветку и отмахивался, пока не превратил ее в ободранный прут. И поскольку мухи не отставали, он решил, что неплохо бы выкупаться, смыть с себя пот.

Перед водопадом речка разливалась в круглое озерцо шириной в полсотни шагов. Речка текла с ледников, ее вода определенно была холоднее, чем в нежившемся под солнцем фиорде, и Хельги решил, что купаться стоило именно здесь.

Он постоял на берегу, вслушиваясь в размеренный рев падуна. Вода была настолько прозрачной, что сквозь толщу в рост человека виднелась скала — поток переливался через нее сплоченной струей, еще не успевшей вспениться и раздробиться.

Здесь любили играть залетные чайки. Ловкие птицы садились на воду почти посередине озера и сидели спокойно, пока течение не подносило их к самому краю. И лишь когда поток был, казалось, готов утащить их с собой и расшибить о камни внизу — расправляли белые крылья и взмывали высоко над бешено kloкочущей пеной, на зависть всем, кто не умеет летать.

А что здесь будет твориться попозже летом, когда двинется на нерест пятнистая красавица семга, и могучие рыбины длиной в две распахнутые руки начнут взвизывать над водопадом, тяжело бухаясь в озерко и грозя совсем выплеснуть его из каменной чаши!..

Хельги расстегнул пояс, скинул штаны и нагишом ступил в воду. Обкатанные камешки переворачивались под босыми ступнями. Холодная вода защекотала разгоряченное тело, и Хельги захохотал во все горло, бросаясь вперед. За шумом падуна он почти не услышал собственного смеха.

Может быть, нынче он купался тут в последний раз...

Хельги немалое время плескался в воде, от отдаваясь течению, то быстрыми взмахами удаляясь от водопада. Эта игра была опасной и нравилась ему, и матери о ней рассказывать он не собирался. А когда наконец решил выйти на берег и поделиться с Буланкой последней захваченной из дому лепешкой — он увидел, что Буланка была на берегу не одна.

Лес здесь подступал почти вплотную к воде, а рокот порога не дал ему расслышать голоса и звон железных стремян. Поэтому всадники, подъехавшие со стороны перевала, заметили Хельги раньше, чем он их.

Их было человек тридцать, если не больше. Все

крепкие мужчины и суровые на вид. У каждого висел при седле круглый деревянный щит, многие везли луки и колчаны, полные стрел.

Так снаряжаются в дорогу не для того, чтобы проведать друга или сосватать девушку в жены повзрослевшему парню...

Хельги огляделся и понял, что попался. Он мог, конечно, переплыть озерцо и кинуться удирать. Но лошади легко перенесут чужаков через брод, и он не успеет скрыться в лесу... Вот ведь незадача, а все потому, что он послушался матери и отправился к Кетилу сухим путем!

Один из всадников, бородатый, в нарядном полосатом плаще, подался вперед и приложил ладони ко рту.

— Эй, малый! — прокричал он, без труда перекрыв шум реки. — Поди-ка сюда!

Делать нечего. Хельги выбрался из воды и поспешно натянул штаны, с трудом просунув ноги в складки грубой шерстяной ткани, облепившей мокрое тело. Застегнул ремень с ножнами и почувствовал себя немного уверенней. Совсем ненамного. Набрал полную грудь воздуха и пошел навстречу незнакомцам.

— Я тут старший, и зовут меня Гиссуром Сигурдарсоном, — сказал ему всадник. — Ты, парень, верно, здешний и знаешь, по какой тропе ездят в Линсетр. Эйрик ждет нас пировать, да мы тут малость сбились с дороги.

Гиссур Сигурдарсон... Хельги сразу же показалось, будто он слышал это имя. Он принялся рыться в памяти, стараясь припомнить, и припомнил-таки, о чем рассказывал старый Эйрик прошлым летом после поездки на тинг. Этот Гиссур часто ездил по населенным дворам и заставлял кормить себя и своих молодых. И мало где его провожали пожеланиями скоро вернуться. Тогда на тинге многие хотели совсем объявить Гиссура вне закона, но Гиссур принял щедро раздавать серебро и отделался простым трехлетним изгнанием, да пообещал навестить Эйрика и других, кто говорил против него...

— Ну так что, парень? — повторил Гиссур, и Хельги очень не понравилось, как шевельнулись при этом его усы. — Проводишь ты нас, или нам поискать кого-нибудь еще?

...И о чем только не передумал Хельги в этот единственный миг! Если он откажется их проводить, они зарубят его на месте. А может, прежде еще поджарят ему пятки возле костра. И уж как-нибудь отыщут дорогу, обойдясь без него. Достаточно будет расспросить пастухов, которых они найдут по его же следам. И неоткуда знать, успеют ли рабы разбежаться.

А если он их поведет, кто сказал, что он сумеет предупредить Эйрика и домочадцев? Хельги так и увидел жирный дым над знакомыми крышами Линсетра и мать, отчаянно бегущую к берегу. Вот она спотыкается, и Гиссур ловит пятерней ее длинную косу. Усмехается, наматывает на кулак...

Весь этот ужас промелькнул перед Хельги гораздо быстрее, чем можно про то поведать словами. Столь быстро, что Гиссур ничего не заметил — так просто, напуганный несоображаема-парень, застигнутый без штанов и оттого слегка опалевший...

А Хельги между тем уже понял, как следовало поступить. Каждый когда-нибудь умирает, но никто не попрекнет мать, что она, обнимавшая храбреца, родила и выкормила труса.

— Я тебя провожу, Гиссур хевдинг,¹⁶ — сказал он и постарался улыбнуться как можно дурашливее. — Нам с тобой по пути, я ведь и сам к Эйрику в Линсетр.

15 Халейги — норвежское племя, жившее на севере страны. Дало название исторической области Халогаланд.

16 Хевдинг — букв. "главарь", предводитель викингов.

Мой хозяин Кетиль послал меня передать, что заболел и не придет на пир.

Спасибо матери: в этой драной рубашке его действительно легко было принять за слугу...

Когда лошади отдохнули и Гиссур велел трогаться дальше, Хельги поехал с ним рядом, впереди всех. Умолк позади водопад, и он уверенно свернул по едва заметной тропе на незаселенный мыс, тот самый, за-вершавшийся далеко в море Железной Скалой.

3. Тролли Железной Скалы

...Вот и кончилось для него ожидание праздника, кончилось ожидание счастья, которое, если хорошенько подумать, есть уже счастье. Придут корабли, и Эйрик Эйрикссон расскажет халейгам о судьбе племянника и брата. Он ведь будет знать, что к чему.

Задуманное Хельги было просто, как древко копыя. При устье фиорда, напротив Железной Скалы, день и ночь бодрствовали внимательные сторожа. Мелькнут недобрые паруса, и мигом вспыхнет костер, яркий, дымный, хорошо видимый из Линсетра и с кетилева двора...

Погибший отец видел всего лишь двадцать семь зим. Хельги досталась жизнь почти вдвое короче, но людям запомнится, что это был все-таки сын.

— Не слишком наезжено! — сказал Гиссур, когда сворачивали на мыс. — К такому двору, как Линсетр, могла бы вести дорога пошире!

У Хельги екнуло сердце, но он вновь принудил себя улыбнуться, ответил чистую правду:

— Надобно тебе знать, мы ездим на лошади по большей части туда, куда нет морского пути.

Гиссур окинул его подозрительным взглядом:

— А ты почему отправился посуху?

Хельги соврал, почти не задумываясь:

— Люди называют меня Хегни-Зубатка, и ты сам понимаешь, что я не ем эту рыбу и всегда отпускаю ее, когда она попадается на крючок. Но вчера я нечаянно отведал уха из зубатки и должен повременить ходить в море, а то как бы моя тезка еще не вздумала мне мстить!

Потом дорога вовсе сошла на нет, и под копытами коней зашуршала мертвая хвоя. Было так тихо, что Хельги поневоле прислушался: уж не крадутся ли между деревьями косматые горбуны, спешащие к негаданной поживе?.. А может, тролли притворяются со-снами? И когтистые ветви протянутся к путникам, лишь только солнце опустится за горизонт?..

Гиссур начал оглядываться.

— Не нравится мне эта тропа! — сказал он зло. — Сплошные откосы! Я никогда не поверю, чтобы здесь не было лучшей дороги. Ты уверен, что едешь правильно, Хегни-Зубатка?

Дело было к вечеру, Хельги вел их южной стороной мыса, так как с северной уже должен был открыться Линсетр. Кто знает этого Гиссура, чего доброго, разглядит корабль Эйрика или его самого, если старик будет в той же одежде, в которой ездил на тинг... Хельги ответил:

— Твоя правда, есть тропа и по северной стороне. Но там можно пройти только пешком, и однажды там видели старуху, ехавшую на волке.

И добавил:

— Мне нравится, что мы с тобой повстречались, очень уж недобрые эти места, особенно по ночам.

Гиссур пробормотал что-то в бороду и не стал никого посылать искать другую дорогу.

— Ты вот что, малый, — сказал он погоды. — Видишь серые перья у того парня в колчане? Немногие стреляют метче его...

Хельги промолчал.

Ночью ему плохо спалось на мягкой траве возле костра. Время от времени он приоткрывал глаза и видел Гиссура, лежавшего неподалеку. Тот тоже спал скверно — то и дело вскидывался на локте, прислушиваясь к шорохам ночи. Наверяд ли этот человек когда-нибудь боялся врага. Но против троллей, рыскающих во тьме, требовалось мужество древнего Хегни¹⁷, чьим именем Хельги назвал себя накануне. А тот Хегни был способен смеяться, когда у него у живого вытаскивали сердце из груди.

Что поделаешь, Хельги тоже покрывался испариной, и внутри начинало противно урчать, стоило вообразить всадниц-ведьм верхом на ошеренных волках, со змеями вместо удил... Как выдержать, когда схватят за горло, вонзят когти в живот?.. Однако увидеть Линсетр горащим было страшней...

Хельги проснулся оттого, что кто-то вырвал у него из-под ладони ножны с мечом. Дернувшись спросонья, Хельги схватил рукой воздух, потом сел, продирая глаза. Он увидел свой меч в руках у одного из воинов: тот не торопясь осмотрел простое железное лезвие, потом приторочил ножны к седлу.

— Отдай!.. — сказал Хельги хрипло. Ему ответил сам Гиссур:

— Отдаст, когда приедем. А если заслужишь, подарим другой, получше.

Это можно было понять двояко. То ли пообещали награду, то ли пригрозили убить. Стало быть, он умрет безоружным, и Один задумается, пускать такого в Вальхаллу¹⁸ или не пускать!..

— Долго еще ехать? — спросил Гиссур.

— Ты увидишь Линсетр нынче после полудня, — пообещал ему Хельги. — А если не будешь устраивать привала, то и пораньше.

Гиссур стиснул кулак, поросший короткими темными волосами.

— Не нравится мне все это, парень! Другие люди рассказывали, что дорога гораздо короче!

Хельги впервые огрызнулся:

— Эйрик живет у самого моря, потому что там удобная бухта. А если тебе не нравится, как мы едем, звал бы в провожатые тех других людей, не меня. Я ведь не напрашивался!

— Не перечь мне, щенок, не то останешься без зубов, — посоветовал Гиссур. — Мы теперь и без тебя не проедем мимо Линсетра. Будешь много болтать, привяжу тебя к дереву и оставлю здесь троллям, и пусть Эйрик или кто еще там разыскивает тебя, если у него скоро не прибавится иных хлопот!..

Хельги на это смолчал, но про себя подумал, что за ночь духи мыса не прибавили Гиссуру уверенности в себе.

...Он издали наметил себе эту прогалину, и во рту пересохло, а сердце заколотилось у горла. Последний, непоправимый шаг всегда труднее других.

Буланка шла по-прежнему неторопливо, и Хельги

17 Хегни — герой скандинавских легенд, мужественный воин, персонаж нескольких песен эпоса "Старшая Эдда".

18 Вальхалла — букв. "Палаты убитых в бою", в скандинавской мифологии — небесное жилище Одина, где после смерти пируют души героев. Один — в скандинавской мифологии верховный Бог, "Всеотец" Богов и людей, Бог войны, поэзии и мертвых. Обычно изображался в виде седобородого одноглазого старца с копьем в руках, в широкополой шляпе и синем плаще. Священными животными Одина считались волки и вороны.

не трогал поведьев. Лишь возле крайнего дерева он вдруг ударил ее пяткой, и лошадь скакнула, вынося его на открытое место.

Там, за провалом фиорда, хорошо видна была куча дров, заботливо уложенная на каменной площадке. Трое парней возле поленницы что-то высматривали в море... Они стояли спинами к Хельги. И тогда он сунул в рот два согнутых пальца и свистнул оглушительно и замысловато. Такой свист он перенял у брата, брат же выучился ему в Гардарики, у каких-то лесных финнов, передававших свистом новости от поселения к поселению, за полдня пути... Привычная Буланка и та испуганно присела на задние ноги, а лошади двоих всадников, выезжавших на прогалину следом, испугались прочь так, что затрещали кусты. Хельги успел заметить, как ребята на той стороне одновременно обернулись... и кубарем покатился со спины верной Буланки, в густые мелкие сосенки, куда не было ходу верхом! Это только чужая жизнь бывает в цене или не в цене. Свою собственную никому не охота отдавать так просто, без выкупа, без попытки спастись.

Хельги скоро понял, что рассвирепевший Гиссур намерен был сполна ему отплатить. Мыс здесь превращался в голый каменный перешеек, увенчанный Железной Скалой; на беду, с той прогалины больше некуда было бежать. Зато Гиссур живо смекнул выстроить всадников цепью, и они погнались прятавшегося Хельги, как вепря, которого охотники вываживают из густых тростников и привечают острым копьем... Хельги крадучись отступал до самого края подлеска, а потом рванулся и побежал. Его заметили без промедления. Стрелы начали посвистывать совсем рядом, ломаясь о камни. Один раз Хельги оглянулся через плечо. На той стороне вздымался в утреннее небо маслянистый столб черного дыма, а всадники спешива-

лись, добравшись до валунов. Больше он не оборачивался. Он бежал к Железной Скале. Страшное место вдруг подарило ему неверный отблеск надежды: если он прыгнет с вершины и сумеет остаться в живых, гиссуровы молодцы навряд ли спустятся за ним по крутизне. На памяти людей Железная Скала не покорялась еще никому...

Хельги мчался вверх отчаянными скачками, напрягая все силы. Его шаги звенели над самыми пещерами троллей, и те в ярости просыпались, готовые сожрать смельчака. Хельги слышал лязг когтей в полушаге от себя за спиной. Но вот наконец и макушка скалы: все, дальше пути нет. Ноги подламывались и стонали. Он подошел к краю и посмотрел вниз, сквозь полоску тумана, медленно завивавшуюся вокруг каменной ребра... Чайки с криком проносились далеко под ногами. Хельги никогда не боялся высоты, но голова закружилась. Там смерть.

Прежде, чем умереть, он окинул взглядом морской горизонт. Вблизи Железной Скалы не было островов, они будто расползлись прочь от зловещего камня; зато поодаль — и это на миг приковало внимание — стоял на якоре длинный боевой корабль. Совсем чужой и незнакомый темно-синий корабль. Верно, его-то рассматривали зоркие сторожа, ожидая, не вздумают ли отоспавшиеся викинги заглянуть в фиорд...

Стрела с визгом рванула штанину возле колена. Гиссуровы люди быстро приближались, прыгая с валуна на валун. Брошенные кони бродили у края подлеска. Была между ними и Буланка.

Хельги не стал пригибаться от стрел. Он повернулся к преследователям и вызывающе хлопнул себя ладонью пониже спины. А потом разбежался, как всегда это делал, прыгая со сверстниками в воду. Яростно оттолкнулся от края — и полетел вниз!..



4. Викингов никто не застанет врасплох

Темная в ржавых подтеках стена понеслась мимо, сливаясь в стремительные полосы. Ринулись навстречу скользкие зубы камней и пятна темной воды между ними. Тускло мелькнула и сгинула последняя мысль: успеть бы выпрямить ноги...

Холодная вода хватила обухом по рукам и затылку и погасила сознание, вышибив воздух из груди. Хельги глубоко ушел в зеленую темноту и едва не захлебнулся, всплывая к поверхности. В глазах было темно. Ему бы спрятаться в расколотых скалах, притвориться погибшим... но вместо этого он вяло поплыл прочь, в сторону моря. Он скоро понял свою ошибку. Стрелы начали взбивать бурунчики вокруг его головы, подбираясь все ближе. Тогда Хельги собрал последние силы и принялся нырять, зная, что стрелы, пущенные издалека, ослабевают в воде. Ему все еще везло. Некоторое время спустя стрелы стали редеть, и лишь одна, может, самая последняя, пребольно ударила в плечо повыше левой лопатки, но и та не утопила, не вошла глубоко. В конце концов она сама вывалилась из двигавшегося тела и повисла, запутавшись в рубашке... Хельги нырнул еще раз или два, потом приподнял голову над водой.

Железная Скала уже порядочно отодвинулась, и люди на ней стояли с опущенными луками, не желая зря опустошать колчаны. Хельги ощупал раненое плечо, выплюнул воду из рта... Они, конечно, не дадут ему выплыть ни к сторожам, ни на кетилев берег. Были, правда, еще острова в море и матерая суша за мысом, недостижимая для стрел. Но недавний шторм как назло перемешал воду у берега, нагнав холодную из придонной пучины. Он застынет в ней, не доплыв...

Тогда-то Хельги вспомнил о корабле, увиденном сверху.

Похоже, викинги плоховато знали здешние берега и опасались коварства течений. Они остановились вдали от островов и наверняка промерили глубину, чтобы не напороться на камни. Скорее всего, они бросили якорь ночью и после тяжелого перехода — на корабле совсем не было видно людей, лишь у кормы торчала из-за борта светловолосая голова — кто-то бодрствовал в одиночестве, охраняя спящих друзей.

Боевая лодья безмятежно лежала в зеркале моря, залитая тихим утренним солнцем, и даже носовой дракон был снят из уважения к духам фиорда...

Хельги плыл, стиснув зубы и стараясь больше грести правой рукой. В глазах то и дело начинало снова темнеть, как будто он действительно собирался утонуть здесь Гиссуру на потеху. Эта мысль подхлестывала остывавшую волю, и темный борт медленно приближался. На счастье, как раз был отлив: течение несло Хельги, дружески помогая. Он уже слышал, как журчали и переговаривались возле корабля медленные спокойные волны.

Кудрявый парень внимательно наблюдал за ним с высокого кормового сидения, глядя пушистого белого кота, пригревшегося на коленях. Когда Хельги подплыл совсем близко, он спустил кота с колен и положил локти на борт. Он сказал, весело шурясь:

— Это корабль Ракни сына Рагнара, морского конунга из Северного Мера, а мы его люди, и никто не станет хвастаться, будто застиг нас врасплох.

Глаза у него были голубые, необычно яркие на продубленном солнцем лице, которое было много темнее бороды и волос. И смешливые: Хельги сразу показалось,

что человек с такими глазами навряд ли отрубит руку, уцепившуюся за борт.

— Возьми меня на корабль!.. — прохрипел он с отчаянием, чувствуя, что теперь уже точно не продержится долго. И добавил для верности: — Не то я решу, что ты меня испугался!..

Викинг молча перегнулся через борт, и Хельги успел увидеть у него на ладони черные от вьезшейся грязи, окостеневшие мозоли гребца. Хельги уперся коленками, и викинг извлек его из воды одним могучим рывком, каким, наверное, привык вытаскивать якорь. Перенеся через борт, он поставил Хельги на палубу... и тут же, не дав оглядеться, почти без замаха ударил его по зубам, так, что Хельги растянулся в проходе между скамьями.

— Это,— сказал воин,— чтобы ты не думал, будто Ракни или его хирдманны¹⁹ однажды кого-нибудь пу- гались.

По правде говоря, удар был нанесен без лишней жестокости и уж наверняка не во всю силу... но на нагретых солнцем палубных досках оказалось так покойно и хорошо, что Хельги совсем расхотелось не то что вставать — даже и открывать зажмуренные глаза. Лежать бы так да лежать. Викинг зря ударил его, достаточно было отпустить руку, и он свалился бы сам.

— Будет тебе, Оттар!.. — долетел другой голос, густой, как смола, и явно привыкший распоряжаться. — Думается, ему и так не мало досталось.

Хельги все-таки приподнял слипавшиеся веки. Мокрые ресницы радужно дробили свет, и в этой радуге веселый Оттар стоял, подбоченившись, у себя на корме, а белый кот с рыжим пятном на спинке терся, громко мурлыча, о его сапоги.

Хельги лениво поискал взглядом второго из говоривших, вскоре нашел его и понял, что это был сам вождь. Только слепой и глухой не выделил бы его среди всех — седеющего морехода с лицом почти бурым, как форштвень много плававшего корабля, и глазами неистойвой зоркости, от которых не укроется ни риф в штормовом море, ни парус, появившийся из-за мыса... Старым воином его можно было назвать. Стариком назовут еще через двадцать зим, а может быть, и попозже.

Он, видно, только что проснулся и с любопытством разглядывал мокрого и взъерошенного Хельги, от одежды которого по палубе разбегались струйки воды.

— Так это и есть Ракни сэконунг, о котором у нас здесь столько разговоров... — негромко сказал ему Хельги. — А я-то думал, твои люди не ищут легкого верха, нападая на раненых. И предупреждают, прежде чем бить...

Ракни усмехнулся: дерзкие слова его забавляли.

— Я не вижу здесь раненых, — ответил он спокойно. — Разве что слегка поцарапанных. А есть враги, которых незачем предупреждать, ибо иначе их пришлось бы долго ловить. Вставай, парень, да выжди хорошенько штаны, пока не простыл! И рассказывай, кто ты таков и от кого удирал.

Хельги еще раньше показалось, будто от удара о палубу у него что-то хрустнуло за левым плечом. Поднявшись, он пошарил рукой и достал надломленную стрелу. Мельком взглянул на серые перья и выкинул стрелу за борт. Тяжелый кованный наконечник сразу утащил ее вниз. Хельги стянул рубашку, и морская соль вьелась в плечо.

— Меня называли по отцу, потому что я родился после его гибели, — сказал он вождю. — Моим отцом был

¹⁹ Хирдманны — члены "хирда", дружины викингов. Среди хирдманнов были воины разного ранга, но не было господ и рабов. По этой причине некоторые хронисты рыцарской Европы, привыкшие к совершенно иной воинской иерархии (рыцарь и свита слуг), описывают дружины викингов едва ли не как толпу, лишнюю управления.

Хельги сын Виглафа сына Харальда из Торсфиорда, что в Халогаланде.

Он ждал чего угодно, но не того, что последовало. Ракни приподнялся на локте и захохотал во всю мочь. Хельги стоял с рубашкой в руках и чувствовал, что не удержимо краснеет.

— Стало быть, — сказал конунг, — славный Хальгрим Виглафссон тебе дядя? А Видга, сын его, — твой брат?

Хельги покраснел еще больше и кивнул:

— Это так.

Ракни покачал головой.

— Немало я видел беглых рабов, и все они ввали по-разному, но ни у одного не хватало наглости приписать себя к подобному роду. Ты, лгунишка, не знаешь даже того, что младший сын Виглафа погиб неженатым. Скажи-ка лучше, почему тебя ловили и хотели убить? Ты что, поджег дом или поцеловал хозяйскую дочку? Да отвечай правду, пока я не надумал выкинуть тебя обратно в воду.

Хельги напрягся всем телом и выговорил раздельно:

— Хельги Виглафссон купил мою мать у торговца, но я родился уже сыном свободной. Хальгрим и Видга скоро приедут сюда, чтобы ввести меня в род. Если ты подождешь день или два, ты и сам сможешь в том убедиться.

Тут Ракни и Оттар обменялись быстрыми взглядами, но Хельги не заметил. Ему показалось, что он внезапно оглох, а потом вокруг начало быстро темнеть. Он еще выпрямился, пытаясь справиться с дурнотой, но это не помогло.

Он не видел, как склонился над ним веснушчатый рыжий верзила, у которого волосы надо лбом были почему-то короче всех остальных. Этот человек стащил с Хельги сапоги и штаны, умело промыл плечо. А потом завернул голову парня в необъятную овчинную куртку и уютно устроил под скамейкой гребца.

Ракни скинул одеяло, пошел умываться. Оттар поднял из-за борта кожаное ведро воды, полил ему на руки:

— Как ты намерен поступить с мальчишкой, отец?

5. Мужские речи

Еще с закрытыми глазами Хельги почувствовал тяжелый размеренный ритм, приподнимавший то нос, то корму. Так качает только открытое море. Странное дело, Хельги совсем не помнил праздника, а ведь это явно был боевой корабль, и он ехал на нем в Халогаланд! Хельги пошевелился, потягиваясь, и вместе с болью в плече точно молния высветила в памяти все, что с ним произошло. Он рванулся спросонок, ударившись затылком о дубовую скамью, и это окончательно вернуло его к действительности. Тогда он открыл глаза и осторожно приподнялся.

Пасмурное небо касалось мачты, знать, жара надоела не только людям, но и богам. Судя по всему, стоял уже вечер, и над палубой несло капли дождя и брызги, туманом садившиеся на лицо.

Попутный ветер и отлогие волны баловали корабль. Один из викингов рассказывал что-то забавное, устро-

ившись на носу: Хельги со своего места не слышал расказа, только обрывки замечаний и смех. Двое других сдвинули колени и переставляли резные фигурки по клетчатой игральной доске. Фигурки, снабженные снизу шпешками, не скатывались. Десяток любопытных окружал игроков. Иные взобрались на самый борт и сидели на ребре мокрой доски над близкой колышущейся водой, помогая советами. Так другие люди сидят дома на лавке. Хельги не удивился. Странно было бы, начни эти люди вести себя по-иному.

Рыжий малый, клевавший носом на соседней скамье, повернул голову и увидел, что Хельги проснулся. Он сказал ему:

— Диас Майрэ дуйт!

— Что?.. — спросил Хельги изумленно. Рыжий усмехнулся:

— Я сказал, да пребудут с тобой Господь и Мария. А ты мне должен ответить: диас Майрэ дуйт агус Падрайг, да пребудут Господь и Мария с тобою и с Патриком.

Пошарив возле себя, он протянул Хельги сверток:

— Одевайся... высохло на ветру.

Хельги подумал немного и понял, что встретил ирландца. Штаны и рубашка оказались сухими и теплыми, видно, кто-то позаботился о них еще до дождя. Хельги затянул тесемки на сапогах и спросил:

— Куда идет этот корабль?

Ирландец опять усмехнулся:

— Тебя, верно, в первую голову интересует, что будет с тобой. Так вот, Ракни конунг решил взять тебя в плавание, поскольку парень ты крепкий, а Кольбейн Лошадиная Грива напился пьяным и утонул, и людей на корабле не хватает. Ракни сказал, тебе полезно будет проветриться. А идем мы... Слышал ты когда-нибудь про Свальбард?²⁰

Свальбард!.. Холодные берега!.. Хельги проговорил медленно:

— Кто как, а в нашем роду верят, будто вправду есть на севере такая земля. Мой дед Виглаф мечтал ее повидать. Это в Утгарде²¹, за краем мира. Там живут великаны.

Ирландец пригладил растрепавшиеся волосы и захохотал:

— Ближе ты расположил край мира, приятель!.. Впрочем, это всегда так получается: пока кто-то один делает дело, остальные гадают, что выйдет. Надобно тебе знать, некий смельчак уже проложил дорогу на Свальбард, а Ракни задумал проверить, правдивы ли его рассказы и так ли велики и богаты новые земли... Ну что, ты не будешь просить, чтобы тебя выпустили на берег?

Тут к ирландцу подобрался другой человек. Широкоплечий, с длинными руками, способными, кажется, раскрошить в щепы упругое корабельное весло, он был очень сутул — словно бы попытался когда-то поднять непомерную тяжесть, да разогнуться так и не смог. Лицо у него было широкое и большое, но кто-то словно горстью собрал все его черты — нос, рот, глаза — в самую середину, оставив порядочно места по сторонам... Он не понравился Хельги с первого взгляда. Он

20 Свальбард — букв. "Холодные берега", арктическая земля, открытая викингами. Впервые упоминается в хрониках под 1194 г. ("найден Свальбард..."), но ряд исследователей полагает, что фактическое открытие могло произойти и много раньше. Автор, отнесший подобное плавание к концу IX в., считает свое допущение правдоподобным, поскольку мореходное искусство было тогда на вполне достаточной высоте, а климатические условия являлись едва ли не идеальными для плаваний в высокие широты. Впрочем, конкретное местонахождение Свальбарда спорно, различные авторы называют и о. Ян-Майен, и Восточную Гренландию, и кромку паковых льдов, и даже Землю Франца-Иосифа. Автору кажется наиболее правдоподобной гипотеза, согласно которой речь идет об архипелаге Шпицберген. В частности, эту гипотезу очень доказательно отстаивал Фридрих Нансен. По его предложению в современной Норвегии Шпицберген называется Свальбардом.

21 Утгард — букв. "внешний мир", "то, что вне оград" — в скандинавской мифологии мир чудовищ, троллей и исполинов, постоянное место действия рассказов о воинских подвигах Тора.

и одет был заметно хуже других. Ни серебряной пряжки на поясе, ни запястья на левой руке...

Он сказал:

— Брось морочить парня своим Свальбардом, Луг! Ты бы лучше объяснил ему, что того храбреца морехода зовут Вагн сын Хада из Вика, и прошлой зимой его троюродный брат убил внучатого племянника Ракни на торгу в Скирингсале.²² Наш Ракни поклялся, что не забудет обиды. Он надеется повстречать Вагна на Свальбарде, куда тот сулился поехать. Вагн — лучший человек в том роду, и поистине велика месть, за которой едут столь далеко!

Ирландец Луг отозвался недовольно:

— Все это так, Карк, но я-то не просил тебя рассказывать вместо меня. А ты, прыгун со скал, поди теперь к Ракни. Пусть он даст тебе весло.

Хельги поднялся, ища глазами вождя. Ракни сидел на корме, держа правило, и смотрел вперед, поверх всех голов. Хельги шагнул к нему и услышал, как Карк проворчал:

— Больно велика честь для беглого, сразу сажать его на весло. Путь бы сперва повозился с ведерками в трюме, как мы!

Хельги остановился.

— За тебя сказать не могу, — ответил он Карку, — а я не раб и никогда не был рабом. И мне случалось не только грести на длинном корабле, но и стоять у руля!

Карк насмешливо покивал:

— Сперва зашей дыры на своей рубашке, свободный. Ты заслуживаешь, чтобы мы назвали тебя Скриумиром — Хвастуном.

Корабельщики начали оборачиваться... Примолк на носу веселый рассказчик, и даже игроки подняли головы поглядеть, что стряслось. Хельги сказал негромко:

— Ты подавишься этими словами. Или пускай не несет меня ни крепкая палуба, ни конский хребет.

Карк-вольноотпущенник был вдвое больше него. Он не сразу поверил, что гибкий телом мальчишка осмеливалась угрожать.

— Всыпь ему, раум! — засмеялся кто-то из викингов; кажется, это был Оттар. — Выкинь его рыбам, тогда, может, мы благополучно дойдем до Свальбарда и назад!

Они собирались развлечься, и, может, даже сам Ракни, занятый на руле, разок бросил взгляд на дерзкого новичка... Хельги не оглядывался по сторонам, он смотрел на Карка и ждал. Честь — это такое богатство, за которое не жаль умереть. Нельзя ее ни подарить, ни отнять, можно лишь потерять или обрести самому...

Меч Карка лежал вместе с другими под палубой, в сундуке, но вдоль пояса висел тяжелый боевой нож с длинным клинком и изогнутой рукоятью. В умелых руках такое оружие беспощадно. Карк поднялся и пошел на Хельги, молча перешагивая через скамьи. У него были темные глаза, и в них тлел злой огонек.

Хельги дрожал всем телом и не мог унять эту постыдную дрожь. Она всегда поселялась в нем перед дракой и немедленно пропадала, как только доходило до дела. Нет, он не боялся. Он тоже был не совсем безоружен. Теперь настала пора испытать умение в деле. Только и всего.

— Ты, щенок, разговариваешь совсем как взрослый мужчина, — сказал ему Карк. — Вот и я — Тор свидетель — буду поступать с тобой как с женщиной. Ты уж не обижайся.

Викинги снова засмеялись — эти слова всем пришили по душе. Кулак Карка взмыл вверх, целя сопер-

нику в подбородок, но Хельги успел увернуться и ударил ногой, как учил брат. Это была добрая наука. Карк взмахнул руками и грузно сел на скамью.

— Другие люди, — сказал Хельги, — давно уже поняли, что со мной следует поступать как с женщиной. И не ты будешь называть меня щенком.

Карк, раздосадованный болью от удара и насмешками, выхватил нож и прыгнул вперед. Хельги поймал его руку своими обеими. Надо было вывернуть ее, но нынче у него просто не хватило сил. Он дернул к себе, заставив Карка потерять равновесие. Нож глубоко вошел в плотное дерево, а сам Карк оказался у пригнувшегося Хельги на плечах.

Навалившаяся тяжесть почти сломала Хельги, как когда-то на отмели, когда он один сталкивал лодку, воссавшуюся днищем в мокрую глину, и ведь тогда у него не болело плечо... Все же Хельги выпрямился, и быстро. Быстрее, чем можно про то рассказать, Карк, не успевший ни за что ухватиться, перевалился через подветренный борт. Его голова с беззвучно раскрывшимся ртом исчезла в серой, шершавой от дождя воде, быстро мчавшейся за корму. Ничего не поделаешь: трудно, имея за душой одну только силу, тягаться с природным воином... Хотя бы и был этот воин еще очень юн.

— Поворот!.. — скомандовал Ракни, и люди бросились по местам. Викинги никогда не бросают своих. Это закон.

Хельги выдернул из скамьи нож, рассудив, что никто не оспорит добытого в схватке. И направился назад, к рыжему Лугу, но Оттар окликнул:

— Эй, парень, поди-ка сюда! Садись, будешь моим сменщиком.

Его скамья была на самом носу, и Хельги понял, что удостоился чести. Здесь садятся храбрейшие: когда корабли сходятся для битвы, на носу опаснее всего. Он пошел к Оттару, нырнув под толстую шкаторину паруса, переползавшего с правого борта на левый. Корабль возвращался подобрать Карка, махавшего рукой из воды. Хельги сел рядом с викингом и спросил:

— Это ты предложил выкинуть его рыбам? Мне показалось, совет был неплохой.

Когда же Карку бросили веревку с петлей и вытащили его на палубу, он немедленно нашел глазами Оттара и Хельги, и Хельги увидел, как враз окаменело его лицо. Тогда он понял, что здесь, подле Оттара, сидел раньше именно Карк.

6. Вагн не будет прятаться от врагов

Корабль стоял на якоре возле скалистого мыса. Мореходы развели костры и приготовили ужин, а потом улеглись спать, натянув над скамьями полог из раскрашенной кожи.

Хельги знал, что завтрашний день не покажется ему легким, что надо выспаться, пока можно, пока не начался этот переход к Свальбарду, длящийся несколько суток... однако сон не шел.

Мать рассказывала, как она увидела отца после того последнего боя. Отца принесли к кораблю на огромном гардском щите, почти скрывающем стоящего человека. Воины опустили щит наземь так осторожно, словно боялись кого-нибудь разбудить, и мать увидела, что лицо отца осталось почти спокойным, только у ноздрей и в груди запеклась черная кровь, да открытые глаза — такими, что лучше в них не заглядывать. И вот тогда она поняла, что чужой воин, которого она боялась девять дней и ночей, никогда больше не обнимет ее, не

22 Скирингсаль — древний торговый город на западном берегу нынешнего Осло-фиорда.

проведет ладонью по волосам... И жизнь, оставшаяся еще впереди, эта долгая жизнь без него стала вдруг жизнью без радости и без счастья...

Хельги перевернулся на другой бок и вздохнул. Ему казалось порой, будто он все видел собственными глазами. Объятый пламенем погребальный корабль, медленно уходящий под парусом по великой реке, и мать, горько плачущую на берегу оттого, что ее не положили рядом с отцом...

А потом она родила на свет сына и стала отказывать всем, кто желал взять ее в жены и породниться с халейгами. А сватались к ней все достойные и славные люди, и, уж верно, не плохо жилось бы ей хозяйкой в каком-нибудь богатом дворе...

Было дело прошлой зимой на празднике Йоль²³, когда съели жертвенного кабана и плясали вокруг костров во дворе. Хельги думал тогда, что это был последний для него Йоль в Линсетре, и веселился от души... когда сзади вдруг послышался сердитый шепот матери и мужской голос, произносивший:

— Много женихов ушло отсюда ни с чем, но от меня-то ты не отделаешься так просто.

Хельги обернулся, оставив Вальбьёрг, с которой плясал. Там действительно стояла мать и с ней один из гостей, красивый и совсем не старый мужчина. Хельги знал, что еще перед пиром он долго беседовал с матерью наедине, но не слышал о чем. Теперь его пошатывало от выпитого пива, и мать, не желая поднимать шум, тшетно пыталась выдернуть у него руку.

Хельги, как на крыльях, перелетел через костер... Ему тогда повезло: он разделался с гостем примерно так же, как нынче с Карком. Подоспевшие парни подняли неудачливого жениха и повели прочь, пока не разгорелась настоящая ссора... А мать подошла к Хельги и прижалась к нему, жалобно заглядывая в глаза, и ему показалось, что она впервые признала в нем своего защитника и надежду, хотя Хельги давно уже стал выше ее ростом и гораздо сильнее... Она впервые не выбранила его за то, что он ввязался в драку, где вполне могли покалечить. Вот ты и вырос, сынок. Теперь уже не я присматриваю за тобой и оберегаю, а наоборот. Зачем же ты так скоро вырос, сынок, зачем я не могу всю жизнь присматривать за тобой и оберегать!..

Он поедет с викингами на Свальбард. Он станет суровым героем, привычным к сражениям и к веслу и очень похожим на отца. Он думал об этом так, словно им предстояло вернуться через много-много зим, а не нынешним же летом... Все верно, но иногда отчаянно хотелось домой, в тихий Линсетр, и чтобы мать погладила по вихрам и назвала Мстиславушкой... или посидела с ним, как всегда, когда он был маленьким и болел...

Небось плакала теперь в жестоком отчаянии, потому что морские сторожа разглядели его прыжок с Железной Скалы и то, как Оттар втащил его на корабль. Не иначе, разыскала где-нибудь след и упростила Эйрика начертать крепкие руны,²⁴ привлекающие удачу. Да порезала палец и окрасила их, чтобы вернее помочь сыну в пути... Матери таковы: всю кровь по капле отдадут ради детей. Даже ради самых бездельных, от которых не дождешься толку ни нынче, ни потом.

Я вернусь, молча пообещал Хельги и пожелал, чтобы мать услышала его слова. Это бывает, люди слышат друг друга за много дней пути...

С тем он и уснул.

— Ты вот что, парень, — сказал ему Ракни конунг две ночи спустя. — Порезе бы ты называл себя Хельги, такие имена не для беглых рабов. И чтоб я больше не видел тебя возле форштевня. Ты ничем еще не заслужил права стоять там и смотреть!

Хельги больно хлестнули эти слова, но он промолчал: с вождями не спорят. А ведь он родился на корабле. На боевом корабле, где-то в датских проливах возле острова Хлесея,²⁵ когда братья отца возвращались домой из Гардарики. Стояла штормовая ночь, и брызги из-под форштевня окропили его, новорожденного, заменив чашу с водой, которую должен был взять в руки отец. Людям показалось, что неспроста это, и из мальчишки, пожалуй, мог получиться мореход...

Ракни и его викинги привыкли узнавать волка по волчьим ушам. Им еще придется поверить, что внук Виглафа Ворона вырос не за жерновами и не в хлеву...

Попутный ветер совсем некстати затих, и пришлось взяться за весла. Хельги сидел на палубе, глядя на мерно работавшего Оттара, и не без трепета ждал, когда наступит его черед. Он, конечно, знал, где у весла лопасть, а где рукоять. Он греб на корабле дяди, когда тот приезжал в Раумарики. Но что значили эти выходы на полдня по сравнению с той долгой мужской работой, которая теперь его ожидала! Оттар греб легко; сядешь после такого, и все сразу заметает, что корабль движется медленнее. А у Хельги ко всему прочему нещадно разболелось плечо, проткнутое стрелой. После насмешек Ракни он не стал его перевязывать, вот и приключился нарыв, поселилась противная дергающая боль... как грести?

— Держи весло, — совсем неожиданно сказал Оттар. Хельги подлез под его руки и сел рядом, чтобы перенять весло, не помешав соседям. Он не попросит отдыха, пока Оттар сам не прогонит его со скамьи. Чего бы это ни стоило...

Весло было тяжеленное, вытесанное из мелкослойной сосны и длиной в три человеческих роста. Кормовые и особенно носовые весла всегда делаются длиннее, это затем, чтобы все разом достигали воды. Вот и получается, что сидящие на носу не только первыми бросаются в бой, но и работают больше других. Оттого никто не может сказать, будто зависть и почет достаются им не по справедливости.

После первого же десятка ударов плечо облило невыносимым огнем, стало одновременно жарко и знобно, и Хельги помимо воли принял беречь левую руку, чувствуя, как катится по лбу и груди преждевременный пот... Ну уж нет, сказал он себе. Жалобы они от него не дождутся.

Он молча греб еще некоторое время, но Оттар, улегшийся поспать под скамьей, все же что-то заметил.

— Сними-ка рубашку, — велел он Хельги, перехватывая рукоять. Хельги сполз на палубу и несколько мгновений наслаждался покоем, потом нехотя разделся. Он не мог посмотреть на себя сзади, а не то увидел бы, что кожа вокруг закрывшейся раны туго натянулась и была словно подперта изнутри.

— Садись опять за весло, — приказал безжалостный Оттар. — Я хочу посмотреть, наконец, умеешь ли ты грести. Пока мне кажется, что ты больше любишь болтать о могущественной родне!

Хельги посмотрел на него с ненавистью и рванул

23 Йоль — скандинавский языческий праздник Середины Зимы. Позже это название перешло на христианское Рождество.

24 Руны — скандинавские письмены, обладавшие, согласно поверьям, магической силой. Использовались большей частью для гаданий и, разного рода заклятий, например, для надписей на памятных камнях (так называемые "рунические камни", по сей день сохранившиеся в разных районах Скандинавии).

25 Хлесея — теперь остров Лесе (Дания) в проливе Каттегат.

(Продолжение см. стр. 55)

СКАЗАНИЕ О ЧЕТВЕРТОЙ ЛУНЕ

Повесть

32.

Эти сутки прошли как во сне. Я лишь смутно помню, что делал тогда. Десятки больших и маленьких обязанностей, очень хлопотливых, отнимающих уйму времени, заполнили последний день и последнюю ночь. Все посты были удвоены, кроме обычной ритуальной стражи установлены десятки постов тайного наблюдения, проверки шли за проверками, бегали курьеры, стучали телетайпы, рычали патрульные вездеходы, прямо в коридоре пороли стражника, явившегося на пост с оторванной пуговицей, город наряжался и прихорашивался. По улицам вышагивали военные оркестры, пиротехники готовили фейерверки на площадях и в парках, подвалы дворца ломались от дешевых яств для народа, тархтели повозки бродячих комедиантов, звенели пилы плотников, мастеровитых столы для дарового угощения. Начали прибывать представители провинций.

Всю последнюю ночь город был заполнен тайным движением. В темноте мелькали быстрые фигуры, мерцали огни карманных фонарей, что-то лязгало, стучало, звенело. Незадолго до рассвета мимо дворца прогрехотали конные упряжки осадных бомбометов. Бесшумными призраками мелькнули самокатчики. Лишь когда горизонт начал светлеть, город утих. Небо медленно алело, над черным ломаным зигзагом крыш побледнели и угасли звезды. Наконец, из-за горизонта брызнул первый луч солнца, и тотчас по ушам ударил артиллерийский залп, и в стонущем грохоте пальбы в вышине лопнули ракеты, распускаясь в гигантские разноцветные букеты. Праздник начался.

Расписание торжеств я знал наизусть. Ровно в девять часов из Западного и Восточного дворцов двинутся навстречу друг другу торжественные кортежи жениха и невесты. Паланкин императора будет установлен на черном слоне, паланкин невесты — на белом. Под торжественные крики народа, в сопровождении многочисленной свиты обе группы будут медленно двигаться по улицам. В половине двенадцатого, через полчаса после очередной казни, кортежи встретятся возле Храма Солнца, на площади Справедливости и вместе проследуют во дворец. Там император ненадолго покинет свою будущую супругу, чтобы вскоре, зарядившись порцией чужой жизни, снова явиться к ней во всем своем великолепии.

Для охраны кортежей я выделил отряд вексилариев, а сам решил ожидать свадебный поезд на площади. Я все еще надеялся, что встречу кого-нибудь из группы А, и площадь была самым удобным местом для этого.

По городу ходил слух, что будет объявлена амнистия осужденным, и мне хотелось посмотреть, как это будет выглядеть. В то, что Император обойдется без ежедневной казни, я не верил и гадал, как же он поступит. Поэтому я пришел на площадь незадолго до одиннадцати.

Все оказалось очень просто. На эшафоте стояла кучка осужденных, в том числе несколько женщин. Мне показалось, что одна из них напоминает А. Расталкивая людей, я пробился к эшафоту. Нет, ошибка — это была совсем не она. Между тем ритуал шел своим чередом. Одного беднягу поставили на колени, автомат проверещал приговор, и казнь состоялась. Тут же на его место притащили другого, но автомат вдруг заговорил сочным басом о милосердии Императора, и осужденных отпустили на все четыре стороны. Бедняги, не веря своему счастью, пустились наутек, толпа прославляла величие Императора, а тело казненного в закрытой машине уже ехало по обычному пути.

И тут я увидел того, кого искал. Это был человек, которого А и ее друзья почтительно называли Старшим. Обрадованный, я чуть было не кинулся к нему и с трудом удержался, чтобы не испустить возглас восторга. Но тут я заметил странную вещь, повергшую меня в изумление. Этот человек, за голову которого наверняка полагалась большая награда, этот бунтовщик, заговорщик, революционер лез в карман к какому-то богато одетому квириту. Делал он это неумело, тот закричал. Вор кинулся бежать и налетел прямо на меня.

Бывает, что к какому-то событию долго готовишься, заранее продумывая и предугадывая свои поступки. Потом оказывается, что всё происходит совсем иначе. Так случилось и сейчас. Мой кулак обрушился на лицо неудачливого вора. Он покатился по земле, обливаясь кровью. Я выхватил свисток и засвистел.

Из толпы выскочили два человечка, в которых я сразу узнал агентов Тайной Канцелярии. Но на мой свист уже бежали с обнаженными мечами вексиллярии.

— Взять мерзавца! — приказал я, указывая на

скорчившегося вора. — Негодяй напал на меня. Отвести его в казарму и строго охранять. Я сам допрошу его.

Черные человечки пытались что-то возразить, но вексилларии отшвырнули их, надели на вора наручники и уволокли. Кажется, все обошлось. И тут я почувствовал чей-то взгляд. Я быстро обернулся. Это был Гун.

— Мне кажется, что я где-то видел этого человека, — сказал он безразличным тоном, хотя глаза его так и впилась мне в лицо. — Да, вспомнил, это же садовник из дворца! Он работает в розарии. Ты никогда там не был? — Его взгляд чуть не обжигал меня. — О, там есть на что посмотреть! Розы Императора — лучшие в мире розы...

Он произнес последние слова так, словно говорил о малозначущих вещах, и никакой самый ловкий шпики не догадался бы, что это пароль. Было ясно — Гун ищет того человека, для связи с которым А сообщила ему этот пароль. Но я твердо решил, что никогда, ни за что не доверюсь Гуну.

— Розы? Возможно... — пробормотал я. — Никогда не интересовался цветами.

Гун разочарованно вздохнул, отдал по уставу приветствие и скрылся в толпе. Но я уже не мог пойти в казарму — из-за мелкого воришки Начальник личной охраны Императора не бросает всех дел в такой торжественный день. Пришлось ждать свадебный кортеж. Он был недалеко — это чувствовалось по приближающемуся реву толпы, хлопанию петард, грому оркестров. Прошло несколько минут — и вот с двух сторон на переполненную людьми площадь влились две разноцветные процессии. Воздух задрожал от криков, стонов, воплей, выкрикиваемых хором приветствий, от беснования оркестров, над толпой поднялись и поплыли сотни разноцветных воздушных шариков, взлетали облака конфетти, металась лента серпантина, под ноги слонов летели алые розы...

В центре площади, как раз напротив эшафота, обе процессии встретились и по узкому проходу, который с трудом удерживала цепь солдат, двинулись к дворцу.

Их путь пролегал совсем рядом со мной. Император плыл на спине гигантского черного слона, неподвижный, как изваяние. Рядом чуть покачивался паланкин невесты, такой же неподвижной, как и ее жених. Ее лицо в свадебном уборе было необыкновенно красиво и необыкновенно бледно. И увидев эту бледность, я почувствовал, что разум мой помутился и ноги мои отнимаются, потому что в невесте Императора я узнал А!

33.

Дверь карцера с лязгом захлопнулась за мной. Пленник с опухшим лицом встал мне навстречу. Я снял с него наручники и с рыданиями спрятал лицо у него на груди.

— Не плачь, — шепнул он, глядя мои волосы. — Все еще поправимо, раз мы встретились. Правда, пропала А...

— Ты ничего не знаешь, Старший! Я только что видел ее...

И я рассказал ему все. Он долго молчал, потом тихо заговорил:

— Она исчезла сразу после отъезда. Когда срок ее возвращения истек, мы забеспокоились, послали связного. Но друзья сказали, что она к ним не приезжала. Ее схватили раньше.

— Она ехала одна?

— До станции ее провожал Гун.

— Гун! Опять Гун! Это он ее предал! — закричал я вне себя. — Я убью его!

— Это всегда успеется. К тому же у тебя нет доказательств. Ее могли схватить случайно. Ищейки Тайной Канцелярии по всей стране хватили красивых девушек для Императора.

— Но как она могла согласиться? Почему не сорвала при всех свой убор и не швырнула в лицо этому насильнику и убийце?

— Не упрекай ее. Ты сам, казненный Императором, долго служил ему верой и правдой, пока мы не сняли с тебя его чары.

— Это правда, — прошептал я. — Но неужели ничего нельзя сделать? Неужели невеста моего сына достанется этому чудовищу?

— У нас есть надежда. Поэтому я и пришел к тебе. Я не мог этого сделать раньше. Нас кто-то предал, и я все время чувствовал за собой слежку. Подойти к тебе значило выдать и тебя. Но сегодня я решился, потому что пора действовать.

— И как будто получилось правдоподобно. Прости меня, Старший, за этот удар. Я не мог поступить иначе.

— Ты все сделал правильно. Не надо извиняться. Расскажи лучше все, что успел узнать.

Я подробно рассказал ему о плане заговора, о старике из Хранилища, о побеге Тала. Потом я спросил, как быть с Гуном:

— Чувствует мое сердце, что это чужой нам человек. Как мог он втереться в доверие к вам?

— Гун снабжал нас ценными сведениями, которые потом всегда подтверждались. У нас не было причин не доверять ему.

— Ценными сведениями! — засмеялся я. — Лин Эст тоже получал от меня ценные сведения. В таком деле самый лучший способ провалиться — сообщить ложные сведения. Я не уверен, что сейчас Гун не докладывает Лин Эсту о моей встрече с тобой. По-моему, самое лучшее — прикончить его как можно скорее.

— И потом окажется, что он ни в чем не виноват. Мы не можем карать человека по простому подозрению.

— Поступайте, как хотите. Мой сын казнен, его невесту ждет участь худшая, чем казнь. Для чего мне жизнь?

— Не смей так говорить. Мы постараемся вырвать А из лап Императора. Но не это наша задача. Освободить весь народ — вот главная цель, и ради нее и я, и А, и все остальные готовы отдать свои жизни.

— Пойдем, я выведу тебя из дворца, — сказал я.

— Тем же способом, что и Тала?

— На этот раз обойдемся без спектакля. Час назад я подписал указ об особом режиме охраны дворца. Каждый черный агент, замеченный вблизи, будет изрублен на месте. Мои ребята свое дело знают.

— Это ты неплохо придумал. Мне не хотелось бы валяться в лопухах до ночи. Сейчас каждый час решающий.

Я сообщил ему пароли на каждый день праздника и провел пустынными коридорами на кухонный двор. Там он смешался с толпой грузчиков, приносивших во дворец свежую рыбу, и исчез.

34.

Лин Эст вбежал ко мне в страшном волнении. Он тяжело дышал, с хрустом сжимая и разжимая кулаки. На каждом шагу его останавливали мои стражи, и эти задержки, видимо, вывели его из равновесия.

— Где человек, который напал на тебя? — чуть не с порога закричал он.

— А в чем дело? — спросил я с безразличным видом. И так, Лин Эста уже оповестили. Неужели все-таки Гун? — Это обычный вор. Он наткнулся на меня, удирая от погони. Я приказал дать ему дюжину плетей и вышвырнуть вон. В следующий раз будет смотреть, куда бежит.

— Зачем ты его отпустил? — завопил Лин Эст. Его лицо покрылось красными пятнами.

— Ловить карманников не мое дело. Пусть этим занимается полиция.

Лин Эст даже застонал. Тогда я схватил его за тогу и затряс, совсем так, как прежде тряс он меня.

— А ну, выкладывай, почтенный! У тебя появились какие-то тайны. Что это за человек?

Лин Эст был почти на голову выше меня и гораздо тяжелее. Но последние события — несчастье с А, предательство в организации, поставившее под угрозу все дело, — взвинтили меня до крайней степени. Мне было наплевать на все, и бушевавшая внутренняя ярость искала выхода.

Лин Эст молча вырывался. Я расвирипел окончательно. Выхватив свисток, я позвал на помощь вексиллариев и приказал взять Лин Эста.

Никогда в прежние времена простые стражи не осмелились бы прикоснуться к Стоящему У Руля. Но, видимо, прежние времена миновали. Я знал, что многие из стражей втайне ропщут на постоянные казни, на бессмысленные пограничные побоища, на голод в оскудевших деревнях. Это недоволь-

ство зрело и рано или поздно должно было проявиться. Безумная роскошь свадебных торжеств еще больше накалила обстановку. Поэтому я не сомневался, что мои подчиненные выполнят приказ.

Лин Эст сопротивлялся упорно, но его повалили, заломили руки и защелкнули наручники. Он взвыл от боли, но не прекращал попыток вырваться.

Терять мне было нечего. Или я все узнаю, или всем нам конец.

— Отрубите ему голову! — приказал я и отвернулся. Лязгнув вырванный из ножен меч. Лин Эст понял, что шутки кончились, и дико закричал.

— Я скажу! Скажу! — завопил он, падая на пол. — Прикажи им только уйти, уйти, уйти...

Это было омерзительное зрелище. Он валялся у меня в ногах, умоляя о пощаде. Его воля была окончательно сломлена.

Я выслал стражей вон и помог ему подняться — сам он встать не мог, потому что руки у него были скованы за спиной. Я велел ему сесть и рассказывать.

Он рассказал мне все. Это действительно был Гун. К счастью, ему не удалось узнать много, но он знал, что связь с человеком во дворце осуществляет А. И он выдал ее, чтобы, лишившись связи, этот человек обратился к нему. Он же выдал и Старшего, и еще нескольких товарищей. Тех схватили, а за Старшим установили тайное наблюдение, от которого он сумел избавиться лишь с моей помощью.

— Почему я не знал об этом? — грозно спросил я. Ты, ничтожество, как ты посмел утаить, что среди нас предатель?

— Мы подозревали тебя... — выдавил Лин Эст. Я расхохотался.

— Меня? И с такими ослами я должен заниматься серьезным делом! Как же давно вы меня подозреваете?

— О том, что во дворце есть кто-то, Гун узнал перед самым отъездом А.

Я вздохнул с облегчением. Значит, о моих встречах с девушкой они не знают. Можно продолжать игру. Оставался только один вопрос.

— Как же ты решился сейчас обратиться ко мне?

— Я подумал, что надо попробовать сговориться с вами.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Сговориться? О чем?

— О совместных действиях.

Я все еще не понимал его и переспросил:

— Ты хотел сговориться о совместных действиях против Императора с представителем революционной тайной организации, которую сам же помог разгромить?

— Ну да, — буркнул Лин Эст. — А что мне оставалось делать?

И тут он сказал такое, что в первый момент я просто не поверил ему.

— Только что, — сказал он, — Тайная Канцелярия начала аресты Ищущих Братьев...

— Да ты в своем уме? — завопил я. — Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, — выдавил Лин Эст. — Это Гун нас предал. Недаром он исчез куда-то.

Я быстро снял с него наручники и потащил к умывальнику, чтобы он привел себя в порядок.

— Слушай меня, Лин Эст, и выполни все, что я говорю. Еще ничего не потеряно. Вот что ты должен сейчас сделать, если не хочешь сегодня же лишиться головы...

35.

Итак, Император нанес удар первым. Этого следовало ожидать.

Переворот был намечен на пятый день свадебных торжеств. К этому времени притупится бдительность стражи, которая в праздники несет тройную нагрузку, а главное, именно на пятый день открывался во дворец доступ для народа, желающего приветствовать новую супругу Императора. У заговорщиков было заготовлено оружие, распределены обязанности между боевыми группами, которые проникнут во дворец в потоке народа. Именно в этот день, по моему мнению, следовало перехватить у них инициативу. Я мог бы арестовать заговорщиков и пропустить восставших к складам оружия, а затем запереть ворота, отгородив дворец от внешнего мира, чтобы никто не помешал нам проникнуть во Хранилище. Но теперь с заговорщиками расправился Император. Возможно, кто-то из них, не выдержав пытки, уже назвал мое имя. Меня схватят, стражу заменят, ворота дворца наглухо закроют для посторонних... Именно так должен поступить Император, если он не хочет распротиться с тронем и с самой жизнью. Очевидно, у него найдутся преданные воинские части, которые он сумеет подтянуть к столице, может быть, уже сегодня, чтобы заменить ими дворцовую стражу. У Императора есть опыт в таких делах — я отлично помнил, как быстро и умело расправился он с вексиллариями. Чтобы опередить его, в нашем распоряжении оставались считанные часы. Но хуже всего было то, что приходилось действовать вслепую. Только сейчас я осознал, насколько мало знаю о противнике. Следовало иметь разведчиков в каждой воинской части, на телефоне и телеграфе, железнодорожных узлах, среди арестантов... Увы, обо всем этом я не подумал, а теперь время было упущено. Оставалось одно — принять бой, даже заранее зная, что он будет проигран, и если не повезет, умереть с честью.

— Слушай меня, Лин Эст, — сказал я. — Ты доверился провокатору и поставил под удар все наше дело. Заговор провалился — ты это уже понял, иначе не пришел бы сюда. Император нас не помилует — это ты тоже знаешь. Осталась одна надежда — на А и ее друзей. Так?

Он кивнул, глядя на меня круглыми глазами.

— В случае их победы у тебя есть шанс выжить. Ведь ты не совершал преступлений против народа, не грабил деревень, не рубил голов невинным.— Тут глаза его забегали, но я сделал вид, что ничего не заметил. — Ты просто государственный чиновник, образованный, знающий человек, для которого найдется дело при любой власти. Так давай сговоримся с теми, у кого еще остались шансы на успех...

— Но как, как это сделать? Или ты все-таки знаешь, где их найти?

Я покачал головой.

— Я не имею к ним никакого отношения. Но все, что нам нужно, знает А.

— Ты издеваешься надо мной. А давно схвачена и казнена.

— Она жива и находится совсем рядом. Я только что видел ее. Она — невеста Императора.

Он подскочил так, словно его ужалила змея.

— Слушай, Лин Эст! Я дам тебе своих лучших людей с тяжелым оружием. Укради, похить, отбей А с боем — делай что хочешь, но освободи ее, и мы спасены. У Тайной Канцелярии мало людей. Ворвись во дворец, перебей всех, кто станет на дороге, и выведи А оттуда. Тем временем я наглухо заблокирую дворец.

Лин Эст выпрямился во весь рост и с хрустом несколько раз сжал кулаки.

— Я повинуюсь! — сказал он. — Дай мне оружие.

В это время в дверь вошел страж. Меня вызвали к Императору.

36.

В первый момент я решил, что за мной послали, чтобы схватить и обезглавить. Конечно, кто-то из Ищущих Братьев уже проговорился, и часы мои сочтены. Но потом я вспомнил про А. Открытое неповиновение только ускорит развязку. Надо выиграть время, чтобы Лин Эст успел выполнить свою задачу. И если для этого надо расстаться с головой — что же, я знал, чем рискую...

Император ждал меня в своем рабочем кабинете. Несколько невзрачных черных фигур маячили в темном углу.

Я бросил взгляд на часы. Прошел всего час после полудня. Лицо Императора светилось молодостью и красотой. Он только что вернулся из Хранилища, поэтому был бодр и деятелен.

— Расскажи мне про Ищущих Братьев, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Слушаюсь, о Повелитель! Ищущие Братья — преступная тайная организация, в которую вошли завистливые, неблагодарные, черные люди, посмевшие посягать на Великого Императора...

Я преданно смотрел Императору в глаза, больше всего боясь моргнуть, и старательно перечислял все, что знал — имена, события, планы заговора,

дислокацию боевых групп. Я отлично понимал, что все это Императору уже известно, так же, как и мое участие в заговоре, и только недоумевал, почему мне не отрубили голову сразу.

— Как согласился ты, мой преданный слуга, вступить в сговор с изменниками? — спросил Император.

— Знать тайные замыслы врага — моя обязанность, о Повелитель! — выпалил я.

— Но ты дал Клятву Послушания?

постановление Совета Ищущих Братьев — предать меня смерти.

— Почему же ты жив?

— Не знаю, о Повелитель!

Я уже понял, как обстояло дело. У кого-то из Братьев был найден архив, а может быть, и полный список Братства. Всех перечисленных в нем схватили и, скорее всего, уже отрубили им головы — Император был скор на расправу. Меня в списке не было — ведь формально я не был принят, но

Иллюстрации Наталии ЕРМОЛАЕВОЙ



— Нет, о Повелитель!

Его брови приподнялись.

— Подойди сюда!

Он протянул мне какие-то бумаги. Я бросил на них взгляд и сразу понял, что это такое. Это был протокол моего приема в Братство Ищущих. Эти подонки, эти кровавые пауки были формалистами и бюрократами до мозга костей.

— Видишь? Тебя приняли в Братство.

— Нет, о Повелитель!

Император нахмурился.

— Объясни.

Я быстро перелистал страницы. Вся надежда на то, что эти упыри, эти вурдалаки свято соблюдают видимость законности даже в самых незаконных деяниях. Вот и последняя страница. У меня словно камень свалился с сердца.

— Из-за моих заслуг перед Императором я был признан недостойным, о Повелитель!

Я протянул ему последний лист, где витиеватым почерком перечислялись результаты голосования и

протокол сохранился. Я мог лгать что угодно, потому что проверить мои слова было невозможно.

Император смотрел мне прямо в глаза, и его взгляд обволакивал меня, проникал в самое сердце, вызывал радость и желание повиноваться. Только мысль о несчастной А, о страданиях моего сына и других невинно замученных людей помогла мне бороться с предательской лаской этого взгляда.

— Вспомни, я приказываю тебе! Ты должен знать!

— Не знаю, о Повелитель!

Видимо, он поверил мне, потому что наконец отвел глаза. Я незаметно вздохнул. Кажется, пронесло!

— Почему ты молчал, Начальник стражи?

— Мудрость всезнающего Императора не нуждается в моих напоминаниях, о Повелитель! С меня было достаточно сознания, что все нити заговора ведомы мне и что даже тень опасности не коснется тебя, о Повелитель!

Император взглянул в угол. Один из черных

бесшумно приблизился и с поклоном передал ему что-то.

— Твоя преданность радует меня, — сказал Император. — Я решил приблизить тебя к трону. Отныне ты — один из Стоящих У Руля, и имя твое — Тир Асс...

Я бросился к ногам Императора, стараясь как можно правдоподобней показать свой восторг.

— Но число Стоящих У Руля ограничено, — продолжал Император. — Принадлежащее тебе по праву место еще занято изменником и предателем. Иди, принеси мне голову Лин Эста, о Стоящий У Руля, мой верный слуга Тир Асс!

Я принял из рук Императора грамоту и регалии.

— Будет исполнено, о Повелитель!

Лишь за дверью я смог утереть пот со лба. Еще раз смерть прошла мимо меня. Что же, надо пользоваться доверием Императора!

37.

Когда я вернулся к себе, Лин Эст стоял у окна с тяжелым автоматом на груди.

— Император только что приказал принести ему твою голову, — сказал я. — Не будем же терять времени. Бери людей и начинай штурм.

— Что это такое? — хрипло спросил он, показывая куда-то вниз.

Я подошел к окну, и от того, что я увидел там, судорожный спазм страха сжал мне сердце. Ворота внешней ограды дворца, которые я приказал наглухо закрыть, были отворены, и в них вливалась колонна солдат.

Я бросился к телефону. Мне ответил начальник караула.

— Как ты смел нарушить приказ! — заорал я. — Немедленно закрыть ворота!

— Войска введены во дворец по приказу Императора, — флегматично ответил он.

— Ты арестован! Немедленно явиться ко мне и сдать оружие!

— Как бы не так! — ответил он и повесил трубку.

Я почувствовал, что все кругом рушится. Император опять опередил меня!

Я рванул рубильник, и в караульных помещениях заплакала тревожная сирена. Стражи с оружием в руках выскакивали в коридор и наспех строились.

Я выбежал на середину. За мной спешил Лин Эст, придерживая на груди автомат. Наверно, вид у нас был очень странный, потому что стражи смотрели на нас с недоумением.

Я вызвал вперед бригадиров и приказал арестовать стражу у ворот, а остальным выбить солдат из дворца. Однако последовало неожиданное. Никто не шевельнулся, чтобы исполнить приказ. Стражи топтались и о чем-то тихо переговаривались.

— Смирно! — заорал я. — Выполнять приказание!

Однако стражи оставались на местах.

— Мы не будем стрелять в своих, — сказал вдруг кто-то. — Надо сперва разобраться.

— Как ты смеешь! — взвился я. — Это измена! Взять его!

— Я вижу, ты забыл, что сам когда-то был одним из нас, — насмешливо продолжал страж. — Коротка же память Стоящих У Руля!

Я бросился к нему, но тут у меня за спиной коротко прогрохотал автомат Лин Эста. Страж схватился за живот и повалился на пол. Раздался вопль, строй смешался. Я ничего не мог сделать. Меня свалили, защелкнули наручники и поволокли к карцеру. Лин Эст сопротивлялся немногим дольше меня. Его автомат твякнул и сразу захлебнулся. Меня швырнули на пол карцера, сверху на меня рухнула туша Лин Эста. Загремел замок, и мы остались в темноте.

Все было кончено.

38.

Время тянулось бесконечно долго. Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем узкая полоска света, проникавшая под дверь, начала бледнеть и таять. Там, за стенами нашего каменного мешка, наступил вечер.

Первое время я сидел на полу, прислонившись спиной к холодному камню стены. Постепенно меня охватил озноб. Я попытался встать и немного размяться, но проклятые наручники тут же сжали запястья, и мне пришлось отказаться от попытки согреться. Я опять опустился на пол, мелко стуча зубами. Рядом, в темноте, скулил и плакал Лин Эст. Это было омерзительно, я крикнул было на него, но он заскулил и затрясся еще сильнее. Потом силы оставили его. Он утих, и на нас навалилась давящая тишина.

Это было еще хуже, чем вопли Лин Эста. Мерзкий, отвратительный страх прокрался мне в душу, отнимая остатки самообладания. Видимо, Лин Эст тоже почувствовал нечто похожее, потому что он завозился и окликнул меня.

Как ни ужасно было наше положение, но все же возможность говорить даже со злейшим врагом приносила какое-то облегчение. Мы сели рядом, чтобы согреть друг друга, и стали разговаривать.

Беседа продолжалась недолго. Постепенно нами овладела полная апатия, и мы снова умолкли. В полузабытьи шло время — минуты или часы, я не знал. Потом я заснул и увидел сон.

Я увидел, что сижу на императорском троне перед большим прямоугольным зеркалом и разговариваю с собственным отражением. На моей голове была корона, в руке — императорский скипетр, но они почему-то не отражались в странном дымчатом

зеркале. Через некоторое время я понял, что вижу в зеркале не себя, а сына.

— Дорогой Ло! — растроганно сказал я, и слезы радости покатались из моих глаз. — Наконец-то я встретился с тобой. Как жаль, что ты — только мое отражение в стекле, и я не могу обнять тебя!

Я простер руки к зеркалу, и мои пальцы ощутили его податливую, упругую поверхность. Удивленный, я приник к стеклу, напрягая силы, и вдруг преграда исчезла, и наши руки встретились!

— Иди ко мне, отец! — сказал Ло, и голос его благоухал. — Иди ко мне, и я покажу тебе то, ради чего стоит жить...

Его сильные, загорелые руки увлекали меня внутрь зеркала. Корона зацепилась за раму, упала на пол и покатилась со звоном, но я тут же забыл о ней, потому что руки сына увлекли меня внутрь, ввысь, и вот мы уже пронизывали тучи, устремляясь туда, где нам навстречу вставала из-за песков Западной пустыни Четвертая Луна.

Совсем рядом с нами мерцали удивительные звезды, а внизу проплывали поля, луга и города, и повсюду были люди, и они смеялись и кричали, указывая на нас, а мы все плыли над тучами, и звезды расступались перед нами. Четвертая Луна заливала нас ласковым теплым светом, и этот свет радовал и бодрил, и пробуждал в душах мудрость, а в сердцах мужество, и света этого было так много, что его хватало на всех, и люди знали это, и подставляли лица несущему счастье лунному свету. Удивительная Луна плыла над миром, изливая счастье на белых, черных, синих, зеленых, желтых людей, и твердая рука сына направляла ее полет, и не осталось на всей планете ни одного убогого, нищего, забытого, кого бы не коснулся ее свет.

Потом раздался короткий грохот, и меня ослепила яркая вспышка. Лишь секунду спустя, когда сознание пробудилось, я понял, что это открылась дверь нашей тюрьмы.

— Выходи, Тир Асс! — раздался громкий голос.

Я с трудом поднялся на ноги и пошел к свету, неся впереди себя опухшие, посиневшие, ничего не чувствующие руки.

За дверями толпились вооруженные вексиллари, а среди них, с автоматами в руках, стояли врач Тал и Старший.

39.

Я был очень наивен, полагая, что от меня одного зависит успех восстания. За время, проведенное в карцере, я успел передумать многое и понял, что был самонадеян и глуп и что в сложном механизме восстания являлся только маленьким винтиком.

Я сидел на стуле в перевязочной, Тал хлопотал над моими руками, втирая в кожу какие-то чудодейственные мази, а я засыпал его бесконечными вопросами, на которые он не успевал отвечать.

— Солдаты тоже были на нашей стороне, и приказ Императора оказался очень кстати. Поэтому стража пропустила их во дворец. Ты едва не испортил все, приказав открыть огонь. Стража решила, что Император сумел подкупить тебя, поэтому с тобой обошлись так невежливо.

— Значит, ты теперь с нами, Тал? — спросил я. Он засмеялся. Старший, который сидел рядом, держа автомат на коленях, тоже улыбнулся.

— Тал — один из членов штаба нашей организации, — сказал он. — Наши люди работают во всех воинских частях.

— А я решил, что все погибло, — сознался я. — Организация разгромлена, заговор раскрыт, Император торжествует...

— Все произошло так, как мы предполагали. Слушай, я расскажу тебе... Я стремился попасть во дворец вовсе не ради тебя. Мне надо было повидать Гуна.

— Гун предатель! — крикнул я. — Он раскрыл Императору планы заговорщиков.

— Он сделал это по моему приказу, — спокойно ответил Старший.

Я ошеломленно посмотрел на него.

— Это входило в наш план. Император — психически неуравновешенная натура. Он панически боится за свою жизнь. Гун назвал ему имена заговорщиков, их тут же схватили и казнили. Таким образом, Император, перебив высшее руководство, фактически потерял возможность как-то управлять событиями. Не доверяя дворцовой страже, он вызвал армейскую часть, которая давно была на нашей стороне. Вместе с солдатами во дворец проник и Тал. А я воспользовался твоими паролями. И первым делом мы освободили тебя. Восстание начинается, и ты, конечно, захочешь принять в нем участие...

Я пошевелил кистями. Они слушались плохо, но массаж и мази делали свое дело — я чувствовал, как сила постепенно вливается в мои пальцы.

— Дайте мне меч, — сказал я. — Что я должен делать?

— Сейчас мой отряд должен арестовать Императора, — ответил Старший. — Тебе же я предлагаю захватить восточное крыло дворца, где расположены покои будущей императрицы. Надо найти А.

— Моя дорогая дочь... — прошептал я. — Неужели скоро конец твоим испытаниям?

Хорошо известными мне коридорами я с двадцатью солдатами двинулся на женскую половину. Вскоре нас остановили часовые. Я назвал пароль. Однако старший по наряду отказался нас пропустить.

— Этот пароль отменен полчаса назад. Я должен вас арестовать.

Я понимал, что втроем они ничего не смогут сделать с двумя десятками вооруженных людей, но мне не хотелось, чтобы пролилась их кровь.

— Власти Императора пришел конец, — сказал я. — Теперь страной будет править народ. Пропусти нас.

Я сделал шаг вперед, но упрямец навел на меня оружие. Нас разделял десяток шагов, и дуло его автомата смотрело мне в живот, а палец лежал на спусковом крючке. Я понял, что через секунду он выстрелит, и мне стало обидно, что придется погибать так глупо — ничего не успев сделать. Но тут один из его подчиненных ударил своего ретивого начальника прикладом по затылку, и тот свалился на пол.

— Да здравствует народ! — крикнул часовой, подбирая упавший автомат.

— Да здравствует революция! — ответили мы.

Часовые присоединились к нам, и мы двинулись дальше. Вскоре мой отряд без приключений достиг женских покоев, увеличившись по дороге почти вдвое. Перепуганные прислужницы с писком кинулись в разные стороны. Мои солдаты со смехом и шутками подбадривали их, с интересом рассматривая богатейшие покои — толстые ковры на полу, огромную кровать под балдахином, волшебный фонарь для теневых картин, мраморный бассейн омовений, зеркальную комнату для одевания, крохотный висячий сад с ручейком и резным столиком на берегу — для отдыха и чтения... В одной из комнат висели женские наряды — по меньшей мере несколько тысяч платьев и других одеяний. Я заметил, что многие из них полуистлели, и понял, что эти одежды принадлежали бесчисленным женам нашего вечно юного Императора — несчастным созданиям, исчезавшим неведомо куда, как только наступало время новой избранницы. От этой догадки моя ненависть к Императору вспыхнула еще сильнее. Я не знал, чем закончится восстание, но понимал, что прежним варварским обычаям не вернуться уже никогда, и радовался, что А избегнет страшной участи прежних жен Императора.

За окном слышались выстрелы — восстание началось. Торопясь, мы обшарили все закоулки, допросили служанок — никто не знал, куда девалась А. В покоях собралось уже больше сотни солдат и стражей, и я приказал всем поспешить на помощь нашим друзьям, ведущим бой. Из окон нам было видно, что отряд Старшего безуспешно пытается ворваться внутрь западного крыла. Хотя удачными попаданиями из бомбометов были разбиты несколько решеток на окнах, попытки проникнуть внутрь здания не удавались — защитники Императора сосредоточенным огнем с верхних этажей перекрывали все доступы к дворцу.

Висячий сад, из окон которого я рассматривал поле боя, находился на самом верхнем этаже. Со всем недалеко, над центральной частью дворца сверкал большой стеклянный купол. Заинтересованный, я мысленно прикинул возможность атаки им-

ператорских покоев с крыши дворца. В этот момент кто-то положил мне руку на плечо.

— Ты задумал правильно, — услышал я знакомый ненавистный мне голос. — Именно отсюда нам следует ударить.

Рядом со мной стоял Гун.

Я схватился за рукоять меча, но он не обратил внимания на мое движение.

— Я знаю этот путь и готов вести вас. Через купол мы проникнем в центральные покои, затем через розарий выйдем на половину Императора. Ты никогда не бывал в розарии? — Тут он взглянул мне в глаза и усмехнулся. — Розы Императора — лучшие в мире розы...

Я ненавидел этого человека, я считал, что он виновник несчастья с А, но Старший совсем недавно уверял меня, что Гун — надежный и проверенный товарищ, и А доверила ему связь со мной, оставила пароль, который он сейчас произнес, и он предложил единственно правильный путь к успеху... Он сплел крест-накрест четыре пальца — именно этот знак показала мне А — и смотрел на меня выжидательно. Внизу снова затрещали выстрелы. Я увидел, как волна атакующих отхлынула от стен дворца, оставив на земле убитых и раненых. Чего я боюсь теперь? Восстание началось, и никакой Гун не мог уже ничего изменить.

— Особенно хороши алые розы... — медленно произнес я. В глазах Гуна вспыхнул злой огонь, который, впрочем, тут же погас.

— За мной! — воскликнул он и через дверку в остеклении висячего сада вывел нас на крышу. Никем не замеченные, мы пробежали к центральному куполу, выбили прикладами несколько стекол и по штурмовым веревкам спустились вниз.

Гун вел нас так уверенно, как будто знал здесь каждый закоулок. Наш удар оказался неожиданным для осажденных, и защитники Императора, которых мы встретили на верхних этажах, сразу разбежались или сдались. Не понеся потерь, мы спустились вниз и только там наткнулись на ожесточенное сопротивление. Несколькими залпами гранатометов мы расчистили дорогу и через огромные двери ворвались в просторное помещение. В горячке боя я не сразу узнал это место, однако многочисленные изображения птиц и животных показались мне знакомыми, и я вспомнил, где нахожусь. Это был Голубой зал, откуда начиналась дорога в Хранилице.

Передовая штурмовая группа в бронежилетах стремительно бросилась через зал. И вдруг произошло неожиданное. Не было ни выстрелов, ни разрывов гранат, но все атакующие попадали на пол и один за другим замерли в неестественных позах. Вторую группу в газозащитных масках постигла та же участь.

Нами овладела растерянность. Но я уже понял, что это такое. Схватив заговорщиков, агенты Тайной Канцелярии, естественно, прибрали к рукам

сделанные ими запасы оружия, в том числе и гипноизлучатель, и сейчас воспользовались им, чтобы обезопасить себя с тыла. Обнаружить, где он установлен, и уничтожить его было невозможно — его излучение свободно проникало сквозь стены, и он мог находиться в любой соседней комнате, даже этажом выше или ниже. Однако я знал, что надо делать.

Я приказал немедленно отыскать кого-нибудь из дворцовой прислуги. Солдаты привели мне какую-то женщину, и я расспросил ее, где проходит энергетический рукав. Она поняла, что я от нее хочу, и повела солдат за собой.

Пока они добрались до рукава, я распорядился приготовить факелы и фонари. Я помнил, что совсем недавно велел Лин Эсту перевести гипноизлучатель на аккумуляторное питание, однако он так и не доложил о выполнении приказа. Сейчас успех штурма зависел от того, насколько исполнителем оказался Лин Эст.

Несколько сотен атакующих молча стояли у дверей Голубого зала с обнаженными мечами в руках. Снизу глухо доносились выстрелы — там продолжался безуспешный штурм. Появился посланный для связи Тал и рассказал, что восстание ширится, что революционные войска завладели почти всеми ключевыми пунктами Столицы. Только что захвачен телеграф, и призыв Революционного штаба уже летит по проводам во все концы страны. Везде поднимается народ, свергая власть Стоящих У Руля. Однако сторонники Императора еще сильны, и многие воинские части по-прежнему повинуются им. Известие о свержении Императора склонит чашу победы на нашу сторону.

В это время мне доложили, что рукав найден, вскрыт и под него заложена бомба.

— Всем приготовиться! — приказал я. — Зажечь факелы и фонари!

Прошло еще две-три минуты. Но вот раздался гулкий взрыв, и в то же мгновение свет погас. Атакующие бросились вперед, пересекли Голубой зал и схватились с защитниками дворца. Те не выдержали удара и обратились в бегство. Благословляя разгильдяйство Лин Эста, я тоже хотел кинуться в схватку, но меня догнал посланец Старшего и попросил немедленно вернуться в штаб.

Обратный путь на крышу занял довольно много времени. Труднее всего было подняться на купол, однако подвешенные кем-то веревочные лестницы облегчили задачу. Вскоре я уже стоял перед Старшим.

— Стучилось страшное дело, — сказал он. — Сюда доставили одного человека ... Ты должен взглянуть на него. Я послал и за Талом, но его еще не отыскали.

Он повел меня в перевязочную, где несколько человек хлопотали над лежащей на столе неподвижной окровавленной фигурой. Мне было достаточно одного взгляда, чтобы вспомнить его лицо.

Да, это был старик, к которому я по приказу Императора приводил Тала — человек Икс, единственный ученый в Империи, который знал все тайны переливания жизни...

— Он умрет? — спросил я хриплым голосом. Если это случится, мой сын и тысячи других казенных никогда уже не обретут тела.

— Врачи сделают все возможное. После твоего сообщения мы предупредили всех, чтобы этого человека взяли невредимым. Он совершенно случайно подвернулся под очередь. Гун нашел его истекающим кровью и принес сюда.

— Опять Гун! — чуть не закричал я. — Куда ни повернись, всюду Гун, Гун, Гун! Везде, где случается что-то плохое, обязательно рядом Гун. Я убью этого человека!

— Успокойся! — Старший дружески взял меня за руку. — Гун здесь ни при чем. Зачем он стал бы нести сюда свою жертву? Он мог просто прикончить его на месте.

Мы вышли из перевязочной и сразу увидели спешащего навстречу радостного Тала, окруженного взволнованными людьми.

— Победа! — крикнул он, потрясая автоматом. — Император арестован. Его сторонники разбежались. Часть их забаррикадировалась в Хранилище, но их часы сочтены.

— Известие о свержении Императора следует немедленно передать по телеграфу, курьерами и голубиной почтой, — сказал Старший. — Надо поднять весь народ. Главный закон восстания — не давать врагу передышки, наращивать удары, добиваться все новых и новых успехов.

Я смотрел, как эти люди отдавали уверенные распоряжения, и поражался их уму и энергии. На моих глазах они меняли судьбу огромной страны, делая все так спокойно, словно всю жизнь занимались организацией восстаний. У них было все предусмотрено, события развивались по продуманному плану. То и дело в штабе появлялись запыленные самокатчики с донесениями. Перешел на сторону революции Флот Внутреннего моря; яростно сопротивляются жрецы, но младший персонал храмов — на стороне народа, и храмы-крепости уже начинают сдаваться один за другим; солдаты ударных войск в Западной пустыне открыли ворота в Стене и послали парламентариев к Песьеголовым с предложением заключить мир; идет бой между эскадрами Флота Открытого моря, но сторонники революции побеждают; штурмом взят Храм Солнца и арестован Верховный Жрец; посланцы Равноправных просят дать им оружие из захваченного арсенала, чтобы перебить ненавистных ликторов; кадеты Воспитательной академии заперлись в классах, выставив вон центуриона, и о чем-то митингуют — надо послать к ним верного человека...

Восстание развивалось, набирало силу и побеждало. И только одна мысль не давала мне покоя:

время шло, весь дворец был уже в наших руках, но А словно в воду канула.

40.

Над моей головой пробили часы. Наступил полдень — тот час, когда Император торопливо устремлялся в Хранилище.

— Сегодня впервые за сотни лет наш возлюбленный Император не получит каждодневной порции чужой жизни, — сказал Старший, прислушиваясь к мелодичному звону.



Его слова словно подбросили Тала.

— Скорее за мной! — крикнул он.

Мы побежали по бесконечным дворцовым коридорам туда, где под надежной охраной был заперт свергнутый повелитель.

Император метался по комнате, как плененный тигр. Его прекрасное лицо было искажено яростью, глаза метали молнии.

Когда мы вошли, он остановился. Было пятнадцать минут первого. Он быстро окинул нас взглядом, затем его глаза нашли меня и впелись в мое лицо. Я смотрел на него, ожидая, что он сейчас скажет.

— Ты не опускаешь глаз... Ты хочешь служить своему Императору... — забормотал он тихо, двигаясь на меня. Его глаза были безумны. — Слушай мою волю, о верный слуга мой Тир Асс, первый среди Стоящих У Руля! Я назначаю тебя своим наследником. Я отказываюсь от престола и передаю тебе высшую власть в государстве. Я рас-

крою тебе тайну вечной молодости. Ты будешь могуч и бессмертен. Но ты должен выполнить мой последний приказ. Я вижу на твоём бедре меч, и руки твои свободны. Убей этих людей, что стоят возле тебя — и ты станешь повелителем Империи...

— Он сошел с ума... — прошептал Старший.

— Нет, он просто умирает, — возразил Тал.

И мы увидели это... Лицо Императора менялось на наших глазах. Маска молодости сползала с него, на лицо ложились тени, потускнели глаза, по свежей коже пробежали морщины, он осунулся и

поник.

— Пустите меня! — вдруг закричал он, бросаясь к дверям. — Полдень миновал, и я должен идти! Пустите же!

Он бился в наших руках, но силы его слабели, мускулы его дрябли с каждой секундой, голос срывался, хрипел.

— Я должен попасть в Хранилище! — бормотал он, вращая безумными глазами. — Пустите... Я не хочу...

Это было омерзительное зрелище. В припадке ярости он схватился за голову, и длинные пряди мгновенно поседевших волос стали отделяться от черепа, оставляя голые места, желто отсвечивающие стариковской кожей. Нос его скрючился, щеки ввалились, руки тряслись...

— Неужели ничего нельзя сделать? — пробормотал Старший.

Тал покачал головой.

— Он обречен. Его поддерживала только каждодневная порция чужой жизни.

Тем временем силы совсем оставили Императора. Он опустился на пол. Теперь это был страшный, полубезумный старик, который разваливался на наших глазах.

— Не хочу, не хочу, не хочу... — бессвязно бормотал он еще несколько минут, потом скрючился в углу комнаты и затих. Какое-то время его костлявые пальцы еще шевелились, словно пытаясь остановить уходящую жизнь, потом замерли, а остеклевенные глаза уставились в потолок.

Тал снял со стола расшитую жемчугом скатерть и накрыл ею тело.

В это время открылась дверь и вошел Гун.

41.

При виде этого человека белая неприязнь снова вспыхнула в моей душе.

— Этот человек — предатель! — закричал я вне себя. — Это он выдал А ищейкам Императора! Арестуйте его!

Гун не обратил никакого внимания на мой крик. Он смотрел на покрытое скатертью тело того, кто совсем недавно был владыкой страны.

— Вы убили его? — спросил он. — Правильно! Собаке — собачья смерть!

На его лице была брезгливая мина, но мне почему-то показалось, что в его словах прозвучало облегчение. Можно было подумать, он боялся увидеть Императора живым.

— Гун — предатель! — повторил я. — Лин Эст сознался, что это Гун выдал А!

— Лин Эст — клеветник и убийца, — спокойно возразил Гун. — В свободное время он развлекался тем, что отрубал головы осужденным. Ни одному его слову верить нельзя.

— Клянусь именем моего сына, что Лин Эст сказал правду. Допросите его.

— Я хотел узнать у него, где спрятана А, — сказал Гун. — Но когда я снял с него наручники, он набросился на меня и едва не задушил. Мне пришлось убить его.

Лицо Старшего нахмурилось.

— Прошу всех пойти со мной! — сказал он.

Дверь карцера была открыта. Мы вошли внутрь. Лин Эст лежал на полу в луже крови. Тал присел рядом на корточки.

— Да, мертв, — сказал он. — Удар попал прямо в сердце.

Я смотрел на труп Лин Эста с двойственным чувством. Безусловно, этот негодяй заслуживал смерти. Но сейчас я жалел о том, что он умер и уже не сможет разоблачить Гуна. И еще меня тревожило что-то странное в положении трупа, но это впечатление было зыбко и расплывчато. Я никак не мог понять, что беспокоит меня.

Мы вышли из карцера, жмурясь от ослепительного света солнца.

— Эту историю мы расследуем со всей тщательностью, — сказал Старший. — А сейчас прошу всех по местам. Скоро мы начинаем атаку Хранилища. Тир Асс, ты согласен возглавить штурмовой отряд?

— Хранилище... — горестно вымолвил я. — Что даст нам оно? Император умер, унеся с собой тайну оживления. Как я скажу сыну, что все его муки были напрасны!

— Способ оживления известен во многих странах, — возразил Тал. — Мы обратимся к ученым. Весь мир придет к нам на помощь.

В это время в конце коридора раздался шум. Несколько стражей бежали нам навстречу.

— Мы нашли невесту Императора! — крикнул один из них, подбегая.

Радость, вспыхнувшая в моем сердце при этих словах, была так велика, что я почти не обратил внимания на то, как изменился в лице Гун.

— Моя дорогая дочь! — воскликнул я. — Где она? Я хочу ее видеть!

Я спешил за стражем, охваченный волнением. Увы, радость моя была недолгой.

А сидела в роскошных одеждах, окруженная солдатами и стражами. Ее лицо было бледно, глаза тусклыми, она держалась неестественно прямо. Я кинулся к ней, чтобы обнять ее, но она даже не посмотрела в мою сторону. Ее губы шевелились, и, прислушавшись, я понял, что она говорит об Императоре.

— О мой возлюбленный Повелитель, более прекрасный, чем Солнце! — шептала она. — Подари мне лазурный взгляд, и я стану дождем, чтобы напоить твои розы, я стану ветром, освежающим тебя в полуденный зной, или прозрачным родником, омывающим ноги твои...

Напрасно я звал ее, тряс за плечи, гладил ее милые тонкие руки — она не видела и не слышала ничего, она говорила только об Императоре!

— О, кровавый изверг! — простонал я, заламывая руки. — Воистину нет границ твоим злодеяниям! Зачем ты умер, проклятый тиран, вампир, вурдалак, зачем не могу я задушить тебя вот этими руками!

Тал отодвинул меня в сторону.

— Не печалься, Тир Асс, — сказал он. — Мы знаем, как снять с А чары Императора. Через три сеанса она снова станет прежней милой А и будет любить твоего сына, как и прежде.

Он что-то делал около А, но я не видел и не слышал его. Я смотрел на свои все еще опухшие от наручников кисти рук. Как я не понял сразу!

— Где Гун? — спросил я. — Он только что был здесь!

— Да, он шел с нами, — кивнул Тал. — Но в чем дело?

— Его надо немедленно схватить! Он убил Лин

Эста преднамеренно. У меня есть доказательства. Ищите его!

По приказу Старшего стражи бросились искать Гуна. Но он исчез.

— Охраняйте А как можно лучше, — сказал я. — Иначе Гун убьет ее — ведь только она может разоблачить его. Гун выдал девушку агентам Тайной Канцелярии и был уверен, что ее казнят, однако ее спасла от смерти необычайная красота, и она стала недосыгаемой для него. Но теперь он во что бы то ни стало постарается убить ее, как убил Лин Эста и как убил бы Императора, если бы тот не скончался сам.

Старший распорядился отправить девушку в госпиталь под усиленной охраной. Безучастная, покорная А послушно встала и ушла вместе со стражами и Талом, продолжая шептать слова любви к Императору. Мое сердце обливалось кровью при виде этого душераздирающего зрелища.

— Скоро штурм, — сказал Старший. — Нам пора.

Мы вышли, но едва отошли от двери на несколько шагов, как за нашими спинами раздался взрыв. Оглушенные, мы попадали на пол. Сорванная дверь висела на одной петле, из комнаты, в которой мы только что находились, валил густой дым. К счастью, никто не пострадал.

— Это Гун, — уверенно сказал я. — Он не успокоится, пока не прикончит А и всех нас заодно. Сейчас он опоздал на полминуты, но кто знает, опоздает ли он в следующий раз?

— Доказательства! — сказал Старший. — Мне нужны доказательства.

— Посмотри на мои руки. — Я показал ему свои опухшие кисти. — Я до сих пор с трудом владею ими. А Лин Эст был гораздо крупнее меня. После суток, проведенных в наручниках, он не смог бы напасть на Гуна.

— Он мог бить ногами, головой, — не очень уверенно возразил Старший.

— Допустим. Чего не сделаешь в припадке ярости? Но тогда ответь мне на такой вопрос: что делает страж, сняв с человека наручники?

Старший недоуменно пожал плечами.

— Никогда не задумывался над этим.

— Он прячет их в поясную сумку. Гун поступил точно так же — ведь в карцере наручники мы не видели. Не заметил ли ты, что обе руки Лин Эста испачканы кровью?

— Ну и что?

— А вот что: это значит, что Лин Эст не падал на Гуна. Гун вошел в камеру, убил беспомощного Лин Эста, а потом снял с него наручники и по привычке спрятал в сумку, не заметив в темноте, что они, как и руки убитого, испачканы кровью. Прикажи проверить его сумку. Если Гун сказал правду, наручники окажутся чистыми. Но я уверен, что мы увидим на них кровь. И еще: обе

руки Лин Эста испачканы кровью, хотя она натекла лишь под одну из них...

— Да, ты прав, — сказал после раздумья Старший. — Надо лучше охранять А. Ей действительно угрожает опасность.

— Не только ей — и мне, и тебе, и Талу — всем, кто знает о предательстве Гуна. У меня есть мысль... Послушай, ведь Гун уверен, что прикончил нас. Так не будем разувать его. Распусти слух о нашей гибели — и он тотчас объявится. Уверен, что он не собирается бежать — это было бы для него крушением всех надежд. Он честолобив и неразборчив в средствах. Не вышло с Императором и Лин Эстом — он сделает ставку на новую власть. Знаешь, почему он старался спасти того старика? Да потому что сам мечтает о вечной молодости. Он никак не может понять, что со старым покончено навсегда, и надеется, что постепенно все пойдет прежним чередом.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Старший. — Попробуем осуществить твою идею — поймем Гуна на его собственный крючок.

42.

И все же Гуну удалось уйти. Его чуть не схватили, но он убил одного из солдат, ранил другого и ускользнул от погони в бесконечных коридорах дворца. Все входы и выходы строго охранялись, ворота были заперты наглухо, часовые не спускали глаз с окон. Даже мышь не смогла бы выбраться из дворца незамеченной. Но Гун как сквозь землю провалился.

Все было готово к штурму Хранилища. В последний раз мы предложили осажденным сдаться. Они ответили выстрелами. Это были отпетые негодяи — главари Тайной Канцелярии, Императорского суда, уцелевшие после расправы Стоящие У Руля. Этим людям нечего было терять. Их было немного, но они были полны решимости защищаться до конца.

До начала атаки оставалось несколько минут. Я сменил магазин в своем автомате и проверил, легко ли вынимается меч, как вдруг позади меня послышался знакомый голос:

— Отец! Дорогой отец!

Да, это была А — прежняя радостная, румяная А. Она спешила ко мне, протянув руки.

— Дорогая дочь! — только и мог вымолвить я, раскрывая объятия. — Какое счастье!

Позади А виднелось довольное, улыбающееся лицо Тала.

— Как видишь, и одного сеанса оказалось достаточно. Наши медики знают свое дело.

— Но зачем ты пришла сюда? — спросил я, отстраняя девушку. — Сейчас начнется бой. Тебе не место здесь.

— Я должна быть с вами, отец! — твердо сказала она. — Ведь там мой жених.

Никакие уговоры не могли ее убедить. Наконец, я сдался.

— Возьми санитарную сумку. Будешь помогать раненым. Но не смей лезть под пули. Сын не простит мне, если с тобой что-нибудь случится.

Я взял лежащий рядом гранатомет и взглянул на часы. Пора!

Раздался дружный залп. Наши фосфорные гранаты лопнули на укреплениях осажденных, ослепляя врагов, а мы уже мчались вперед, непрерывно стреляя из автоматов. Нам удалось проскочить через тоннель почти без потерь, но здесь осажденные оказали упорное сопротивление. Мы сошлись грудью с грудью среди пламени и белого фосфорного дыма. Зазвенели мечи. Они дрались, как дьяволы, но нам на помощь спешили по тоннелю все новые и новые группы. Силы были явно не равны. Очень скоро осажденные дрогнули и побежали.

Все было кончено. Мы прорвались через баррикаду, преследуя разбегающихся в страхе врагов. Спротивление почти прекратилось, я слышал лишь призывные крики своих людей, трели сигнальных свистков да редкие одиночные выстрелы. Не встретив никого, я проскочил несколько полутемных помещений, похожих на лаборатории — мне было некогда их разглядывать. Распахнув ударом ноги еще одну дверь, я кинулся в нее, выставив вперед автомат, и словно ток прошел по моим членам. Это было Хранилище.

— Сын! Я иду к тебе! — громко крикнул я, потрясая автоматом. Бесконечные ряды голов провожали меня глазами, а я бежал по страшной дорожке, минуя бесчисленные повороты. Позади послышались шаги, я оглянулся — это была А.

— Мой сын! Я иду к тебе! — продолжал кричать я, потому что только крик и бешеный бег могли унять ярость, вспыхнувшую во мне от вида этих бесконечных коридоров, скрывавших от людей гигантское море страданий и горя.

А догнала меня и почти повисла на моей руке, изнемогая.

— Отец, я не могу...

Я обнял ее за талию — ноги уже не слушались ее.

— Держись! Сейчас мы найдем его. Ну, еще немного!

И тут я увидел его.

— Мой сын! — закричал я, бросаясь к нему. — Я пришел! Я пришел!

Отшвырнув автомат, я упал на колени, протягивая руки к моему дорогому сыну.

— Отец! — прозвучал за моей спиной полный ужаса вопль А. — Отец!..

Я обернулся. Но было поздно. Я успел только увидеть перекошенное яростью лицо Гуна, услышал свист его меча, а затем тупой удар обжег мне горло, все вокруг закружилось, мир взорвался на куски нестерпимой черной болью и погас.

Голова казненного покатила по эшафоту, выбрасывая струю крови. "Да здравствует Сол...!" — завопил еще раз автомат и умолк на полуслове. Палач показал народу мертвую голову, воздел ее на кол, затем подошел к обезглавленному телу и толкнул его в люк на ожидающую внизу древнюю телегу, запряженную старой клячей. На эшафот уже волокли следующего.

Из окна кабачка "Под Солнцем Справедливости" за казнью наблюдало несколько человек.

— Бедный старик! — вздохнул один из них. — Как он ждал хоть какой-нибудь вести о сыне! Никогда не прощу себе его смерти. Зачем только я дал ему приемник...

— Так это его сын на Четвертой Луне? — спросил второй.

— Да, он командир международной космической станции. Двадцать лет старик не знал ничего о единственном сыне — с тех пор, как тот еще в царствование прошлого императора бежал с каторги. И вдруг он узнает, что сын за границей выучился, стал известным ученым и теперь каждый день пролетает над своей родиной! Он уговорил меня раздобыть для него приемник и слушал, что передает сын с орбиты. Но бедняга забыл об осторожности, и соседи донесли на него... Мир праху его!

Говоривший разлил остатки вина по чашкам. Все молча выпили.

— А теперь к делу. Я уполномочен сообщить вам решение подпольного центра о восстании. Войска и рабочие дружины готовы подняться по первому сигналу. Мы ждем только сообщений из пограничной зоны. Сегодня наш посланный вернулся и привез утешительные вести. После оплеух, полученных от соседей, которых наш горячо любимый Император взялся проучить, даже у самых несообразительных солдат открылись глаза на истинное положение дел. Теперь мы можем считать, что западный легион — наш.

— Когда начало? — спросил кто-то с волнением.

— Через несколько дней Император отправляется на Южные острова лечить свою подагру. Там его и арестуют...

— Внимание... — тихо сказал самый молодой, который все время незаметно наблюдал за залом. — Сюда идут.

От буфетной стойки к ним приближалась смазливая, ярко накрашенная девушка с подносом в руках.

— По-моему, эта официантка очень любопытна, — сказал первый из говоривших. — Я не удивлюсь, если узнаю, что Тайная Канцелярия приплачивает ей.

Он улыбнулся подошедшей девушке и уцепился за бедро. Та сделала вид, что смущена такой вольностью.

— Принеси нам еще вина, милая А, — сказал он. — Только самого лучшего! Мы хотим выпить за здоровье Императора.

Сергей ДРУГАЛЬ

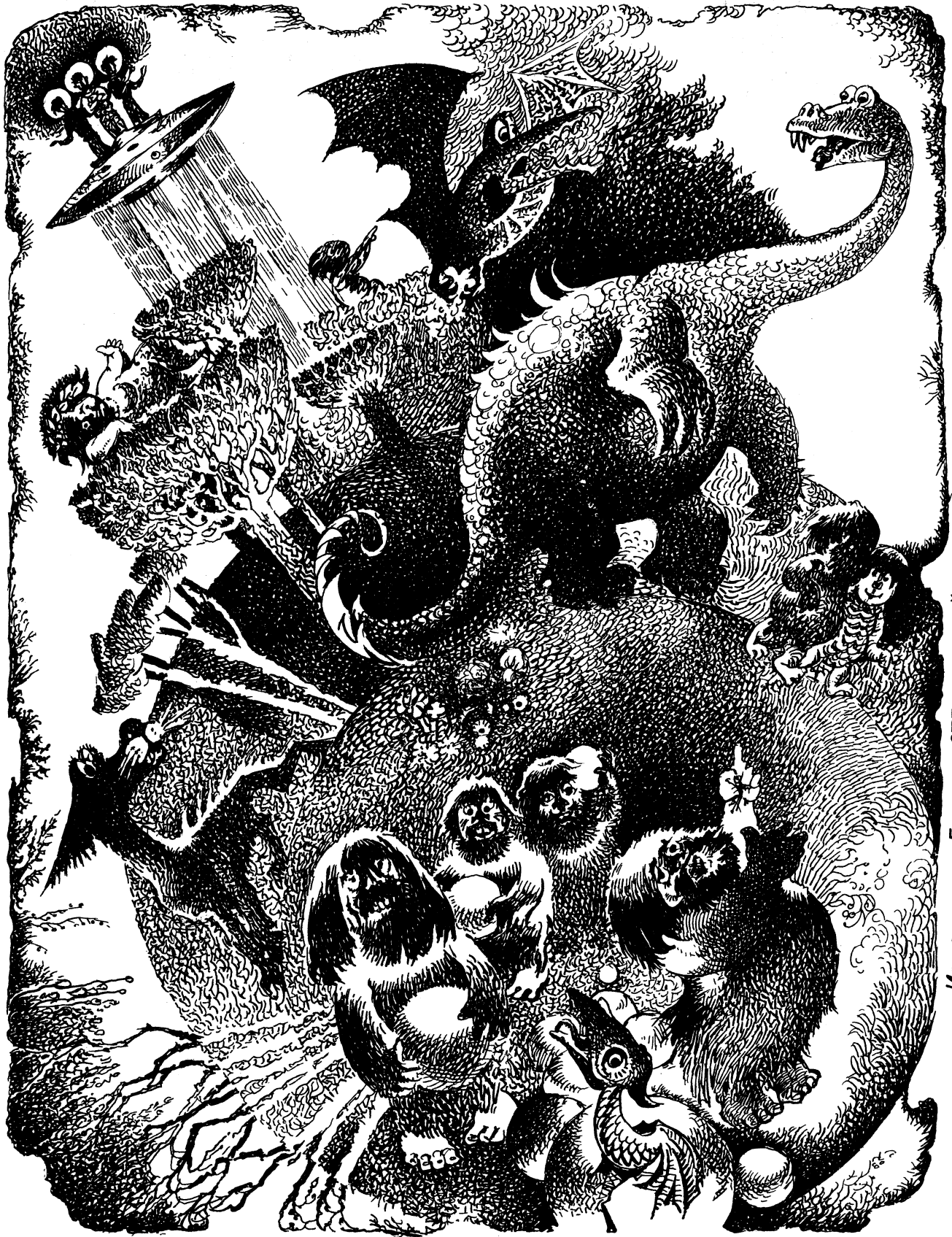


Иллюстрация Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

ЧУЖИЕ ОБЫЧАИ

Из записок космопроходца

— Пути эволюции неисповедимы. Вот так. А хочешь выполнить программу, уважай чужие обычаи.

Сказав это, Вася выпил стакан соку, хрупнул огурцом и ретроспективно передернулся. Вообще, после нашего возвращения с Нимзы Вася часто говорил об уважении чужих обычаев, это у него конек такой появился, у нашего коренастого Васи. Надо сказать, у него были основания. Еще бы, каждый будет рад, если его недостаток, скажу сильнее, порок вдруг обернется достоинством. Но мало ли что может случиться в глубоком космосе... Мы, конечно, знали, что если Вася в конце концов помрет, то не от скромности. Однако и полагать не могли, что в экипаже возрастет, с чего бы, столь нескромный член. Мы терпели, а куда денешься. И до сих пор терпим.

Сегодня Вася вернулся с еженедельного обзора памятников, понавоздвигнутых ему, и нам заодно, в разных краях Земли. Вася пришел ко мне, когда мы все были в сборе, и доложил, что результатами ревизии он доволен, облагодетельствованные земляне монументы содержат в порядке. В этот раз Вася даже на голубей не жаловался, хотя по мне монумент без живого голубя на голове — это и не монумент вовсе, а так, сооружение...

— Я вот думаю, посмотрит прохожий на монумент, — сказал Вася, — и потеплеет у него на душе, ибо он подумает: а вот и Вася Рамодин!

— Возьмем, к примеру, кота, — ни с того ни с чего сказал Лев Матюшин.

— Н-да. Сейчас редко услышишь связанное высказывание. Особенно от человека, ушибленного яйцом по голове.

— А чего, — капитан словно не заметил Васиной шпильки. — Действительно, возьмем, к примеру, кота. Хитрое, говорю, животное. И мы осуждаем его.

— Все кошачьи хитрости, — стал развивать тему Лев, — направлены на то, чтобы в доме ничего не делать, а вот так лежать вывернувшись пузом вбок.

Теорианский кот светло глянул на Льва и снова смежил очи свои. Этот подаренный экипажу двухголосый кот жил-не тужил по очереди у каждого из нас, и не было заметно, чтобы он скучал по родной Теоре. Во всяком случае лапы он по этому поводу не заламывал.

— Бибинела токата, — пробормотал Вася.

— А чего ему, — вступился я за кота. — За все в доме отвечают Клемма и впечатленец.

Действительно, впечатленец возился в горшке на полу, похоже, задался целью, чтобы розы круглый год цвели. Клемма гремела на кухне посудой.

— Если быть объективным, то надо признать, что кот несет определенную нагрузку, которая

многим из нас не под силу. Он собой дом украшает, — примирительно сказал капитан.

Коренастый Вася засопел.

Мы готовы были говорить о котях весь вечер непрерывно, ибо прервись мы, Вася снова начнет о своих похождениях на Нимзе и об уважении к чужим обычаям...

По моему колену впечатленец залез на стол, обмакнул коготь в вазочку с медом и зашпешил на подоконник. Мы замолчали и следили, что дальше будет. Впечатленец постучал лапой, и тут приползла козявка, поела меду и снова уползла за подоконник. Мы вздохнули и по-другому взглянули на Васю. А что, Вася вообще всегда отличался деликатностью и тонкостью обхождения — этого у него не отнимешь, правда, в последние годы он раздался в животе, именуемом грудью, но никто из нас с годами не похудел, кроме капитана, который утверждает, что если полгода побегать за рюкзаком, то станешь тощим навсегда. Я вам скажу, наесть брюхо легко и просто, а вот согнать его... Но Васю полнота не портит, а после Нимзы мы вообще не знаем, что нашего Васю может испортить.

Поскольку Вася все равно найдет случай сказать длинное слово, то я уж лучше сам перескажу, как оно было на Нимзе. В моем распоряжении записи событий и диалогов на памятных кристаллах. Всего и о всех рассказать — бумаги не хватит. Я только о Льве и Васе, по одному эпизоду...

Нимза — одна из планет голубого солнца. Координаты я не сообщаю, поскольку никто из вас туда не собирается. В свое время я открыл закон, согласно которому каждая звезда имеет систему планет и в ней хотя бы одна планета пригодна для жизни и потому заселена. Этот закон сразу облегчил поиски братьев по разуму: главное — добраться до незнакомой звезды, а уж там...

Нам везло. На Нимзе, несмотря на наличие разума, войн пока не было. А было социальное благообразие, поскольку местные жители находились в диком состоянии, в состоянии первобытного коммунизма. Волосатенькие, в передничках из плохо выделанных шкур, немногочисленные жители пещер и высоких деревьев, крепенькие такие мужички. О женщинах я не говорю — это Васина область. Но в целом женщины как женщины, они что на Нимзе, что на Земле — одна природа. Я этим ничего плохого сказать не хочу, скорее наоборот.

Когда высаживаешься на незнакомую планету, то первое дело — поставить базовый лагерь, чтоб было где передохнуть и привести себя в порядок после

блужданий по планете. И в первую же ночь нашу базу осадили какие-то ужасные хищники. Они пытались преодолеть защиту, дико ревели, сверкали глазами и скрипели то ли зубами, то ли суставами. Хорошо, капитан догадался включить светильники. Мы видели, как эти огромные хвостатые твари метнулись в лесную тень, подальше от нашей сияющей поляны.

— Надо бы разбудить Василия, — сказал капитан, заглядывая каждому в глаза. Вася в своем боксе с тройной звукоизоляцией давил сурка и животных воплей слышать не мог.

Возникла заполненная инопланетным оревом пазы.

— Ладно, пусть спит, — вздохнул капитан. — В данном случае я приказывать не могу.

— Так-с, — сказал корабельный биолог, то есть я. — Хищники боятся света, следовательно, они ведут ночной образ жизни. Днем спят, и вот тут-то мы их и прищучим.

Я ошибся, что в общем меня не порочит как специалиста, ибо вся биология состоит из сплошных ошибок: мы думаем, что знаем что-то о жизни, а мы ни черта не знаем.

Утром мы сняли защиту, умылись, поели. Вдруг капитан говорит:

— Где мой рюкзак? Он вот тут с вечера лежал! Из непрокусимой кожи.

Нет рюкзака. Ну, нет и все!

Тут видим, на краю поляны хищник стоит, в зубах рюкзак держит. Не из тех, что ночью были, но зубов несчетно, глаза красным огнем горят, на боках мозолистые наросты и сам с теленка. Серый, как волк. Имя ему карчикалой — это я так назвал.

Капитан, а какой хищник его устроит, кинулся забрать рюкзак. Карчикалой подождал маленько и неспешной рысью двинулся по периметру поляны. Капитан наподдал, хищник тоже, держа расстояние метров пять.

— Не, — сказал Вася, доедая оранжерейный огурец. — Не догонит.

— Это капитан-то, да он еще даже не разогрелся.

— Натощак еще, может, и догнал бы. — Вася хрупнул огурцом. — А поевши, ни в жизнь. Ставлю банку малосольных против твоего справочника нейрохирурга-любителя.

На пятом круге капитан сделал неожиданный бросок, в падении ухватился за лямку рюкзака и еще проволокаса немного по мокрой от росы траве. Карчикалой бросил рюкзак и залез в ближние кусты. Оттуда он рычал и сверкал глазами. Справочник остался у меня. И осознание моей ошибки: дневные хищники тоже есть, причем упитанные и зубастые.

Капитан, сосредотачиваясь перед началом дня и выполняя через нос дыхательные упражнения, сидел в позе чурчелы, а напротив карчикалой облизывал себя, где мог достать. Потом он растирал когтистыми лапами за ушами, мурлы и вокруг носа. При его размерах и внешности картина эта была дико смешной, и мы радостно ржали.

Обсудив план действий, мы решили не забывать про джефердар. Хищник, даже если ночной, а вдруг

днем проснется... Если ведь и Васю неурочно разбудить... тоже не всякий решится. И кроме того, ночью среди зверья мне померещился тираннозавр.

Дисколет удобен всем, безавариен, устойчив, вместителен. Но главное — бесшумность. Холмистая долина простиралась под нами, а в холмах и скалах темнели входы в пещеры, и как мы потом убедились, достаточно широкие, чтобы Вася пролез. У горизонта голубели сглаженные далью горы, порывы легкого ветра шевелили не тронутые ботинком травы. Приятный пейзаж, навевающий ностальгические воспоминания. Небольшое синее солнце не обжигало, а лишь ласкало наши полуобнаженные тела. Хорошо было. Не поиск, а сплошное удовольствие. Короче, такое сочетание факторов, которое делает работу приятной. А к этому должен стремиться всякий разумный.

Мы зависли над холмом и увидели внизу массивную тушу какого-то зверя. Размеры скрадывались расстоянием, но зверь прыжками двигался в нашу сторону и, мы поняли, не по своей воле: его с воплями и воем гнали волосатые мужички. А в сторонке трусили карчикалой и другие хищники. Чуть повыше дисколета планировали пернатые и перепончатокрылые стервятники.

— Травоядный, — сказал Лев. — Похоже, они его на пастбище гонят. Видишь, туловище округлое, хвоста нет, так, поросычье подобие. Шеи вроде тоже нет, но рога ветвистые, в развилке гнездо из травы плетеное и принадлежащее, видать, вон той пичуге, что сидит на спине и укоризненно орет, дескать, я тебя предупреждала, надо было раньше сматываться. Чувствую, животное дойное и на бифштекс пригодное. Нарекаю его — ренелопа.

Тут Лева крякнул и замолчал. Внизу мужички махали копьями и метали их в зверя, подбегая совсем близко. И ведь не боялись, хотя эта громадина совсем не желала умирать. Зверь ревел душераздирающе и бросался с намерением юдмять под себя преследователей. Нас в пылу сражения никто не замечал, и мы записали всю сцену охоты.

Когда, наконец, ренелопа испустил дух, охотники повыдергали копыя, всажённые чуть ли не на половину длины, и, распевая местный шлягер, в котором последняя фраза повторялась бесконечно, ушли вдаль к холмам.

— С ума сойти, — сказал Вася. — Сколько трудов, сколько риска и ради чего? Хоть бы вырезку забрали.

— А может, ренелопа невкусный.

— С такой внешностью! Где это вы невкусную свинью видели?

— Ну, на свинью он похож, как чайник на репу. А убивают, допустим, из ритуальных соображений. В доказательство достижения членами данной банды, допустим, воинской или иной зрелости, а? Читал, на Земле в древности был такой обычай. Скажем, какой-нибудь Змеинный Зоб, накачав мышцы в прыжках по деревьям, шел тет-а-тет на крокодила. Ежели он приносил крокодилю шкуру, то все племя видело: теперь рисковый Зоб может взять себе жену. Семья, спаянная осознанием общего преступления, убийством реликтового животного, была прочной... — Капитан, который обычно выражался кратко, смущенно замолчал.

Внизу на поверженного зверя набросились хищники разных размеров и обличий. Они некрасиво чавкали и ссорились по пустякам.

— Вы как хотите, — сказал Вася, — а я лопаточную часть заберу. Ибо за ветеринаром бежать поздно.

С криком: "Переедание смерти подобно!" — Вася отогнал недовольных хищников и забрал вырезку. И правильно сделал — вечером мы убедились, что это было нежнейшее мясо, проросшее тающим во рту хрящом. Из него отбивные или, я вам скажу, шашлык под холодное цинандали — передать невозможно. Они не просто сочетались, эта инопланетная вырезка и чисто земное цинандали, они дополняли друг друга, и это обстоятельство являлось неопровержимым свидетельством единства всего хорошего во Вселенной.

Тут к нам на холм забрался пухленький теленок на толстых упругих ножках ростом метра полтора, морда наивная, но привлекательная. Вообще-то все бычки отлично смотрятся, а этого не портит даже роговые щитки над глазами, даже длинные когти на лапах. Бычок облизал капитану руку, и тут мы увидели редкое зрелище — неудержимую улыбку, украсившую медальный лик нашего капитана, который и по делу-то редко смеялся.

— Если бы я был капитаном, может, ко мне тоже бы... приставали всякие звери. — Вася вздохнул, вспомнив ломерейского дракончика, оставленного дома.

— Вот в этом ты весь, — сказал Лев Матюшин.

И мы снова полетели над обширной равниной с рощами и степью. Живность внизу кишмя кишела, в небе реяли гигантские рукокрылые. Попадались и ренелопы, тела их колыхались, и мы уже знали, почему копыта входили так глубоко: отнюдь не сила аборигенов была тому причиной, а мягкая консистенция звериного тела. Ночных хищников мы не нашли. Думать, что они попрятались в норах и пещерах, не приходилось: это ж не нора должна быть, а метро.

Рассуждая о капризах природы, необузданной в своем творчестве, мы разглядывали птеродактилей, парящих бок о бок с дисколетом. Один, оскалив пасть с душлистыми, в беспорядке растущими зубами, все пытался укусить кромку диска, и Лев Матюшин загорелся было взять один зуб на счастье: "Я его на шнурке подвешу". Конечно, Лев с полуметровым клыком смотрелся бы неплохо, но мы отговаривали его — все-таки уже не мальчик, чтобы таскать на шею двадцатикилограммовую кость. Да и лишить птеродактиля зуба, хорошо ли это, на чужой беде свое счастье строить... Надо полагать, здесь должны быть гигантские болота и озера, а в них брахиозавры и диплодоки, если к этим пресмыкающимся применима земная классификация.

Мы избегали пока говорить о главном, мы словно забыли о волосатеньких нимзиянах, о бескорыстных охотниках на ренелопу. Мы говорили о пейзаже с тремя дымящимися вулканами, о зверях и странном сосуществовании ящеров и развитых млекопитающих, о том, что надо запустить автоматы для картографической съемки, что пора вплотную разобраться с микрофлорой, что завтра надо лететь

к горам. Обо всем говорили, а в мозгах таилось одно: на планете люди...

Конечно, у природы нет предпочтений, ей что Лев Матюшин, что черепаха, все едино. Можно спорить: является ли человек венцом творения? Можно привести веские аргументы, из которых следует: нет, не является. Но это не для меня, я в таких кощунственных спорах не участвую, я антропоцентрист, и пусть меня осудят. Человек прежде всего. Нет такого зверя, чтоб, например, сравниться с нашим Васей. Ни по уму, ни по другим каким качествам: все соображает, где что лежит, куда бежать в случае чего. И в ремонте силен. Когда Васе было всего два годика, он уже читал букварь. Но, рассказывая об этом, всегда добавлял: "Правда, со словарем".

Мы, не сговариваясь, решили местным человечеством заняться вплотную немного погодя и предварительно обезопасив себя от возможного съедения. Ночные гиганты потрясли наше воображение. Сплошная броня, рога, зубы и когти...

Лев МАТЮШИН

... А жили они на деревьях. Такие толстые, высокие, скажем, баодубы, растущие купами. Три поколения на каждом дереве размещались без тесноты. Ну и гости, что с вечера остались. Детишки на пятнадцатиметровой высоте без страха посапывали в гамачках, взрослые — на развилках.

Когда я к вечеру явился в такую рощу, все баодубы были заняты. Жители неприветливо глядели на меня с ветвей, не проявляя стремления к знакомству, и долго, с подвываниями зевали. Я пожал плечами и разжег на поляне костер. Нимзияне что-то закричали, заговорили, вроде как выражали недовольство: поздно уже костры жечь, спать пора. Но у меня было чем их пронять. Я достал из мешка заготовленный полуфабрикат, приспособил его над углями. С деревьев послышалось густое сопение, нимзияне внюхивались в шашлык... Но тут на поляну вспрыгнул, иначе не скажешь, кошмарный хищник и чуть было все не испортил. Он был весь в броне и колючках. Встав на цыпочки, я мог бы дотянуться до его пупка, только мне это и в голову не пришло, а возникла мысль залезть на дерево повыше. Справился с собой, надо было держать марку: не мог землянин принять срам от инопланетного занюханного хищника. Ящер втянул в ноздри воздух для повторного рычания, но у меня в руках уже обозначился джефердар. Хищник поднял лапу, каждый коготь с капитанову ногу, и застыл памятником самому себе.

Гляжу, аборигены зевать перестали, ибо наверняка впервые видели человека, не драпанувшего за горизонт при контакте с тираннозавром. Теперь я смог его обмерить. Действительно, до пупка достаю, но чтобы достать до ноздрей, пришлось залезть на дерево. Оттуда я, хватаясь за роговые выступы, прошел по туловищу до кончика хвоста. На меня тарасились нимзияне, не понимая, что это я обмеряю ящера, что это я науке служу. Они, надо полагать, думали, что я исполняю какой-то странный обряд, а скорее всего рехнулся от радости, что хищник вдруг по непонятной причине окостенел.

Чтобы не разочаровывать публику, пришлось дать вприсядку круг у ног ящера, но без музыки, сами понимаете, много не напляшешься. Для них это было понятно, и они по одному стали слезать с деревьев. Железная, скажу вам, психика. На поляне страшный хищник без видимых повреждений, какой-то явно ненормальный тип в странных шкурах мечется вокруг него. Идиотская картина, а им хоть бы что... Последним слез вождь. Я узнал его по голове, у вождей место, которым он ест, сильно развито, ибо главная прерогатива власти — есть больше и слаще других. Это обобщение касается, естественно, и вождей инопланетных.

Не обращая внимания ни на меня, ни на обездрожженного зверя, вождь ринулся к шашлык и жуя, заговорил по-земному:

— Угу-м. Ого!

Чтя демократические порядки, рядовые нимзияне стояли в сторонке, надеясь доесть остатки. Видать, у них в организмах тоже шашлыков не хватало. Я не мог перенести зрелище, когда один ест, а другие смотрят, и, достав домашние заготовки, стал нанизывать шашлыки на шампуры. Вождь на минуту перестал жевать и недоуменно уставился на меня. Но я сделал понятный всем жест — налегайте — и аборигены разместились у костра и принялись за шашлык. Это среди ночи!

Я уселся на шершавой лапе зверя, он теперь будет до утра стоять, и задумался. Представь, что ты землянин, думал я. И вот перед тобой шашлык с солью и перцем, зажаренный вперемежку с лучком и помидорами, а с другой стороны — инопланетянин. Вопрос: что ты предпочтешь? Вот то-то и оно. Иначе кто тебя за разумного примет.

Положительные результаты испытаний на шашлык с тех пор являются основным критерием разумности при контактах с инопланетянами. Надо сказать, что тест по Матюшину выдерживают большинство из тех, с кем мы встречались в своих скитаниях по космосу. Это говорит о широком распространении разума во Вселенной.

Судя по всему, нимзияне были поголовно разумными. И с ними можно было договариваться, только вот о чем? О чем вообще можно договариваться с инопланетянином? И к тому же, ели они молча, и для кибертолмача исходного материала не было. Поев, они так же молча, разве что отрыгиваясь, полезли на ветки что повыше, чтобы хищник снизу не достал. И спасибо никто не сказал. Видок у них был дубоватый, в смысле, на лицах не было видно следов интеллекта. И я подумал, что, может быть, склонность к шашлык — это еще не показатель разумности... Такая вот крамольная мысль. Н-да!

До утра я не сомкнул глаз. Интересно было наблюдать, как приходит в себя ящер. Сначала он осторожно поставил ногу, поклацал челюстями, оглянувшись, проверил, действует ли хвост. И потихоньку, припадая животом к планете, убрался восвояси, в ближайшую папоротниковую чащу. Больше ничего зверь проверять не стал, хвост шевелится и ладно. На хвосте сидели колючки, ну прямо буйволы рога. С моей точки зрения это ни к чему, излишек вооружения делает скотину агрессивной, возрастает степень риска нарваться на такого же оруженосца. А это сокращает жизнь не токмо индиви-

да, но и всего вида. И мне стало ясно, что более ста миллионов лет эти ящеры не протянут: вымрут. Жалко, конечно, но против законов эволюции не попрешь.

Потом на становище прокрались разнокалиберные санитары-трупоеды. Они шныряли, подбирая все, на их взгляд съедобное. Пришлось защищать рюкзак, но их было много, а я один и вынужден был долго от них отмахиваться. Потом с гнусавыми воплями заявили птеродактили, расселись на вершинах баодубов и разбудили нимзиян. Кто-то спросонок свалился с ветки, и я не успел подбежать, чтобы помочь, как из кустов вытянулось то ли щупальце, то ли лапа — и уволокло бедолагу. Вокруг становища, полагаю, дежурили хищники. Никто сверху не кинулся спасать, только послышался женский вопль. Остальные, похоже, не обратили внимания на гибель соплеменника, и отсюда я сделал вывод, что это для них дело житейское и каждого съеденного оплакивать — слез не хватит.

Зазевавшись, я и не заметил, как такое же щупальце обернулось вокруг моей ноги и сильно дернуло. Я упал на правый бок, придавив ножны с тесаком, и, пока извивался, вытаскивая нож, меня уже почти доволокли до кустов. Разве это не смешно, меня, Льва Матюшина, выпускника Жмеринской школы космопроходцев, намеревается сожрать нимзиянский слизень, а может, червь или змей. Я замахнулся ножом, но рука моя была перехвачена вторым щупальцем, а третье обвило меня вокруг талии, и обе руки оказались связанными. Я перестал барахтаться и подумал о вас, каково будет всем вам, когда мой огонек на пульте безопасности погаснет. И тут, полагаю, если мой огонек и не погас, то часто-часто замигал, ибо меня квалифицированно трахнули головой о камень и я потерял сознание. Это при наличии шлема на голове...

Очнулся я в какой-то тесной и скользкой кишке, по которой наклонно двигался вниз, руки были свободны и подняты над головой, опустить их я не мог. Вскоре движение прекратилось, и я мягко вывалился в серую полумглу на кучу травы. В голове звенело и болело, а так я вроде был цел. Ощупав себя, убедился: нож в ножнах, рация и кибертолмач по-прежнему в воротнике. Уже хорошо. Включил фонарь, вделанный в шлем, и увидел себя в пещере, уходящей вдаль, и услышал неразборчивое бормотание и писк. Повыше меня темнела круглая дыра, из которой я и выпал. С минуту я сидел без мыслей, тупо глядя перед собой, и тут впервые возрадовался своей дисциплинированности: на чужой планете шлем не снимать. Он спас меня... дважды. Ибо меня снова стукнули по голове тяжелой предметом, круглым и пятнистым, причем предмет вылетел из той же дыры. Естественно, я огорчился. Им, или ему, мало, что меня уже били по голове, что бросили в подземелье, им еще понадобилось швырнуть вслед каменюку. А это уже садизм. Не успел я слезть с травяной кучи, как из серого тумана, вроде как заволакивающего пещеру, явился кривоногий и волосатый нимзиянин. Не глядя на меня, он подобрал эту самую каменюку, похожую на пушечное ядро, и удалился, прижимая ее к животу обеими руками. Что оставалось делать? Я двинулся следом по полутемным переходам-тоннелям.

Это не были искусственные сооружения, мне казалось, что их промыли подземные потоки, а пещера имела карстовое происхождение. Свет проникал через отверстия в сводах, но их не было видно, серый теплый туман скрывал верх пещеры.

Я видел, что нимзиянин свернул в ответвление, и, пройдя следом, увидел зал с неровными стенами и озерцом горячей, судя по испарениям, воды. В этой пещере было жарко и влажно. А вдоль стен лежали одинаковые, словно калиброванные, круглые ядра, и мой нимзиянин аккуратно уложил принесенное ядро рядышком с остальными. Нечто вроде арсенала, подумал я, разглядывая второго аборигена, возникшего в пещере. Второй наклонился к ядрам, прикладываясь к ним волосатым ухом. Потом он выбрал одно, откатил в сторону и, крякнув, поднял себе на живот. Он скрылся в колышущемся марева, не сказав ни слова. Конечно, в многоглаголаннии несть истины, но есть ли она в молчании? Для толмача материал отсутствует, и я словно немой.

— Здравствуй, — сказал я нимзиянину. — Зачем вы таскаете эти, э... штуковины с места на место?

— Тунга яс, — ответил он. И ушел.

В одиночестве я пробыл недолго. Снова явился нимзиянин, выбрал ядро и понес. Я пошел рядом, напрашиваясь на контакт.

— Тунга яс, — сказал я.

Абориген одарил меня сразу тремя фразами, сунил мне в руки ядро и повернул назад. Тяжелое, черт возьми, килограммов двадцать, и как это моя голова выдержала? Я ждал, разглядывая неровности стены, пока он не вернулся с новым ядром. В той пещере, куда он меня привел, было тепло, почти светло и сухо. И лежали ядра в один слой. Он положил свое, я свое. Мне это стало надоедать.

— Слушай, мужик, здесь перерыв на обед положен? Хочу ням-ням! — Я похлопал себя по животу и по зубам.

Абориген разглядывал меня из-под нависших кустиками бровей.

— Ням-ням? — повторил он и задумался. — Ням-ням туки ныпишь дак синх.

Он, загребая кривыми ногами песок, двинулся по переходам. Я за ним. В боковых ответвлениях мелькали чьи-то силуэты, слышался стук и перепiskiвание — звуки какой-то деятельности. Мы вошли в почти круглое помещение. Уходящий свод заканчивался на десятиметровой высоте широким отверстием, в конусе света из него на полу лежала большая куча сырой вегетарианской еды. А возле кучи сидели мужики-нимзияне, выбирали, что посьедобнее, и мрачно жевали. Иногда они задирали головы на коротких шеях. И дождались манны небесной в виде веток, усыпанных фруктами. Манна падала из отверстия в своде. Я взял фрукт в руку. Индикатор на перстне светился "съедобно". На вкус это была помесь морковки с яблоком, есть можно, но я почему-то вспомнил, как мы с Васей и капитаном ходили на турнепс.

Я жевал фрукт и смотрел, как, пригладив редкие усишки, разбредались нимзияне, а кое-кто, не отходя от кучи, заваливался спать. Мой кибертолмач сигнализировал, что готов к работе и дает мне возможность для примитивного диалога.

— Чего дальше делать будем? — спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Тунга яс, — ответил уходящий мужик, и толмач тут же перевел: "работать надо". Я пошел рядом, и в моей голове постепенно зарождалось понимание. Ясно, что эти кругляки отнюдь не ядра, на Нимзе, слава богу, то ли пока не стреляют, то ли уже дострелялись. Мне эти хождения стали надоедать, и я допытывался: куда это мы идем и зачем? Мужик бормотал что-то непонятное.

В переходе посветлело, в ноздри шибанула жуткая, ни с чем не сравнимая вонь, и сразу открылась пещера. Я застыл потрясенный. Ручаюсь, ни один землянин ничего подобного и представить не мог в самом горячечном бреде. Тысячи пищащих и щелкающих тварей кишели на полу необозримой пещеры, а ближайшие тянулись к нам, раскрывая зубастые пасти детенышей с желтой окантовкой. Детский сад в аду. И ничего не менялось от того, что самый большой детеныш с толстым метровым хвостом был мне по пояс, а самый маленький и еще беззубый — по колено. Все равно — это был динозаврий инкубатор, совмещенный с детским садом. Вон мужики, ходят среди детенышей и бросают им в пасти куски притухшего мяса. Кучи небрежно рваных громадных кусков лежали в беспорядке по всей пещере. Такой кусок в горло детенышу не пролезет, и мой ведущий, кряхтя, отрывал от полутуши мелкие куски и все совал, совал их в отверстие пасти. Меня подташнивало не только от гнусного запаха, но и от вида слизи на руках и животе нимзиянина.

— Тунга яс, — пробурчал он, тыкая перстом в плото ободранную тушу неизвестного зверя. — Согда тунга ци ням-ням.

"Кто не работает, тот не ест" — перевел толмач. Я задумался. Где-то я уже слышал это звонкое изречение. А может, в свете этого высказывания таскать чужие яйца и кормить чужих детенышей — это и есть работа. В гробу я ее такую выдал. Работа на себя не требует лозунгового оформления. И, при всем моем гуманизме, динозавры — большие и маленькие — никаких симпатий у меня не вызывали. Нет, против я ничего не имел, пусть живут, но способствовать размножению... И мне почему-то вспомнились находки динозавровых яиц в пустыне Гоби. Одиночных яиц не находили, только коллективные, так сказать, кладки. Причем яйца лежали так густо, что человеку между ними не пройти, не то что динозавру. Поневоле призадумался.

Надо полагать, я никогда не узнаю, кто меня похитил, но технология процесса мне стала ясна. Кто-то несет, точнее, откладывает яйцо прямо в ту самую дыру, в трубу, по которой меня спустили скользом в пещеру. Представляю очередь динозавров и скандалы — кому сейчас нести. Яйцо шлепается на подстилку, здесь его подхватывает нимзиянин, человек, между прочим, хотя, на мой взгляд, излишне волосатый. Подхватывает и уносит в теплую пещеру, собственно инкубатор, где оно доходит до кондиции. А когда птенец, или как там его называть, не знаю, начинает изнутри подавать сигналы, яйцо перемешают теперь уже в, гм, операционную, где ему помогают разломать толстенную скорлупу: обломки такой скорлупы, пригодные для мо-

щения площадей, усыпали полы пещер и переходов. Новорожденного динозавра относят в детскую, куда сверху сбрасывают мясо для кормежки. Понятно, сам динозавр — скотина грубая, колючая, в броне и зубах, ему повредить младенца ничего не стоит. Есть ли кто более подходящий на роль няньки, чем человек? И динозавры, в заботе о благополучии потомства, приспособили нимзиянина к этому делу. Чтобы додуматься до такой простой мысли, много ума не надо. Сумели же земные коты поставить себе на службу так называемого хозяина. Человека, между прочим, маловолосатого и большелобого.

— Тунга я! — Нимзиянин толкал меня в плечо немойтой ладонью.

— Усохни, яйценосец! — ответил я и пошел вдоль пещеры, переступая через малышей и наступая на чьи-то хвосты. Мне надо было найти выход из пещеры, ведь как-то выходят подростки ящеры! Фильтр на шлеме немного скрадывал запах, но все равно меня мутило.

Приглядевшись, я заметил, что по мере моего продвижения возраст и размеры детенышей увеличились. Я встретил целую бригаду нимзиан, отгнавших тех, кто постарше, к другому концу пещеры. Там молодые ящеры уже кормились сами, разрывали туши на куски и заглатывали их не жуя. Людей, правда, вооруженных палками, они почему-то слушались. Выхода я не нашел, обнаружил только большие отверстия в своде на пятиметровой высоте. Видимо, для вентиляции, но через них и солнце заглядывало. Ничего, разберусь помаленьку.

В шлеме послышался озабоченный голос капитана:

— Лев, уже сутки от тебя ни слова.

— Не поверите, капитан, меня трахнули головой о камень, и я сижу в пещере, где меня обратили в рабство на динозавровом инкубаторе.

— Инкубаторе, — мурлыкнул капитан. — Какая прелесть.

— С познавательной точки зрения...

— Только с нее, конечно. Я вижу, ты оклемался. Давай дальше познавай...

— Капитан, как там Вася?

— Васю тоже в плен взяли.

— Динозавры?

— Если бы, — непонятно сказал капитан и отключился.

В общем, причин для тревоги не было. Ну украли, ну взяли в плен, может, на Нимзе так принято, может, здесь такие обычаи? И нечего горячку пороть, на то и поиск, чтобы попасть в дурацкие положения. Так думал я, исследуя цепочку пещер в поисках выхода или общежития, что ли. Места, где мужики отдыхают, спят, смывают с себя жир и пот. Выхода не нашел, а сравнительно населенное место обнаружил. С костром из сухих веток и с нимзиянами, сидящими на корточках вокруг него. Числом пятнадцать. На палках у них были насажены кусочки мяса, и каждый держал свой кусок над костром. Мясо, собственно, не жарилось, а обугливалось в коптящем пламени. И тут неожиданно разрешился давно мучающий меня вопрос: а кто этим всем командует? Кто следит, чтобы яйца вовремя перемещались, чтобы динозавры дети были накормлены и чтобы, наконец, детская пещера не переполня-

лась воспитанниками? От костра поднялся мужик и, неся перед собой прут с куском, подал его начальнику, а лежал он в сторонке на боку, и я его сначала не заметил. Начальник взял прут вместе с куском. Другой рукой он чесал чресла, и это расположило меня к нему: мог и приказать, а ведь чесал сам!

Я подошел поближе, и между нами состоялся разговор; нимзиянскую сторону представлял мой кибертолмач, и если что не так, то это на его совете.

— Мне сказали, ты отказываешься работать? — Зубы у него были желтые, широкие и росли наружу. Кусал он, не сняв куска с прута.

— Я отказываюсь яйца носить. И вообще, мне здесь не нравится.

— Не будешь носить, не дадим ням-ням. И вообще, обнажи голову, сними с себя шкуру и отдай ее мне. Видимо, ты не здешний, да?

Он страшно удивился, что я не снял шлема и скафандра, с виду напоминающего куртку и штаны. Но мне без них нельзя. Повторять начальник не стал. Он просто велел меня раздеть. Позже я узнал, что и Васю тоже пытались оголить.

Мне стало смешно, когда на мне повисли четыре нимзиянина. Они безуспешно тормозили меня и кричали. Ну, не заниматься же мне перевоспитанием взрослых мужиков. Я стянул их.

— Где здесь выход, я спрашиваю?

Сзади меня стукнули палкой по шлему, но после удара яйцом я уже больше ничего не боялся. Я вроде не спешил, но успел перехватить руку с занесенной вторично палкой, поднял нимзиянина и положил рядом с начальником. Оба со страхом смотрели на меня, неуязвимо.

— Отсюда нет выхода.

— Как это? Яйца все прибывают, а количество детенышей не возрастает. Ты же видишь, со мной вам не справиться. Говори правду.

— Выхода нет. А детеныши выкарабкиваются...

— Так перевел толмач. Выкарабкиваются, значит. Ладно, это увижу — как и куда они выкарабкиваются. Я отошел в сторонку, нашел местечко почище и лег, включив малую защиту. Начальник меня больше не интересовал, тоже мне, философ пещерный: не дам ням-ням!

Когда проснулся, в пещеру сверху уже проникал утренний свет. Не мешкая, я прошел в детскую, туда, где скапливались старшие. Я присел между ними, и они вскоре перестали обращать на меня внимание. И я увидел, как потемнела дыра в своде пещеры и оттуда спустился к нам... хвост динозавра. Не знаю, что за порода, но хвост был удобен для выкарабкивания: по нему поднимались наверх и исчезали в свете дыры детеныши, что постарше. Некоторые падали вниз, значит, еще не дозрели для выхода во взрослый мир.

Цепляясь за роговые выступы, я вылез на поверхность. И стало мне светло и просторно, и хватило ума немедленно смотаться в сторону, чтобы не увидел меня чадолюбивый зверь, что сидел на холме, опустив хвост в дыру. Детеныши тоже не задерживались рядом с ним, уже больно страшен был, а детская психика уязвима.

Я оказался в совершенно незнакомой местности.

Плато, усеянное скалами, обломками скал и утыканное невысокими холмами, какие-то похожие на воронки провалы, наверняка те самые дыры в сводах пещеры, в которые проникает свет и куда сбрасывают еду. А в пределах видимости болото необозримое, заросшее древовидными хвощами, гнездилище ихтиозавров и земноводных ящеров. Интересно, есть ли в пещере их детеныши, или ее монополизировали тираннозавры? Далеко меня утащили, снулого после удара черепом о камень. Совсем рядом кошмарные гиганты скандалили за право присесть возле дыры и снести в нее яйцо. Стоял громоподобный с раскатами рык, от топота дрожали скалы, десятки динозавров толпились на сравнительно небольшой площадке между холмов. Они не имели понятия об очереди, царило право сильного. Но, как я заметил, того, кто уже угнездился над дырой, не трогали, ждали, пока сам или сама, слезет.

Я ухватился за этот факт как за главное звено, потянул всю цепь на себя и ужаснулся результату. Не пройдет и десятка миллионов лет, и они научатся соблюдать очередь — и это явится началом цивилизации. В очереди возникнет счет, ибо каждому интересно знать, сколько ему еще осталось ждать. А там, в силу необходимости вести запись очередников, изобретут письменность. После и десятка тысяч лет не пройдет, появятся города, промышленность, энергетика, электронная вычислительная техника — сначала для учета очередников, а потом и для расчета орбит спутников. А там и неизбежный выход в космос. Трудно представить автобус, заполненный игуанодонами, а уж космический корабль длиной в сотню километров... А людям на Нимзе делать будет нечего, только в инкубаторах вкалывать.

Я восхитился мощью своего анализа. Из пустякового наблюдения — сидит динозавриха, тужится, и в спину ее не толкают — я сделал вселенского масштаба вывод о грядущем выходе динозавров в космос и рабском будущем человечества Нимзы.

А все почему? Я за главное звено ухватился. Правда, каждое звено в любой цепи — главное, иначе цепь распадется. Так что в принципе при диалектическом подходе не имеет значения, за что хвататься.

И тут мне стало стыдно. Я, значит, на воле свободный, а они в подземелье, я смотрю на солнце, а они в смраде и гнуса динозавровы яйца таскают и будут таскать до конца дней своих. А выхода из пещеры нет, а чтоб выкарабкаться — до этого они не додумаются... Надо спасать мужиков.

Залез я в расщелину, стал ждать. Действительно, к ночи динозавры разошлись, я подобрался к дыре, нырнул в нее ногами вперед и вывалился в пещере на знакомую кучу. Было темно, я отполз в сторонку и прилег, дожидаясь утра. А то вздумается кому-нибудь снести яйцо среди ночи, пришибет ненароком.

Едва по моим часам начался восход солнца, я встал и возопил:

Выйду д я на улицу, пойду д на село —
Девки гуляют, и мне весело!

С этой песней, а она, вы сами знаете, мне всегда удавалась, я пошел по переходам и поклялся,

если не соберу их, брошу петь. Разбуженные нимзияне, недоуменно зевая, присоединялись ко мне, и к тому времени, как я добрался до логова начальника и успел закончить три первых куплета, за мной шли не менее тридцати мужиков. Да в логове еще с десятков набралось. Это, наверное, был весь штат инкубатора. Они молча таращились на меня, ошеломленные мощью и мелодичностью моего голоса. Они столпились вокруг меня, я закончил куплет и сказал:

— Благородные нимзияне! — Тут я вспомнил, что они еще не знают названия своей планеты. Пришлось перестраиваться: — Мужики! Э-э, благородные мужики! Мир ваш уныл и страшен. Мгла в вашей норе, и вы здесь сталкиваетесь лбами. Ваши голоса как вопли похоронные среди косных стен проклятой пещеры, где и дня не видно. Когда вы смотрели на небо, когда последний раз видели звезды, слышали голос птицы, жужжание пчелы над цветком, дышали запахом ягод? Отравная тоска — вот ваш удел здесь. Доколе вам служить врагам вашим, гнусным ящерам, покрытым броней, колючками и слизью? Вас губит зловоние, исходящее от их детенышей, которых вы кормите несвежим мясом, отрывая куски своими мочучими руками, руками мужей и отцов. По вас плачут дети, а вы здесь, содрогаясь от унижения, таскаете чужие яйца. Доколе, я спрашиваю!

Я перевел дыхание. Аплодисментов не было. Начальник чесал спину изогнутым сучком, шерсть на лопатках потрескивала, нимзияне тоже чесались и, похоже, стали терять ко мне интерес, похоже, им больше нравилось, когда я пел. Моя патетика, похоже, не затронула их заскоруждые души. Вы помните, мы вместе анализировали мою речь. И даже Вася согласился, что она была нетривиальна и убедительна, что экспромтом такую даже он, Вася, произнести не смог бы. Увы, она убедительна для землянина, но кому из нас знакома психология неандертальца? И речь моя была гласом вопиющего в пустыне. Однако молодец не тот, кто начал, а тот, кто кончил. Пришлось кончать:

— Разве для такой жизни, о, благородные мужики, вы родились на свет? На свет, а не на тьму. Нет, и еще раз нет! Так восстаньте, и я поведу вас к солнцу, туда, на поверхность, где росяные травы, где светло и просто, где воды ручьев сладки, а вечера сини. Идемте со мной. Я знаю выход!

Нимзияне переглядывались, и больше никакой реакции. Нет, может, их лица что-то выражали, но для меня они все были на одно лицо: скошенные подбородки, головы, заросшие колтунным волосом так, что ушей не видно. Потом вождь отложил палку и произнес:

— Ты много слов сказал, о, прикрывший голову и не снявший шкуру, глупых и лишних слов, не имеющих к нам отношения. Здесь всегда тепло, а ты говоришь, пойдем отсюда вверх, где дождь и ветер, где мы мерзнем и мокнем ночами, держась за непрочные ветви. Ты говоришь, пойдем отсюда, чтобы не служить врагам нашим. А разве велик труд перенести яйцо с места на место и накормить детеныша? Здесь мы всегда сыты и нас никто не ест. Мы не понимаем, что такое содрогаться от унижения, но мы знаем, как это дрожать от страха,

когда на тебя смотрит зверь. Ты дурак, прикрывший голову и не снявший шкуру. Ты не хочешь тунга, хочешь ням-ням. Но согута тунга ци ням-ням. Уходи!

— Вас ждут загорелые жены! — жалким голосом закричал я, уходя и еще надеясь, что хоть кто-нибудь последует за мной. Тщетно, видимо, институт брака был им еще неизвестен... И материальные прелести рабства перевесили все мои доводы. Буду самокритичен, меня, видишь ли, не устраивал эволюционный путь развития человечества Нимзы. Мне захотелось революции, и волосатый, покрытый насекомыми вождь, не напрягаясь, тюкнул меня мордой о корягу. И правильно сделал. Может, у них каждый с детства мечтает в рабство попасть...

Вася РАМОДИН

Васю мы высадили на холмистой равнине километрах в двухстах от лагеря и в стороне от динозавровых болот. Он сказал, что будет вести бродячий образ жизни. Ходить, смотреть... Но из этого ничего не вышло. День он действительно проходил, разглядывая окружающую красоту, а на ночь расположился на вершинке холма, рюкзак под голову — и проснулся только под утро. Уже не один: вокруг сидели и лежали и осторожно, стараясь не шуметь, что-то свое делали местные жители, скорее, жительницы. Детишки тихо играли неподалеку. Те, которые сидели рядом, смотрели не мигая на Васю с восторженным выражением на лицах. Вася застеснялся.

— Если б это на Земле, — говорил потом Вася, — тогда понятно. Известность, слава первопроходца, то, се. Вполне естественно. Но они с меня буквально глаз не сводили. Когда я пошел к ручью умыться, они всей толпой пошли за мной. А уж когда я стал зубы чистить, вообще скисли от восторга. Я надел рюкзак и, не прощаясь, сбежал. Они гнались за мной по пересеченной местности, и я долго слышал, как постепенно угасали вдаль их взволнованные вопли. С горестным оттенком. Я так и не понял, какого черта им от меня надо было. Конечно, внешность у меня что надо. И фигурой бог не обидел (тут Вася постучал себя по гулкой груди). Но это не повод гнаться за мужиком таким большим коллективом. Короче, сбежал я от них навсегда.

Местность мне очень нравилась, я вообще люблю, когда тихие озера и рыба плещется и что-то вроде камышей на берегах. Это вам не вредное болото с лежащими стволами хвощей и гадами, кишачицами в жиже. Хорошо, только крабы беспокоили, выходили на берег и все норовили в рюкзак залезть. А рыба была очень даже съедобная, я ее за жарил. И пока ел, все думал, что вот сбежал от людей, рыбу ем, крабов отгоняю, а за этим ли я на Нимзу явился? Счастливый случай послал мне возможность прямого контакта с местными жителями, вернее, жительницами, ну да где женщины с детьми, там и без мужиков не обойдется. А я сбежал, как последний миробль. И чего испугался, сам не знаю... Ел и слышал, как кто-то невидимый в кустах шебуришит и тихо сопит. Поев, нарвал я травы для гербария, краба в ящичек посадил, думаю, от-

дам Льву, пусть классифицирует. В ручье зеленую гальку набрал, потом оказалось — изумрудная галька. Мешок потяжелел, и я отнес его на полянку, положил рядом маячок и инфразвуковую пищалку, чтобы отпугивать всех от чужого добра. От пищалки у меня пошли мурашки по телу, и я поспешил уйти, ища приключений на свою голову. Хищники иногда высовывались из кустов или зыркали глазами с деревьев. Жвачные маячили вдалеке, и тут я неожиданно решил давно беспокоящий меня вопрос: почему хищник, как правило, ходит один, а жвачные стадом? В стаде каждый надеется, что если задерут, то не его. А хищник думает: я рискую получить копытом по морде, да чтоб я стал с кем делиться, все сам съем... Потом до меня донесся запах дыма, и я пошел на него, решив, что больше от людей прятаться не стану, и будь, что будет.

Пещера в скале и костер у входа были видны издали. Что-то жарилось на костре, двигались женщины, бегали ребяташки. Старики, каждому лет под тридцать, сидели у огня, а мужички помоложе маячили неподалеку, опираясь на копыта с каменными наконечниками. Я хорошо рассмотрел все это в бинокль, одновременно фиксируя виденное. Ну, что сказать? Самый высокий — под метр семьдесят. А если среднего поставить возле капитана, то он будет последнему в пуп дышать. Крепкие, кривоногие, весьма волосатые, в длинных передниках. Почти все стояли на одной ноге, почесывая другую широкими ногтями. Ступни — дай бог, сорок восьмого размера. Босиком, но мозоли на подошвах непробиваемые. Головы и лица заросшие, от рождения не знали ни расчески, ни бритвы. Я долго лежал неподалеку, часовые сменились, устроились у костра, ели. И вдруг, я даже не успел глазом моргнуть, с неба свалилась напасть, вся в зубах, когтях и перепончатых крыльях. Упала неподалеку от костра прямо на молодую... э... деву. Мужики у костра вскочили, схватили копыта, но было поздно. Летучий ящер, подняв ветер, только искры от костра, поволок добычу, летя низко над землей, почти надо мной. Ну, реакцию мою вы знаете. Я вскочил, джефердар к бедру. Всего один импульс. Хищник скуксился, трахнул челюстями о баодуб, ну, такое толстое дерево, и застыл в неестественной позе. Дева лежала рядом, и пока мужики подбегали к нам, я ее мельком рассмотрел. Блондинкой я ее бы не назвал, и вытаращенные от ужаса глаза не были голубыми. Нос так себе, скорее курносый, чем с горбинкой. Рот раскрыт и зубы не выбиты. Бюст... э... наводил на мысль, что лифчика они не носят. Подбородок с ямочкой, м-да! Бедра произвели на меня глубокое впечатление. Коленки в мозолях и выступают, но икры хорошей формы, вроде моих. А ступни на тридцать восьмой размер: по их меркам миниатюрная нога. Талия тонкая, а пупок впуклый и, как говорили древние индийцы, вмещающий две чашки розового масла. Кожа коричневая, расчесы только на ягодицах, по струнцев нет. Вот все, что я успел рассмотреть, не то, чтобы в деталях, а так, в общем.

Мужички подбежали не очень озабоченные, на меня уставились, на деву ноль внимания, полагаю, раньше на нее уже насмотрелись. Птеродактиль ле-

жит, женщина, значит, лежит, а они на меня копыя наставили. Нехорошо. Я им знаками показываю — птеродактиля я уложил, деву спас. Смотрят: следов насилия на ящере нет, и я, выходит, к этому не причастен, а насчет девы... стоило ли? Э, думаю, сейчас я вам покажу. Переключил джефердар на иглу для очутивания после обездвиживания, пальнул с грохотом и дымом — и ящер задвигался, зашелкал зубами. Обо мне забыли, кинулись колоть животное копыями. Закололи и на меня с почтением поглядывать стали, ибо убить — ума не надо, а вот оживить...

А дева лежит, живая, но обездвиженная. Взяли ее на закорки, пошли в лагерь и меня пригласили.

Мое появление особенного переполоха не вызвало. Подходили, оглаживали скафандр, трогали вещи, не делая попыток присвоения. Я бы сказал, дружелюбно-равнодушные люди. Когда я пошел за оставленным рюкзаком, меня легко отпустили. Я принес барахлишко и решил пожить здесь немного. Тем более, что спасенная дева пригласила меня осматривать пещеру.

Как они тут живут, подумал я. Лежат охапки плохо просушенной травы, шкуры со свалявшейся шерстью, пахнет какой-то дрянью, сыро и гнусно. Чадят маленькие костры, не для обогрева, для освещения, ибо вход в пещеру — только одному протиснуться. И с потолка капает. Но, видимо, жили: заходили женщины, забегали пузатые детишки, подкладывали ветки в костерики, а у меня для них ничего с собой не было... Впрочем, в самые темные закоулки пещеры никто не заходил.

Когда кончили осмотр, снаружи меня уже ждали. Спасенная дева ушла к костру, сильно жестикулируя что-то говорила, а вокруг сидели нимзиане-мужики, цокали языками, ахали в нужных местах и хлопали себя по животам. Спасенная буквально разоралась, тыча в меня растопыренной дланью. Видимо, совместный осмотр пещеры никак не улучшил ее характера. Женщины толпились в отдалении и, судя по их загнутому виду, были весьма далеки от мыслей об эмансипации. Ничего, подумал я, дождутся матриархата — они свое возьмут. А спасенная корила мужиков, что они прошляпили птеродактиля, дескать, меньше в носу ковырять надо, а больше следить за небом и лесом. А то от этих мужиков никакого толка, а женщина и за детьми смотрит и еду готовит, да еще в деле спасения должна полагаться на какого-то подозрительного типа, и откуда он взялся, и почему весь в тонких шкурах неизвестного зверя? И неплохо, дескать, было бы его раздеть, а шкуру ей отдать. Мужики стали смурными: раздеть — это правильно, но с какой стати шкуру ей? Пусть спасибо скажет, что жива осталась, а то еще и шкуру.

Они пасмурно поглядывали на меня, потом вождь, самый пузатый всегда вождь, сделал попытку стянуть с меня куртку. Гм... Его так быстро вытащили из костра, что он по-настоящему и обгореть не успел, только задымилась шерсть в районе копчика. А я с корнем выдрал ближайшую осину или, может, местный дубок и издал вопль, усиленный мегафоном, тоже скрытым в воротнике. Вопль получился — ого! Они так и полегли, а в кустах кто-то охнул от неожиданности. Вообще, когда тай-

но сидишь в кустах, надо быть ко всему готовым. Спасенная дева иссякла. Все долго молчали, и тут включился мой кибертолмач, работающий также в диалоговом режиме.

— Если меня не трогать и не давить на самолюбие, то со мной можно ладить, — сказал я, и толмач перевел это тремя словами. — Птеродактиля и других кусачих я не боюсь. А вон там в кустах лежит зверюга, так это я ее уложил голосом...

А что? Объяснять им про звездолет, что я с другой планеты? Не поймут. При контактах контактирующий должен приспосабливаться к уровню контактируемого, а не переть на рожон со своей эрудицией. Говорить доступно, словно ты на ученом симпозиуме разъясняешь ведущим дубарям, чем шпонка от втулки отличается.

Я пошел в кусты, и представьте, там, закатив глаза и крестом сложивши когтистые лапы, в глубоком обмороке лежал бычок. Его-то я и обозвал зверюгой. Покрытые толстой мозолистой кожей и редкой шерстью бока его слегка вздымались, возле хвоста пульсировала жилка. Было видно, что он оклемывается, и я этому порадовался. Когда кто-нибудь в шоке, то главное — его не беспокоить. Я смочил бычку ноздри жидкостью из фляги и оставил лежать. А аборигенам сказал, что это моя личная добыча, неприкосновенная для других. Если подумать, то действительно, он целый день втихую топал за мной, на что-то надеялся, чего-то хотел, а теперь я его отдам на съедение? Кто бы меня понял? Зато теперь не только капитан, теперь и я бычка удостоился.

У костра в кругу мужчин все еще сидела как равная спасенная мною дева, жевала сладкий кусок и негромко шпыняла мужиков за отсутствие мужественности, за нерешительность, за неумение прижать к ногтю безволосого мозгляка в тонко выделанной шкуре. Это все мне на ухо наговорил толмач. Безволосый мозгляк — это, значит, я. Они отмалчивались. Вождь изредка потирал нижнюю часть поясницы, на коей созревал синий инфильтрат. Тут спасенная дева, сказав, что ее зовут Нуи, позвала меня к костру. Я отрезал самый смачный кусок мяса, посолил и на кончике ножа в знак примирения протянул вождю. Вождь взял кусок, попробовал и расплылся в невозможной улыбке. Но мой нож ему еще больше понравился. Ладно, думаю, отдам, у меня запасной есть. Он так и впился в рукоятку двумя руками и сказал:

— Ешечит бзон усыгуса твенти!

Кибертолмач мне перевел: "О, великий воин, разлука с которым непереносима, красота которого неопишима, сила которого неодолима, а живот благоухает, который ногой может переломить хребет большого санрака, а криком через ноздрю сокрушить любого зверя и сразить неведомо как летучего рымла..."

Вот это да, подумал я, вот это язык. Всего четыре слова, а сколько смысла! И какого смысла!

Видимо, язык действительно емкий, ибо толмач просто изощел комплиментами: "О, превосходный, о, владетель большого мешка с добром, не считая круглой пустотелой палки, которая делает "Бум" и извергает огонь с дымом!"

— Снопа! — закончил вождь, а толмач после секундной заминки перевел: "Дай пострелять!"

— Скиса хи! — ни с того ни с сего ответил я. — Мазел са кропи!

Вождь потемнел лицом. Я погладил воротник: "Как ты ему перевел?" Толмач ответил: "Сейчас разуюсь". "Им это непонятно, они обувь не носят". "У меня глаз нету, я ориентировался на тональность беседы. А если так ставишь вопрос, то нищи синонимы сам. А еще лучше, говори по-человечески, это ваше арго трудно переводится. Тоже мне — бибинела токата". "А что это значит?" "По-нимзиански — у, морда". "Ну, спасибо. А чего ж ты плел про хребет Большого Санрака, когда это горный краж на экваторе Нимзы, и про через ноздрю?"

Кибертолмач замолк. Известно, эти автоматы создавались для дипломатических переговоров, отсюда и некоторая цветистость в выражениях. До сих пор нам это не мешало. И я решил терпеть.

— Ладно, скажи им спокойной ночи и что я собираюсь спать у костра.

Кибер перевод — и вождь заплакал, и остальные пригорюнились.

— Ешечит бзон, — сквозь слезы высказал вождь. — Са зелих кропи.

Толмач сказал: они говорят — нехорошо смеяться над чужими бедами, здесь спокойных ночей не бывает, а снаружи, несмотря на костер, меня съедят.

Я, вроде, их ничем не оскорбил, но кто знает эти инопланетные обычаи, хочешь, как лучше... Я молча надувал матрац, аборигены молча дивились. Нуи снова позвала меня осматривать пещеру, но в ней уже постепенно скрывались нимзиане, унося с собой высушенные за день на солнце, колом стоящие шкуры.

Я улелся, и надо мной мерцали незнакомые звезды, складываясь в незнакомые созвездия. Я нашел наш орбитальный спутник связи и, успокоенный, заснул. Надо сказать, я как лег, так и встал, свежий и бодрый. Я вообще сплю, как младенец, ибо ежели совесть чиста, то и сон крепок.

Утром, не успев глаза продрать, святая троица, лежу, а вокруг сидят, как в тот раз, когда я сбегал. На меня глядят. У женщин слезы текут, с чего бы это? Мужики смотрят завистливыми глазами. Вождь совсем скукисился — и нож его не утешает. Сажусь к костру, вокруг тишина, мне лучшие куски подкладывают и глядят, как я ем. Неприятно. Пошел бычка навестить, уже сидит, глазами хлопает, задвигался, руку мне облизал...

И удивляюсь я, что ночью меня никто не тронул, ведь вокруг хищники кишмя кишели, и костер в середине ночи погас. Тут подошла Нуи и повлекла меня осматривать пещеру. Там она выразила надежду, что я и впредь буду спать снаружи.

Я вызвал лагерь, рассказал обо всем, навьючил на себя рюкзак и дальше пошел, я передумал оставаться здесь. Вокруг, как в зоопарке, только без клеток, и пасутся, и дерутся, и друг друга едят. Разнообразие жизни поразительное. Как и должно быть на планете, где враг всего живого человек не пришел к власти. Иду я, снимки делаю, звуки записываю, минералы собираю, пробы вод беру. К

полудню устал, прилег, а рядом карчикалой уже сидит, скалится. Махнул я рукой, черт с тобой, сиди, не станешь же ты меня сонного кусать! Но тут меня как ударило: а где, думаю, бычок, а может, он бычка уже съел? Пробежал я по окрестностям, всякую живность распугал, нет бычка. И останков нет. Тут я врзал карчикалою в переносицу, говорю:

— Бибинела токата, мазел цукен!

А толмач из-под воротника орет: "Мир вам!"

Дал я ему по сусалам, только руку отбил, а он еще успел мне кулак лизнуть. Я притих. А что, чем виноват карчикалой, он, может, с детства бычками питается и съедает целиком, с кисточкой от хвоста. Не в один присест, конечно. За что же ему морду бить?

В кустах, вижу, уже угнездились женщины и дети. Выследили. Возникла из ничего Нуи и поволокла меня осматривать пещеру.

А потом я опять надел рюкзак и все равно пошел дальше. За мной трусил карчикалой, а в пределах видимости, не далеко, не близко короткими перебежками двигались женщины с детьми и без. Чертовщина какая-то. Живность разбежалась передо мной, а гигантские ящеры делали вид, что не замечают нас.

День прошел бездарно, а к ночи карчикалой завалил зазевавшееся жвачное, я разделал его, разжег костер, подождал, пока догорит, и на углях стал жарить мясо. Поев, я отошел в сторону и лег. Смотрю, на запах придвинулись женщины и неведомо откуда взявшиеся мужики, расселись у костра и бойко доели барана. Даже на завтрак ничего не оставили. Это у них привычка такая, съедать все сегодня, а завтра если бог даст день, то даст и пищу. Я разбираю собранное за день, потом наговаривал по рации впечатления, может, думаю, вы в лагере лучше меня разберетесь, может, и другие разведчики в таком же положении, что и я, и за ними ходят всем племенем девы, дети и волосатые кривоногие мужчины. Нуи пыталась угнать меня осматривать пещеру, но я отговорился, что пещеры поблизости нет, что уже темнеет, а я темноты боюсь.

Я заснул прямо на траве, и сон был мощностью в два сурка. Проснулся оттого, что кто-то мне в ухо дышит. Слава богу, бычок, целый, невредимый. Обнял я его на радостях, руку дал, пусть всласть налижется. А вокруг снова сидели женщины, глядели, как бычок мне слюнявит ладонь, и, показалось, завидовали ему. Такие вот дела. Только спасенная Нуи отвернувшись сидела и скорбела, что не пришлось с меня шкуру спустить. А может, по другому поводу, кто их, дев, разберет...

Я чувствовал, что пора собираться в лагерь, коллекция подобралась славная, я все уложил горкой, поставил защиту и маячок. И отклонил попытку Нуи уволочь меня осматривать пещеру, поплелся в лагерь, а за мной женская половина племени. Ничего себе, эскорт. Я, бычок и свита из визжащих детишек и сомлевших дев. Немыслимое дело.

И я свернул в сторону от нашего лагеря. Выбрал бугорок повыше и сел. Может, залетный птеродактиль съест, хоть кому-то польза будет, сопротивляться не стану. Решил впредь мяса не жарить, костра не разжигать, может, отстанут? Бычок пасса

поблизости, а потом куда-то ушел. Женщины развязали узлы и расселись вокруг, глядя на меня.

На поляну вышел карчикалой, неся перед собой барана. А может, не барана, но что-то рогатое и в кудрях по всему телу. Без видимых усилий он взошел ко мне на вершину, положил барана у моих ног и уставился на меня взглядом, полным надежды. Поняв, чего ему хочется, я протянул ладонь, которую он с жадностью облизал. Н-да! И вся недолга, расплатился за услугу. Аборигены на карчикалоя глядели с опаской, но барана отнесли в стору и принялись разделывать.

Мне все стало безразличным. Я отвернулся. Они думали, что я сам с собой разговариваю, когда я стал совещаться с капитаном.

— Смотри сам, — сказал капитан. — Конечно, тащить за собой эту ораву... гм, гм...

— А как бы вы на моем месте поступили?

— Ну, прежде всего, я не стал бы осматривать все пещеры подряд. Другие разведчики нормально работают, никто за ними стадом не ходит. Хотя, возле меня тоже карчикалой мелькает. Но чтобы женщины, и в таком количестве... Мы себя в руках держать умеем.

— Капитан! — возопил я. — Тогда я остаюсь, я должен разобраться, в чем тут дело. Я не в пещерах сплю, снаружи!

— Снаружи? Ладно, разбирайся. Может, твой опыт совместной жизни с нимзиянами будет, э... наиболее информативным.

Капитан отключился, и я его понял: у нас в экипаже не принято было навязывать свое мнение разведчику, ему на месте виднее. А что мне виднее? Почему они ходят за мной и даже про пещеру, свое безопасное логово, забыли? Здесь страшно и для вооруженного, в воздухе свист крыльев и драки птеродактилей, внизу странная смесь развитых млекопитающих и не менее развитых динозавров и, похоже, ни одна форма жизни не господствует. На Земле, насколько мне помнится из курса палеонтологии, все было не так, там было все по очереди. И где слово этого лгуна вождя, что вне пещеры меня съедят. Никто и не пытался. Вот неподалеку в кустах кто-то большой ест кого-то маленького, а тот невыразительно пищит. Но это везде так — большие маленьких едят... Мои размышления перебил вождь. Он подошел и сказал:

— Цайдин жунахи?

Я не стал ждать перевода и ответил:

— Ежухи книмс.

И пусть меня забодает тот самый книмс, если я знаю, что это значит, но вождь от меня отстал. Может, им все равно, что услышать. А Нуи от костра орет:

— Уги ца тай?

— Са кропи битал! — ответил я, имея в виду, что этими пещерами сыт по горло.

Карчикалой сидел рядом по-собачьи, и на его бородатой морде было написано: не бойся, я с тобой. Ну и хорошо, а я спать буду.

— Главное, сейчас его не трогать, — сказал капитан, поглядывая на Льва Матюшина. — Для

Льва сомнение в себе даже полезно. Да и любому из нас...

Лев бродил по лагерю между куполами надувных зданий станции. С тех пор как он вернулся в лагерь, прервав свои исследования, он часто прохаживался вот так в одиночестве. Нет, он не отказывался от текущей работы, дежурил за пультом безопасности и связи, наговаривал текст дневника, он не отказывался и от контактов, но говорил об одном и страшно бичевал себя.

— Чтобы мало-мальски изучить планету, — говорил Лев, — надо потратить тысячу лет, а я полез со своими призывами. Стыдно мне. Не поняв чужих обычаев, не зная жизни нимзиян, неприлично суетился, изображал супермена. А они... Впрочем, у них все впереди. И, надо сказать, они умеют беречь самое ценное — свою жизнь. На деревьях вот укрываются, в пещере... н-да, неизвестно, кто кого использует, то ли ящеры их, то ли они ящеров. Во всяком случае, фруктами и мясом динозавры этих мужиков снабжают. А может, это симбиоз равных? Не заметил я у них этакой коровьей обреченности. А заметил собственную непригодность для контакта с нимзиянами. Я уж лучше здесь буду, больше пользы принесу.

— Ну что ты так убиваешься, Лев! Помнишь, на Сирене все мы плясали под дудку пуджиков. Что ж, нам потом всем удавиться надо было? Неудача с каждым может случиться. Возьми Васю, его тоже вроде как украли.

— Вася нас спас на Сирене, — ответил Лев, поглаживая карчикалоя. — А об этом мы склонны забывать. И здесь, я думаю, он себя уже неплохо проявляет. Судя по материалам, которые он оставляет в маячках. А почему? Вася уважает чужие обычаи, вписался в коллектив. Он, можно сказать, стал членом племени. Ибо Вася лишен высокомерия.

Если бы Вася слышал этот панегирик, он ни за что не позволил бы себе намекать, что Лев был трахнут яйцом по голове. Но Вася не слышал. Мы вчера видели Васю, пролетая над плато в дискотеке уже на закате дня. Вася, непохожий на себя и почему-то без скафандра, брел по перелеску, а за ним бодро вышагивали женщины с узлами и деташками. Наш космофизик неприлично захихикал, но мы не разделили его веселья. Если не считать мужчин, крадущихся в отдалении, мы насчитали двадцать взрослых особей. А это уже не смешно, это жутко.

— Я все жду, когда Василий завершит свои исследования. Здесь он, вроде, все изучил, пора и честь знать, — сказал капитан.

Последние две недели Вася на связь не выходил и на вызовы не отвечал, хотя, судя по огоньку на пульте безопасности, был в добром здравии.

После двух месяцев работы наши разведчики по-маленьку возвращались в лагерь, в нем сталолюдно и весело. Особенно по утрам, когда капитан спозаранку бегал за своим рюкзаком и всегда догонял карчикалоя. Эти пробежки стали почти ритуальными. И нас уже перестало удивлять, что куда бы ни шел капитан, рядом всегда находился карчикалой. Зверь привязался к нему, как собака, какой он, надо думать, и являлся. Мы в отсутствие капитана обсуждали вопрос, следует ли забрать с собой этого карчикалоя.

Нам предстояло лететь дальше познавать Вселенную, хотя мы понимали, что это безнадежное дело, ибо процесс познания бесконечен. Но лучше хоть что-то знать, чем совсем ничего... А на чужой планете верный и зубастый карчикалой вполне пригодиться. Брали же мы когда-то с собой Тишку. Хотя та, конечно, калибром на порядок мельче, ну да еды на всех хватит, говяжье дерево в оранжерее разрослось невпрожор.

— Вот бы нимзиянам отросточек подарить, то-то радости было бы, — сказал случившийся здесь Лев и задумался. — Хотя на этой стадии развития им вроде рановато переходить к земледелию... — И он добавил с раздражением: — Не знаю, ничего не знаю! Я вот все время думаю, думаю. Эволюция — это безбрежное море равнозначимых событий. Кинь камень маленький — будут маленькие, быстро гаснущие волны, кинь большой, будут большие волны, которые угаснут чуть позже. И снова поверхность моря сглажена. Большой камень, маленький, один черт. Так что если им передать говяжье дерево, то это вряд ли повлияет на эволюцию вида... вряд ли.

Капитан выслушал Льва и сказал:

— Тут у тебя получается не эволюция, а стоячее болото.

— Стоячих болот не бывает, — ответил Лев. — А вообще, болото — это весьма удачный образ эволюционного процесса, оно медленно зарастает...

Вот так неудача в пещере повлияла на нашего Льва. Он стал гораздо умнее, он ударился в философию. Я не испытываю пиетета к философии, на мой взгляд, она всегда плод досужего претенциозного ума, но, на худой конец, лучше уж впасть в философию, чем рехнуться на почве самоугрызений.

Настал день, когда капитан сказал с утра:

— Пора. Осталось забрать Василия.

Мы взошли на дисколет и взяли пеленг. Вася пребывал в получасе лета. Мы оставили в стороне страну динозавровых болот и озер, миновали скалистые отроги — гнездилища птеродактилей. Наш бесшумный полет мало кого беспокоил, даже когда мы снизились над папоротниковыми зарослями. Снизу слышались вопли и визги, шла нормальная жизнь, к которой мы стали уже привыкать. Наконец в поле зрения на сухом безлесом холме появилось становище, и мы опустились неподалеку. Бежали детишки, возились женщины и сидели вокруг костра мужики, что-то жарили на вертеле и прутьях. И никаких часовых вокруг, и ближе полукилометра ни одного хищного зверя, если не считать карчикалоя, сидящего чуть не в центре становища. На нас ноль внимания. Мы огляделись, Вася поблизости не было. Капитан, держа в руках небольшой ящичек, подошел к костру и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Где здесь Василий Рамодин?

На него без выражения смотрели дико заросшие физиономии, все одинаковые, неотличимые одна от другой. Кто-то с треском расчесывал волосатую грудь, кто-то обсасывал мозговой мосол.

— Я спрашиваю, где ремонтник Рамодин?

Мужик швырнул мосол в костер, обтер ладонью бороду:

— Ну, а чего надо?

Капитан наклонился и, затаив дыхание, долго гляделся, ища знакомые черты:

— Вася! Это ты?

— Ну, а чего надо? — без выражения повторил мужик по-русски.

— Ничего себе, — шепотом сказал капитан, оглядываясь на нас. — Вот как надо ставить исследования. Вот она, безупречная методика Васи Рамодина. Он не вживается в образ, он трансформируется в него! Кто еще на такое способен?! — Глаза капитана сияли гордостью за нашего Васю.

Лев вздохнул и потупился, ибо он не сумел стать членом коллектива трудящихся инкубатора, а какая возможность была!

— Пошли, Вася. Мы за тобой, пора. — Капитан мягко смотрел Васе в глаза. Вася встал, и мы впервые увидели, сколь он волосат от макушки до щиколоток, сколь кряжист и могуч. Он был гол и бос, и короткий передник не прикрывал пряжку пояса безопасности на животе. И мы благодарно подумали, что вот, пояс он сохранил и, конечно, не ради себя, ради нас. Вася пожевал губами:

— Не могу я уйти. Их без меня съедят.

— Не съедят, — сказал капитан, постукивая пальцами по ящичку. — Здесь две кнопочки: включил и выключил. И питание на десять лет. Кто здесь самый умный? Впрочем, зови сюда всех, пусть это будет общим достоянием. И переведи им то, что я скажу.

Вася долго рассматривал ящичек, похоже, он действительно не хотел уходить. Но, подчиняясь дисциплине, пробурчал что-то негромко, и тотчас вокруг нас столпилось все племя.

— Люди! — Капитану не пришлось становиться на камень, он на голову возвышался над толпой. — Вася покидает вас. — И, перекрывая горестные вопли, он закричал: — Но вас не съедят! Мы оставляем вам Васин голос. — Капитан поднял над головой ящичек. — Когда станет темно, или вас преследует зверь, надо ткнуть пальцем сюда!

Капитан нажал кнопку, и поляну сотряс жуткий вой и рык. Карчикалой подпрыгнул, как ужаленный, и длинными прыжками сбежал, мы пригнулись. Нимзияне слушали этот звук, как дитя колыбельную, они неумело улыбались.

— Что это? — Бледность на Васином лице проступала сквозь бороду. — Откуда этот ужас?

— Это, Вася, твоё храпение во сне. Мы записали еще на корабле. То самое, которым ты здесь хищников по ночам разгоняешь. Без усилителя.

— Не может быть... А как же вы?

— У тебя каюта с тройной звукоизоляцией, мы практически ничего не слышим. Ну ладно, Вася, ладно. Нимзияне тебя не только за это любят.

— Ну да, — вмешался космофизик. — Любят всегда ни за что и не по заслугам. Иначе что это за любовь.

— Давай, прощайся.

— Чего там. — Вася был дико удручен. Он постоял с опущенной головой, потом махнул рукой, поглядел на нимзиян, столпившихся вокруг ящичка, и негромко сказал: — Рейвали клянс, в смысле, прощайте.

Мы сделали круг над становищем, и, когда были уже в километре от него, до нас снизу донесся вой карчикалоя, который потом был перекрыт храпением Васи. Нимзияне развлекались.

весло на себя. Большое плечо обдало кипятком, и он содрогнулся всем телом. Скрипнул зубами и представил себе, что они догоняли врага... В плече сидел раскаленный гвоздь, и Хельги временами закрывал глаза, потому что из-под век текли слезы. Было трудно дышать. Он умрет здесь, за этим веслом. Наверное, это и есть судьба, которую он заслужил.

Потом гвоздь в его теле вдруг проткнул дырку наружу и вывалился вон. Оттар немедленно поднялся, кинул за борт кожаное ведерко и окатил Хельги, смывая растекшийся гной.

— Работай как следует, — сказал он и улыбнулся. — Будешь грести, пока не вытянет все.

Вот так они после сражения не давали своим ранам воспаляться и гнить. Упорная работа изгоняет из тела дурноту, испорченную кровь и, бывает, излечивает почти обреченных... Хельги только предстояло об этом узнать.

Вечером, когда ложились спать, Оттар подошел к нему, неся на плече любимца — кота. Он сказал:

— Я не знаю, сильно ли ты приврал насчет родни. Но ты по крайней мере выучился терпеть, и из тебя получится викинг. Теперь навряд ли кто будет бить тебя, как я тогда.

Хельги немедленно отозвался из-под одеяла:

— А попробовал бы ты ударить меня теперь, когда я совсем поправился и завел себе нож!

Засмеявшись, Оттар сгрел его в охапку вместе с одеялом и как следует стиснул. Хельги, не сопротивляясь, сперва поморщился, потом улыбнулся. От гребли трещала спина, да пришлось еще мыть и тереть тяжелый корабельный котел... так приказал Ракни эсконунг. Эту работу раньше всегда делал Карк.

Хельги рассказал Оттару:

— У меня ведь найдется и другое имя. Это потому, что моя мать приехала из Гардарики.

Оттар потребовал:

— А ну, скажи что-нибудь по-гардски.

— Рыба, — сказал проголодавшийся Хельги. — Корабль, меч, мир, щит, копье.

Оттар ударил себя по колену:

— Я знаю язык ирландцев и англов, потому что я там воевал, и еще финский и франкский, но этот мне незнаком. Надо было тебе попасть на корабль к Вагну, а не к нам! Там ты нашел бы, с кем поболтать. Прошлым летом они ходили торговать в Гардарики, в город Альдейгьюборг.²⁶

Хельги вдруг ощутил приязнь к этому неведомому Вагну, ходившему в Гардарики, купцом, и захотел узнать про него больше. Оттар словно подслушал и задумчиво проговорил:

— Никчемным малым был погибший, но мой приемный отец решил мстить за него, и люди скажут, что это было славное дело, а Вагна назовут подходящим для места. Вагн достойный человек, и я сойду с ним один на один. Он не станет прятаться в заливах, или я скверно знаю людей. У него там выстроен дом, и он звал к себе всех, кто пожелает приехать. Он рассказывал о приметах, которых следует придерживаться в пути...

Хельги долго раздумывал над услышанным, и Вагн сын Хадда из Вика нравился ему все больше. Он явится в Свальбард снаряженным для промысла, а не для боя, и, уж верно, присягнет ему ночью серые кони, предвещающие гибель... Что ж, иные делаются осторожней

в поступках, только если знают, что и у других есть наготове мечи и можно крепко поплатиться самим да еще накликают несчастье лучшему человеку в роду...

— Вагн путешествует по всему миру, как перелетная птица, — сказал Оттар. — У него даже корабль так и называется: Лебедь.

Хельги ответил:

— Должно быть, это не боевой корабль. Тот звался бы Ястребом или Орлом.

— Верно подмечено, — кивнул Оттар. — Вагн ходит на кнарре.

Кнарр круче боками и выше бортом, и грудь у него лебединая. Похожей на кнарр зовут женщину, которой судьба дала красивое полное тело. Кнарр не так проворен и поворотлив, зато не требует множества рук, чтобы управляться с ним в море, да и от непогоды там есть где укрыться...

— А этот корабль? — спросил Хельги. — Как его имя?

Оттар огляделся по сторонам, потом наклонился к самому его уху, чтобы морские тролли не сумели подслушать... но сказать в открытую все-таки не решился и ответил мудро:

— Пятнистый бык горного склона, быстрый конь разветвленных мечей лба, вот как мы все его называем.

У Хельги захватило дух от восторга: похоже, слова повиновались Оттару еще охотней весла! Злобные великаны не наделены великим умом. Где им понять речи скальда,²⁷ с ходу раскусить иносказание-кеннинг и догадаться, что мечи лба, да еще разветвленные, это рога, а быстрый конь рогов — это красавец олень, грозный и неукротимый в бою!.. Стало быть, вот кто помчал Хельги на север. Поистине хорош был зверь и стремителен его бег...

7. Мужская работа

Берега заметно менялись день ото дня. Здесь был уже Халогаланд. Хельги совсем не знал этих мест и не мог сказать, когда они миновали шхерами Торсфиорд. А то и разошлись, не заметив друг друга, с кораблями халейгов. Однажды в непогожее утро за белой пеной прибоя выросли из тумана семь крижистых великанов и не торопясь зашагали, окутанные облаками, мимо борта на юг. А еще здесь лежала в море скала, похожая на одноглазую голову, прибитую меткой стрелой. На диво силен был лучник и огромна стрела: в дыру, взявшись за руки, прошло бы несколько человек... Он и сам застыл неподалеку, этот стрелок. Тяжелыми складками вился каменный плащ, без отдыха скакал над волнами могучий вороной конь... Брат рассказывал Хельги о случившемся в стародавние времена. О черном всаднике, погнавшемся за красавицей Лехой, и о горном исполине, что заслонил любимую от смертной стрелы...

Раз за разом окуналось весло в плотные холодные волны. У воды здесь был удивительный цвет, как будто под вздохмаченной серой шкурой пряталась синяя-синяя плоть. Как та синева, что живет в небесах даже скрытая тучами, вот только морская была гораздо гуще и глубже. Когда рушился гребень волны, было видно, что в толще воды словно развели яркую краску, даже в ненастье не думавшую выцветать.

Но больше всего изменились ночи. Чем дальше на север, тем светлей они становились, и Оттар пообещал, что вскоре солнце совсем перестанет садиться за гори-

26 Альдейгьюборг — так скандинавы называли древнерусский город Ладогу, теперь — Старая Ладога Ленинградской области.

27 Скальд — скандинавский поэт и сказитель. Язык скальдической поэзии необычайно богат и сложен, современные исследователи называют ее "поэзией в квадрате". В древности считалось, что слово скальда обладало магической силой; так, хулительное стихотворение приравнивалось к оскорблению действием. Искусство стихосложения ценилось среди викингов едва ли не выше умения сражаться и водить корабли.

зонт и ночью поплывет над морем, как днем, разве только пониже. Вот тогда-то можно будет двигаться вперед круглыми сутками, и каждый захочет есть или спать в разное время, не так, как теперь, когда в мире сохраняются и полночь, и полдень... Хельги слышал про такое от дяди, но сам не видел.

Ракни стоял у руля, правя на северо-запад, море было чисто, но впереди, по его словам, на несколько дней пути раскинулись острова. Конунг собирался миновать их знакомыми проливами, кратчайшим путем.

Ветер был попутный, но какой-то порывистый и ненадежный, точно дыхание умирающего. Ракни с неодобрением поглядывал на парус, то наполнявшийся, то повисавший бессильно. Опытный мореход полагал, что это не к добру.

Около полудня он начал высматривать что-то на севере, потом подозвал к себе Оттара. Оттар проследил, куда указывала его рука, и кивнул.

Хельги тоже оглянулся на север, но ничего там не увидел, кроме плотных облаков, не первый уже день стоявших по горизонту. Белый кот мягко вспрыгнул подле него на скамью, стал умываться. Хельги взял кота на колени, почесал ему за ухом. Кот перевернулся на спинку, принялся ловить его руку. Но, должно быть, и он уже ощутил в воздухе что-то зловещее. Ему внезапно надоело играть, он фыркнул и ринулся прочь, больно рванув по коленям когтями, острыми, как отточенные крючки.

— Ну и пошел отсюда, ведьмин выкормыш!.. — обиженно ругнул его Хельги. — Не стану вылавливать, когда свалишься за борт!..

Миновало немного времени, и стена облаков словно бы покатила прямо на них, подминая и море, и еще невидимые за горизонтом дальние острова. Ракни смотрел вперед, недовольно нахмурившись. Мало радости повстречать шквал в опасной близости от берегов. Это в открытом море можно подставить ветру корму и хоть спать, пустив плыть по волнам мешок китового жира. Здесь не то, здесь хватай весла и сражайся, как в битве, если не хочешь оказаться на скалах...

Люди рядом с Хельги начали доставать кожаные шапки, промасленные куртки и толстые рукавицы. Хельги сидел молча: у него не было ничего теплее рубашки, натянутой на голое тело. Оттар иногда делился одеждой, но Ракни как раз советовался с ним на носу, а шарить в трюме без хозяина Хельги не стал. Он вытащил из гребного люка деревянную крышу-затычку и спрятал, чтобы не потерялась. Викинги разбирали весла, лежавшие в рогульках по бортам корабля. Хельги взял свое, просунул узкую лопасть в круглый люк и стал ждать, на всякий случай привязавшись к скамье, а в спине и плечах снова началась непрощенная дрожь.

Над кораблем все еще горело чистое небо, и от этого налетающая туча была вдвое черней. Хельги казалось, она кипела подобно котлу, позабытому над очагом. А море оставалось спокойным, ибо шквал обгонял волны, которые сам порождал.

— Спустить парус! — рявкнул Ракни сэконунг, и перекладина мачты живо съехала вниз. — Мачту долой! Весла на воду!..

Канатами свалили мачту и уложили вдоль палубы, накрепко привязав. Весла ударили дружно, разворачивая корабль носом на север. Хельги оказался к туче спиной и так и не оглянулся посмотреть, как она подходила. На него вдруг резко дохнуло сырым холодом, словно из ледяной пещеры в горах, и стало темно. Мгновение, другое... и на воду, на корабль, на согнутые в гребле спины повалил снег. Да такой, какой на памяти Хельги случался не каждую зиму, не говоря уже о лете!

Драконья голова на носу бесстрашно хватала зубами серые космы. Сыпали с небес не снежинки и даже не хлопья — неистово крутясь, наотмашь хлестали тяжелые комья, пригоршни, клочья мокрых меховых шуб!.. Хельги не видел уже ничего, кроме спины воина прямо перед собой. Он мгновенно промок, и ветер полосовал тело, как плетью. Снег превратил воду в густую серую кашу, и еще неизвестно, что было труднее, совершать сам гребок или заносить весло против ветра, упруго хватавшего лопасть... Вот и начиналась она, истинная мужская работа без поблажек, та самая, способная обесчестить или прославить... Весло быстро тяжелело, то ли из-за липкого снега, то ли это просто казалось. Рукам, не защищенным рукавицами, приходилось хуже всего. Хельги ощутил судорогу и равнодушно подумал, что руки скоро станут прозрачными и примерзнут к рукояти весла, но это уже не имело значения, потому что тролли облепят снегом весь корабль и превратят его в плавающую гору, и она медленно двинется обратно на юг, чтобы без остатка растаять где-нибудь на мели...

Потом в клубящейся тьме возник Оттар. Его короткая кудрявая борода поседела, забитая снегом. Он перехватил у Хельги весло и столкнул его со скамьи. Хельги скорчился возле борта и сунул пальцы в рот, потом спрятал их под мышками — не помогло. Тогда он яростно взмахнул руками несколько раз, как всегда это делал, потеряв в лесу рукавицы, и под кожей заколола вернувшаяся кровь.

Оттар размеренно заносил весло. Этот не притомился, пока не обойдет кругом всего населенного мира. Хельги был девчонкой и слабачком: он позволял другому грести вместо себя. Надо прогнать Оттара... сейчас... он только чуточку передохнет...

Буря тяжело валила корабль. Хельги то проваливался в бездну, то возносился высоко вверх и видел волны, катившиеся из мглы. Потом глубоко в животе родилась сосущая пустота. Так было, когда однажды он взял Вальбьёрг за рыбой и они угодили в зыбь, и Вальбьёрг позеленела лицом и запросилась грести, а он не дал — вот еще, станет она ему помогать! — но Вальбьёрг расдлакалась, и он скрепя сердце всунул в уключины еще пару весел, она схватилась за них и немедленно ожила... Хельги взобрался на скамью и крикнул Оттару в ухо:

— Пусти!

Голос прозвучал тонко и жалобно. Викинг отдал ему весло вместе с толстыми кожаными рукавицами, прилипшими к дереву. Хельги смалодушничал и не спросил его, как он собирался без них обойтись. Он вдел руки в рукавицы: было мокро, но по крайней мере тепло. Весло показалось еще тяжелей прежнего, но Хельги крепко схватил вырывающуюся тварь и принялся грести, как будто от этого зависела его жизнь. Да так оно и было.

Потом стало смеркаться... по счастью, северная летняя ночь была светлой, и даже тучи, ползшие по самым волнам, не могли ее погасить. В это время Ракни услышал впереди грохот прибоя, и ветер на миг разорвал сплошные полотнища снега, показав береговые откосы, уходившие в непроглядный туман, и буруны, скалившиеся у подножий.

Ракни переложил руль, правя вдоль берега. Это было смертельно опасно. Налетит волна выше других и проломит доверчиво подставленный борт, опрокинет, потащит на скалы. Или оплошает Оттар, вцепившийся в снасти возле форштевня, и высунутые из воды черные зубы, прокусят тонкое деревянное днище...

Прилив шел против ветра, и волны вздымались на страшную высоту. Корабль мчался между отвесными стенами, и деревянные кости стонали от напряжения.



Чайки срывались с утесов и носились с криками, словно предвкусная поживу...

Но, видно, не зря шли люди за Ракни сэконунгом, не зря верили в удачу вождя. Он сумел разглядеть узкий вход между скалами, суливший убежище. И правило в его руках снова развернуло корабль. Ракни закричал сорванным голосом, и обледенелые весла взвились в последнем отчаянном усилии, разгоняя тяжелую лодью, а потом спрятались в люки. Глаз у Ракни был безошибочный. Вздвигнувшись волна подхватила корабль и с грохотом пронесла сквозь ущелье — до утесов по обеим сторонам достала бы вытянутая рука. Корабль перелетел через камни и закачался в узком проливе.

Врывающаяся зыбь лизала нависшие скалы, постепенно слабее. Ракни огляделся, и на корме слышали, как он пробормотал:

— Входя в дом, сначала прикинь, как станешь выбираться назад. Не пришлось бы нам тащить своего коня на руках!

Сказав это, он стащил шапку и вытер лицо. Стоять в шторм на руле тяжелее, чем даже грести.

— Отдохни, Ракни! — крикнул Оттар. — Я бы постоял там теперь вместо тебя!

Ответом был хохот, раздавшийся над скамьями. Но не успел он смолкнуть, как невидимое течение словно рукой потащило нос корабля, наваливая на выступ скалы. Веслам не развернуться было здесь для спасительного удара. Четверо кинулись к форштевню, подхватывая шесты... слишком поздно!

Хельги обернулся, и увиденное осталось в памяти навсегда. Оттар, оказавшийся один на один со скалой, ухитрился вклинить между нею и форшевнем: он упирался ногами в шербаый каменный рог, а плечами — в скулу корабля... у него не нашлось под руками багра, да и не выдержал бы багор. Хельги никогда не думал, что один человек способен удержать корабль.

Наверное, никому, кроме Оттара, не стоило даже пытаться.

Карк первым подоспел на выручку и взревел по-медвежьему, налегая на шест. Подбежали другие, и полоска мутной воды стала медленно расширяться. Оттара вытащили вверх за одежду. Он лег на мокрую палубу и остался лежать. Люди через него переступали. Чернота медленно уходила с его лица. Что говорить: если бы его вовремя не схватили за шиворот, он свалился бы в воду и наверняка утонул.

Хельги готов был рухнуть на палубу и умереть. Однако прежде пришлось отнестись на место весла, а потом Ракни велел слазить в трюм и проверить, много ли воды. А потом ставили над скамьями шатер, и Хельги еще справился с растяжкой, которую сунули ему в опухшие руки. Он отупел от усталости, но откуда-то издалека пробивалась глухая обида. По всей справедливости, это ему следовало заметить расселину, а потом оказаться на носу и не дать кораблю пропороть бок об утес... И не беда, если бы его раздавило в лепешку. Он бы еще услышал голос Ракни сэконунга: жаль, мы не поверили сразу, это действительно был внук Виглафа из Торсфюрда... Поистине судьба давала ему случай, но он предпочел струсить и не заметить его, и неоткуда знать, будет ли другой.

Оттар поднялся наконец с палубы и пошел к своей скамье. Он пошатывался, и Карк все норовил его поддержать. Однако Оттар дошел сам, и Хельги принес из трюма его спальный мешок. Карк зло посмотрел, однако ничего не сказал.

Хельги потом только узнал, что его, самого молодого, едва не оставили на ночь сторожить, но Ракни не позволил, сказав, что мальчишка не выдержит и заснет все равно... Вот и выпало Карку ходить по палубе до утра, беседуя с выбравшимся на прогулку котом.

8. Пламя битвы

На другой день мореходы поднялись не рано. Ни у кого не было сил даже поддразнивать несчастных, вынужденных с отвращением натягивать холодную, сырую одежду и сушить ее на себе. Имевшие запасы делились с товарищами, но на всех не хватало.

Один Оттар проснулся как ни в чем не бывало и принялся умываться водой из-за борта. Любимой другой лежал бы пластом, перенес выпавшее ему накануне, а Оттару — хоть бы что. Это потому, подумал Хельги угрюмо, что я полдня греб вместо него, и он не устал.

Он сказал Оттару:

— Вчера ты выручил всех...

Викинг отмахнулся полотенцем — раскрасневшееся загорелое тело было тверже мореной бортовой доски. Он ответил:

— Все дело не во мне, а в сапогах. У меня сапоги из акулей кожи, вот я и не поскользнулся.

Хельги попросил его:

— Окати и меня.

Если бы он был скальдом и вздумал сложить про Оттара хвалебную песню, он непременно сравнил бы его с березой. Что может быть мужественней белоствольного дерева, схватившего корнями скалу и развернувшего другие ветви навстречу яростным осенним штормам!..

Вокруг молча высились отвесные кручи, не везде позволявшие выйти на берег. Снег таял, и вниз со звоном бежали ручьи. Больше ничего не было слышно; ветер притих, и серый плащ неба врался тут и там, показывая спящую голубизну. Косые потоки света порождали серебряные пятна на темной воде. Молодые ребята ловили глупышей и жадных бакланов, закидывая крючки, спрятанные в катышки сала. Ощипанные тушки подвешивали. Потом их бросят в котел.

Ракни велел положить сходни и отрядил несколько человек поискать сушняка на костер. Он напустился так:

— Возьмите оружие и почаще оглядывайтесь по сторонам. И не разговаривайте громко!

Парни молча кивнули. Оттар отомкнул для них сундук, где сохранялось оружие, и каждый взял свое — кто секиру, кто меч. Хельги подошел было расспросить, в чем дело и почему нельзя громко болтать, но все слова тут же разлетелись с его языка в разные стороны, ибо Оттар вытащил из сундука свой собственный меч и сдернул с него ножи, проверяя, не завелась ли ржа.

Какой это был меч!..

Хельги видел подобные только у дяди и у старшего брата: они привезли их из Гардарики, и на любом торгу за них дали бы страшную цену. Клинок в два локтя длиной казался одетым прозрачной чешуей из-за причудливого рисунка, проступавшего в глубине. Такие делают из множества металлических прутьев, скрученных вместе; оттого получается, что внутри меча живет вязкое, неломающееся железо, а на лезвии блестит острая сталь.

Подобное оружие любят, верно, как единственную женщину, чтят как вещь святыню и в бою полагаются, как на побратима.

Хельги сначала задохнулся и онемел от восторга, потом робко потянулся к мечу.

— Можно мне... подержать немножко...

За подобную просьбу вполне можно было получить по затылку, но Оттар только усмехнулся и протянул ему серебряную рукоять. Хельги взял меч и немедленно перепугался, как бы не оступиться на колебавшейся па-

лубе да не выронить чудесный клинок в бездонную соленую воду... Наверное, Оттар всякий раз перед сражением накрепко стягивал на запястье петлю!

— Я называю его Гуннлоги, — сказал Оттар.

Гуннлоги, Пламя Битвы... хорошее имя. Хельги обхватил пальцами черен и несколько раз взмахнул мечом над головой, повторяя приемы, которые знал. Меч был еще тяжеловат для него, но если бы занять хоть половину такой... уж он бы с утра до вечера таскал и подбрасывал камни на морском берегу, чтобы рука сливалась с мечом воедино и сама становилась такой же упругой и крепкой...

Нежданное счастье совсем лишило его наблюдательности, и он не заметил удивленного одобрения, отразившегося у Оттара на лице. Хельги возвратил меч и с сожалением покосился на свою пустую ладонь, еще хранившую отпечаток рисунка. Оттар сказал, пряча Гуннлоги в ножны:

— Жаль было бы вчера утонуть. Я левша, и немногим нравится драться со мной. Вагн редко вяжется в сражения, но люди рассказывают, что это величайший боец!..

После еды Хельги отправился чистить котел. Его уже почти перестало бесить это рабское дело: он решил для себя, что через него придется пройти.

Он никогда не бывал в море подолгу, и твердь под ногами раскачивалась, как палуба корабля. Ему тоже не велели отходить далеко, и на сей раз он вызнал причину.

— Финны²⁸ живут в здешних местах, — объяснил Оттар. — Видишь сложенные камни там, на горе? Это их путевой знак.

Финны жили и в Раумсдале, где-то в заросших лесом горах. Но они были немногочисленны, и их никто не боялся, предпочитая, правда, не ссориться. Все финны рождались могучими колдунами, а колдунов не стоит сердить. Хельги понизил голос, чтобы не расслышал подкрававшийся оборотень, и спросил:

— Ракни конунг хочет устроить набег?

— Это была глупость, и Оттар засмеялся:

— Не много толку было бы от набега, потому что финны обычно успевают удрать, да и взять-то с них нечего, кроме дырявых оленьих шкур... Ракни просто не хочет обижать финских Богов. Они живут в камнях и не любят, чтобы рядом шумели.

Вот Хельги и вертел головой, сойдя с берега. Мало ли кто сидит в соседней скале! Он даже песком по донцу котла старался ерзать потише. Это не всегда получалось, и Хельги виновато косился на крутые лбы валунов: не сердчайте, финские Боги. Я же совсем не хотел вам помешать.

А про себя уповал, что могучий Тор его защитит. Не сюда ли, на север, ездил Тор в своей колеснице и крушил молотом великана за великаном, а карликов, жителей подземелья, просто давил ногой, как червей!..

Хельги притащил чистый котел назад на корабль, и Оттар посмеялся над ним снова. Финны, сказал он, клали жертвы вовсе не каждому камню подряд, а лишь некоторым, и те священные камни очень легко отличить.

А пока Хельги возился в грязном песке, Оттар успел сходить на лодке к расселине в скалах. Теперь, когда отступили накатывавшиеся волны, там совсем не стало прохода тяжелому морскому кораблю.

— Лучше разведать, что хорошего впереди, — сказал Оттар конунгу, когда лодочку втащили на палубу.

28 Финны — здесь: саамы (лопари). Скандинавы считали их искусными колдунами. В древнейшие времена саамы населяли всю Скандинавию, а не только северную ее часть. Норвежцам времен викингов был полностью чужд национализм, и смешанные браки не были редкостью.

— Но зато я видел кита, застрявшего в бухте. Мы можем вернуться и убить его на мелководье.

— Посмотрим, — ответил вождь.

9. С глупцами не спорь.

Совсем поздно ночью, когда солнце повисло низко над северным горизонтом, Хельги улизнул с корабля поискать особенные валуны, стоявшие, как объяснил Оттар, каждый на нескольких других, поменьше. Было страшно, но любопытство возобладало. Да и не собирался он уходить далеко.

Он сперва даже вздрогнул, увидев рыжего Луга коленипреклоненным. Но потом разглядел две палочки, связанные накрест, и успокоился. Все ирландцы христиане. Можно было с самого начала сообразить, что к чему.

Луг заметил присутствие Хельги, но молитву не прекратил. Хельги сел неподалеку и стал смотреть, как Луг шевелил губами и делал священные знаки у себя на груди. Он не боялся, что помешает ирландцу. Брат говорил — христиане любят славить своего Бога в людных местах, надеясь привлечь побольше народу.

— Ты молился Белому Богу?²⁹ — спросил Хельги, когда Луг поднялся с колен. Ирландец кивнул, а потом указал на будто выстриженные волосы у себя над лбом:

— Видишь? Это теперь все заросло, а раньше здесь была тонзура. Я монах.

Хельги много слышал об удивительных людях, которые не носили оружия и не брали себе жен. Но видеть живого монаха ему не приходилось. Он поудобней устроился на подушке серого мха:

— Расскажи мне об этом, ведь вы, ирландцы, умеете рассказывать занятно. И еще я хочу, чтобы ты выучил меня своему языку. Все мои родичи ходили к вам в Западную Страну,³⁰ и я там побываю.

Луг подошел к нему и сел рядом.

— Теперь у меня другой рассказ на уме, Хельги сын Хельги. И тоже очень занятный.

Хельги вскинул на него глаза:

— Ты... назвал меня по имени, ирландец?

Монах улыбнулся доброй улыбкой.

— Надо быть сыном хорошего отца, чтобы грести, как ты вчера, и не жаловаться на холод.

Хельги отвернулся, чувствуя, что краснеет. Ему-то все это виделось совершенно иначе.

— Ладно, — буркнул он, пряча смущение. — О чем ты собирался мне рассказать?

— О том, — ответил ирландец, — как я сам угодил к ним на корабль, и, может быть, это научит тебя и предостережет. На вашем языке такое называется страндохуг...³¹ Ракни и еще один вождь, с которым они тогда вместе ходили, решили пожить в нашем монастыре. Его людям показалось, что меня можно будет с выгодой продать на торгу, но я всех разбрасывал, пока не подошел Оттар и не скрутил меня один на один. Тогда меня связали и бросили в трюм, где сидел уже Карк. Его еще раньше взяли в каком-то датском дворе, и там он тоже был рабом. Вот так я оказался в плену и думал, что, верно, всю жизнь буду пасти свиней где-нибудь в Северном Мере. Однако Господь покарал викингов штормом вроде того, который загнал нас сюда, но только еще похуже, и второй корабль опрокинулся у всех на глазах. Ракни хотел спасти людей, но вытащил всего троих. Вот тогда кто-то сказал, что Богам

нужна жертва, и для этого могут пригодиться пленники, сидящие в трюме.

Хельги молча кивнул: такое случалось.

— Я решил, — продолжал Луг, — что гибель приблизилась, и начал молиться. Но Оттар ответил тем людям, что больше проку будет дать нам ведерки. Сначала мы с Карком черпали воду, потом Ракни пришлось посадить нас на весла. А тех, кто держал в руках весло, уже не продают на торгу.

Хельги снова кивнул. Желтое небо на севере задумчиво тлело, не потухая и не разгораясь. Хельги проговорил:

— Ты, верно, пожелал остаться у Ракни, потому что решил попутешествовать, но от оружия отказался, ведь ты монах.

Луг ответил:

— Я прочел множество книг о храбрых и праведных людях, пересекавших море на кожаных кораблях, а теперь Господь дал мне случай самому посмотреть на чудеса. Ракни великий мореплаватель и путешествует всюду, куда может добраться на корабле. Когда-нибудь я вернусь в свой монастырь и поведаю братьям о походе на Свальбард...

— И о том, — вставил Хельги, — как отомстят Вагну сыну Хадда из Вика.

— Да, — повторил Луг медленно, — и о том, как будет убит Вагн сын Хадда из Вика. Но я не все еще тебе рассказал... Карк повадился служить Оттару после того, как тот спас жизнь нам обоим. Карк, бедняга, уже не находит счастья в свободе, ибо не ведает, что такое свобода. Оттару это наскучило, и он не случайно посоветовал тебе выкинуть его рыбам, а потом позвал к себе на весло. Ты сам решишь, как поступать, но я бы предложил тебе быть осторожней. Господь не дал Карку большого ума. Карк просто хочет служить Оттару и думает, что без тебя для него все станет как прежде.

Хельги повел плечами: толстая вязаная рубашка неплохо вывучала его, но из темной расселины тянуло сырым сквозняком.

— Я не боюсь Карка, — сказал он ирландцу. — Я не стану с ним спорить, ибо Один не советовал спорить с глупцами. Но ты пожелал меня предупредить, и я тебе благодарен.

Когда они вернулись на корабль, Оттар уже лежал в своем спальном мешке. Хельги прокрался по палубе и неслышно устроился рядом, чтобы не потревожить его, но Оттар приподнялся на локте и сказал:

— Я давно хочу спросить, а нету ли у тебя дома сестренки на годок постарше, чем ты?

— Нету, — ответил Хельги удивленно. — У моей матери никого больше нет, кроме меня.

— Жалко, — сказал Оттар и закрыл глаза, сунув руку под голову, а Хельги задумался, с чего бы это викингу понадобилось спрашивать его насчет сестры. Ему вдруг показалось досадным, что у него не было сестры и нельзя было похвастаться перед Оттаром ее красотой, и он почти уже решил рассказать ему о Вальбьёрг, однако в последний момент хватило ума промолчать. Ведь если бы Оттар появился около Вальбьёрг в кетилевом дворе, ему, Хельги, определенно незачем стало бы туда приезжать!

10. Белая шубка

Гребцы не торопясь работали веслами. Корабль тихонько крался вперед, следуя изгибам фиорда. Оттар

29 Белый Бог — в скандинавской традиции христианский Бог, Христос.

30 Западная Страна — Ирландия.

31 Страндохуг — набег викингов на побережье с целью пополнения съестных запасов и грабежа.

стоял на носу, и гибкий шест в его руках внимательно проверял глубину, нащупывая камни.

Места были совсем незнакомые, и даже Ракни вождь не знал, куда выведет этот залив. Люди настороженно молчали, делая долгие промежутки между гребками, и потому-то им удалось расслышать слабый плеск весел, доносившийся откуда-то спереди.

Ракни негромко подал команду. Чмокнула крышка трюмного лаза, и викинги начали вооружаться. Хельги принес Оттару его меч. Оттар поблагодарил кивком и распустил на ножнах завязки.

Корабль как раз проходил под нависавшей скалой, почти дотянувшейся в вышине до побратима-утеса на том берегу. Опытный Ракни не зря приказал оставить мачту лежащей: прямо над головами проплывали скользкие гранитные своды, покрытые накипью, разноцветным лишайником, красным, желтым и черным... Людям почти не приходилось грести. Начавшийся прилив рожддал проворное течение, и оно несло корабль само по себе.

Вот форштевень медленно выдвинулся из-за скалы, и все невольно вытянули шеи, вглядываясь вперед. Фиорд здесь неожиданно расширился, заполняя круглую чашу шириной в полтора полета стрелы. Посередине торчал из воды огромный валун, чем-то похожий на закутанного в шубу старика. Была даже голова в шапке, словно изваянная отдельно и положенная сверху. Прилив знай карабкался по каменным складкам одежд, и вокруг старика кипели злые водовороты.

К этому-то камню с другого конца фиорда двигалась целая вереница маленьких лодок. А в лодках сидели финны.

Любопытному Хельги очень захотелось рассмотреть их поближе, но где там! Первое мгновение минуло в ошеломленной тишине, зато потом финны чуть не одновременно развернули свои суденышки и кинулись прочь с таким криком, словно к ним пожаловал оживший мертвец, или, хуже того, прадед-камень снялся с насиженного места, взмыл в небеса и полетел прочь!

Когда от тебя ударают, всегда хочется догнать. Да и оружие, привешенное к поясам, само собою затанцевало в ножнах. Гребцы дружно рывкнули и навалились на весла, бросая вперед тяжелый корабль. Ни дать ни взять проголодавшийся кот соскочил с лавки на брызнувших по полу мышей. И никому не ведомо, чем кончилось бы дело, но тут Оттар обернулся и заорал во все горло, останавливая друзей. Он первым заметил, что одна из лодок так и осталась беспомощно раскачиваться, лишенная весел: пока плыли все вместе, другая подталкивала ее впереди. А в лодке была девушка. Маленькая, съевшаяся от ужаса и потому казавшаяся еще меньше.

— Тихо вы!.. — смиряя голос, приказал Оттар гребцам и добавил: — Поймаем её, пока не выскочила в воду.

Сам он осторожно, без стука опустил на палубу свой шест и перегнулся наружу, ложась на борт животом.

Лодка с девушкой медленно приближалась. Эта лодка действительно сильно отличалась от остальных — разукрашенная, убранный перьями и кусочками меха, мягко застланная донной травой. Девчонка сидела в ней ни жива ни мертва, этакая малявка в белой шубке до пят, сама похожа на беленького олененка, только выучившегося бегать... Ветра не было, весла корабля почти беззвучно двигались в лодках, и Оттар уже разговари-

вал с нею на языке финнов, именно как с олененком, отбившимся от стада.

У неё в суматохе свалилась с головы вышитая перевязка, и видны были прямые русые волосы. Карие глаза округлились, скулы мягкими бугорочками выступили на побелевшем лице. Она не отвечала Оттару, верно, со страху немного понимала. Только то, что он не кричал на нее, не угрожал...

Ракни конунг на корме подал знак, останавливая весла: корабль приблизился к лодке вплотную и навис над ней темно-синей скулой, оцарапанной о кулаки валунов. Оттар совсем свесился наружу и медленно, не делая резких движений, протянул девушке руки:

— Ты думаешь, я равк,³² выскочивший из могилы? Потрогай меня, я теплый, я живой.

Ужас перед незнакомцем сперва отогнал её к другому борту лодочки, так, что та чуть не перевернулась. Но мало толку спасаться влывай от людей, на воде чувствующих себя едва ли не увереннее, чем на суше: а может, ей, как некогда Хельги, почудилось, будто у Оттара совсем не злые глаза... Она тихо-тихо подняла руку и доверчиво тронула подставленную ладонь.

Наверное, она думала тут же отдернуть руку, отскокить... какое! Опустевшая лодка легко закачалась, отходя от корабля: Оттар выпрямился и перенес девушку через борт.

Он поставил было её на палубу, но потом засмеялся и поднял рядом с собой на скамью, и только тогда её голова приподнялась над его плечом. Финны рождались малорослыми все как один, и подле Оттара это было особенно заметно. Викинги, посмеиваясь, сгрудились вокруг, и девчонка совсем помертвела, сообразив наконец, в какую переделку попала.

Хельги нашел взглядом Луга и заметил, что ирландец покрылся красными пятнами и, не имея оружия, стискивал найденный под скамьями багор... Хельги понял, зачем. И похолодел, поймав себя на странном желании: ему захотелось встать рядом с монахом и заступиться за девочку — свалиться мертвым на палубу — но не услышать, как она закричит, когда с неё сдернут одежду...

Карк протянул руку и уцепился за ушку сквозь белую шубку. Решил, видно, потешиться хоть так: все равно ему не скоро дадут ее поцеловать. Она ахнула и прижалась к Оттару, как к родному, а Оттар оглянулся, увидел ухмылявшегося Карка и вдруг больно, хлестко ударил его по руке... Карк отскочил, ссутулившись еще больше. Как собака, что не признала хозяина переодетым, куснула его, получила пинок и теперь готова ползать на брюхе, вымаливая прежнюю ласку... Оттар обнял расплакавшуюся девочку, стал гладить встрепанные волосы:

— Не бойся, Беленькая.

Ракни подошел к ним, оставив правило.

— Хватит реветь! — проговорил он сурово. — Давай лучше рассказывай, куда тебя везли все эти люди!

Морской конунг никогда не имел семьи, и полудетские слезы Беленькой его только сердили. Не надо было долго разглядывать Ракни, чтобы понять: перечить ему не стоило. Разумная девушка всхлипнула еще раз или два, утерлась и начала говорить. Она всё еще держалась за Оттара, и он, конечно, легко мог бы оторвать от себя цеплявшиеся пальцы, но не делал этого, только переступал с ноги на ногу и улыбался.

...Финны племени самэк,³³ или Люди-олени, откочевали на острова еще зимой, когда проливы схватило

32 Равк — самый страшный персонаж саамских легенд, "оживший мертвец". По представлениям саамов, таковым мог оказаться любой незнакомый человек.

33 Самэк — одно из самоназваний норвежских саамов.

льдом и можно было проехать. Здесь не так мучил оленьей злой прилипчивый гнус, и важенки спокойно телились в привычных местах, принося здоровый приплод. А кроме того, здесь всегда славно ловилась рыба, и можно было досыта есть и в изобилии вялить про запас на ветру. Так было всегда на памяти рода, но не нынешним летом. Что-то случилось с неисчислимыми прежде стадами трески. Наверное, это нагая женщина Саэиен прогнала её от берегов...

Тогда стали спрашивать мудрого нойду³⁴, знающего колдуна. Три дня нойда не ел и не пил и наконец взял звонкий бубен и поднялся духом к Пейве-Солнцу и к ясному месяцу, а потом спустился к мертвым под землю, в страну Ябме-акко-абимо... И поведал, вернувшись, что нужно принести в жертву коня. Белого коня из тех, на которых ездят тайа³⁵ — высокорослые чужаки. А не съездят коня, пускай к богам уйдет человек.

Ехать искать коня было долго и хлопотно: по голым горам, через проливы, за множество островов. Времени минует — страшно сказать, а долго ли протянешь без доброй трески, на одних морских слизнях и птичьих яйцах, собранных по обрывам! Сам с голоду умрешь и деток уморишь, либо без оленей останешься, тоже не лучше. Вот и указали на неё старухи со стариками, и нойда одобрил их выбор, велел ей надевать праздничный белый печок,³⁶ чесать волосы гребешком. И то: неужели не смилостивится Живущий-на-камне, не поможет правнукам, давшим ему крепкую, красивую, искусную в любой работе жену?..

— Вон там живет сейд...³⁷ — указала Беленькая на каменного старика. — В прилив там всегда случается водоворот... Я должна была уйти к нему жить...

Он и вправду хлопотал возле скалы, жадно поднимаясь всё выше... Беленькая смотрела заворуженно. Оттар покосился на вождя.

— Сейд уже смилостивился, — сказал Ракни отрывисто. — Догоняй своих и растолкуй им, чтобы возвращались. Тайа покажут место, где на мелководье лежит великая рыба. Её, мне думается, хватит на всех.

Оттар снова перегнулся через борт, опуская девушку в лодку. Было заметно, что ему совсем не хотелось с ней расставаться. Он передал ей весло. Она стремительно ударила лопастью, и лодочка полетела стрелой. Уже исчезая в протоке, лукавая девчонка оглянулась и помахала рукой. И Оттар немедленно помахал в ответ, решив, конечно, что это предназначалось ему.

Молчаливые темные горы отражались в узком фиорде, угрюмое небо дарило пасмурный свет, и даже снег на вершинах не резал глаз в ползущем тумане. Непогожие дни вправду окутывают северный край тяжелым плащом — но этот серый плащ соткан из такого количества разных нитей, от пепельных до серебряных и жемчужных, что невозможно наглядеться досыта...

11. Мать и отец

К концу дня финны перебороли страх и вернулись, и все вместе они отправились за добычей. Финнов было едва ли не меньше, чем мореходов: в краю, скудном пищей, люди селятся далеко друг от друга, чтобы не мешать охотиться и пасти оленьи стада, и ездят в гости к ближнему соседу за три дня пути. А одевались они почти одинаково, что мужчины, что женщины, сторон-

ний глаз не сразу и разберется, кто где. Хельги сперва показалось, будто у всех у них были больные, несообразно опухшие ноги, но потом он пригляделся и понял — это из-за обуви, набитой травой и крепко примотанной к шиколотке, чтобы не проникла вода. Наверное, Людям-оленьям так было удобно.

Злополучный кит никуда не делся со вчерашнего дня. Он всё так же ворочался и пыхтел в мелкой бухточке-луже, и финны радостно загомонили, увидев его: поистине, такая гора мяса только и могла быть подарком богов! В руках охотников появились гарпуны с наконечниками из кости и рога, редко у кого с драгоценными железными острями. Викинги приготовили копья, Луг и Карк вооружились широкими ножами, разделявать тушу. Спустили лодку и направились к киту.

Обреченный исполин недолго бил могучим хвостом. Слишком опытные и смелые были люди и хорошо знали, как быстрее прикончить зверя и не оскорбить его дух лишним страданием. Хельги собирал по берегу плавник. Ему бросилось в глаза — Оттар резче замахивался и бил вдвое сильнее, если видел, что Беленькая на него смотрит...

...Последняя судорога погасла на жирных темных боках, и финны облепили тушу, как муравьи. Их пир начался немедленно, они не дожидались, пока разгорится огонь и мясо на палочках потемнеет, обретая дразнящий запах. Рыжего Луга так и передернуло от отвращения, когда викинги тоже начали подходить к киту и лакомиться, придерживая левой рукой горячие сочащиеся полоски и обрезая мясо ножом у самого рта... Плюнув, Луг перекрестился и сел возле костра к ним спиной. Ему, прочитавшему сто книг, неоткуда было знать, что сырое, еще по сути не умершее мясо имеет совершенно удивительный вкус и лучше поддерживает силы, чем всякая иная еда, а зимой лишь оно порой может отогнать страшную хворь, от которой выпадают зубы и приключается смерть...

Истинная мудрость готова не только учить, но и вбирать чужую науку, обогащаясь сама.

Во время охоты финны понемногу перестали дичиться и в конце концов перемешались с викингами за огромным общим костром. От сытости и жара огня их лица румянились, пушистые обвешенные собаки и те благодостно виляли хвостами, утратив обычную злость. Когда подошло время укладываться, Люди-олени уже безбоязненно утвердили на берегу длинные жерди и натянули кожаные шатры. В такой шатер-кувас не помещается много народу, зимой там устраивают женщин с ребятами, мужчины же всовывают внутрь голову и плечи, выставляя ноги наружу, и спят прямо на снегу, не думая замерзнуть в теплых меховых штанах.

Викинги, как обычно, отправились спать на корабль. Тут Хельги приметил, что Оттар куда-то запропастился, и окликнул его, приложив руки ко рту. Оттар не отозвался. Хельги встревожился и подошел было к Ракни, но конунг досадливо отмахнулся:

— Оттар придет.

Он, должно быть, знал, о чем говорил. Хельги долго ждал Оттара, потом все же влез под кожаный полог, пригласив Оттару его мешок и залег один под скамью.

Оттар вернулся очень поздно, вернее, не поздно, а рано, потому что близилось утро. Хельги проснулся, когда викинг толкнул его коленом, пробираясь впо-

34 Нойда — саамский жрец, шаман, иногда — колдун.

35 Тайа — саамское название для всех несаамов.

36 Печок — саамская верхняя одежда из оленьего меха шерстью наружу.

37 Сейд — в саамских легендах дух обожествленного предка, живущий в камне; согласно поверьям, может выйти наружу в образе старика с длинной седой бородой, в очень простой одежде, с сияющим посохом. Сейд не любит шума и суеты и может, разгневавшись, перелететь на другое место. Сейдам еще в начале XX в. приносили жертвы, в том числе и кровавые.

мах. Оттар был чем-то очень доволен и даже мурлыкал чуть слышно, стаскивая одежду. Он блаженно заснул едва ли не прежде, чем забрался в мешок. Он всегда так засыпал. Зато Хельги остался лежать с открытыми глазами, уставившись в темноту палатки, и горечь, какой он никогда раньше не знал, затопляла его, не оставляя просвета. Он никогда и ничего не докажет Ракни и Оттару. Он так и будет чистить песком грязный сальный котел. А когда они сходят на Свальбард и зарубят там несчастного Вагна, он вовсе им надоест, и они продадут его на первом же торгу. Ну и что с того, что он греб весло на боевом корабле. Вот так другие люди украли из дому и продали его мать. Там, в Гардарики. Ведь если поискать хорошенько, у него нашлись бы за морем и бабка, и дед, давно оплакавшие дочку и никогда не видевшие внука!..

Хельги сам не знал, что это такое на него накатило. И добро было бы из-за чего. А то из-за того лишь, что Оттар и Беленькая гуляли по острову, вместе провожая зарю!..

Мать рассказывала Хельги, как она впервые увидела отца.

Они сидели в палатке хозяина-купца — двенадцать молоденьких рабынь, и со страхом смотрели на затаенный пологоем вход. Этими местами шло на рать войско храброго словенского князя, вот хозяин и расположился тут, в прибрежном лесу, и принес богу торговли кусок мяса и луковицу, испрашивая барыша.

Его палатку правильнее было бы назвать землянкой, ибо слуги растянули ее над ямой, убранной изнутри досками и тканью. Ступеньки уходили наверх, к пологу, не дававшему видеть синее небо. Впрочем, палатка была старая и довольно дырявая, ветер шевелил мешковину, и тонкие лучики бродили по лицам рабынь.

Сюда уже заглядывали воины-словене, юные и постарше, но ни одной не купили, потому что хозяин боялся продешевить и торговался упрямо. Теперь лучики переселились на дощатую стену, и самые беспечные из рабынь понемногу переводили дух: им начинало казаться, что страшный торг и новые хозяева не сбудутся для них еще несколько дней.

Тут-то снова послышались приближающиеся голоса, взлетел кверху полог, и хозяин колобком скатился в палатку.

— А ну улыбайтесь, кикиморины отродья!.. — зашипел он на шарахнувшихся девчонок. — Да повеселее, если по ремню не соскучились!..

А следом уже спускался другой человек, и дощечки ступенек жалобно поскрипывали под ним, потому что входивший был великаном.

Мать не встала — Хельги внимательно приглядывался к дяде и брату, да и сам был уж никак не меньше всех во дворе...

Этот вошедший выпрямился и подпер крышу светловолосым затылком. Он вглядывался в полутьму и явно не слушал трескотни купца, нахваливавшего товар. Ветер снова рванул холст, и луч солнца упал на его лицо. Мерзкое нутро было у торговца рабынями, но подле этого воина он показался еще и отвратительным внешне!..

А отец мгновенно обежал глазами несчастных перепуганных девок, увидел мать и указал на нее рукой. Она узнала потом — другие люди рассказали ему, будто здесь была рабыня, похожая на женщину, которая его не любила... Вот он и пришел сюда именно за ней, а не за другой. А тогда она в ужасе отшатнулась, пряча ладонями лицо и умоляя своих гардских Богов явить светлое чудо и сделать, чтобы не на нее, не на нее ука-

зала жилистая, окованная мозолями рука... Только представить, как эта рука ляжет ей на плечо! Но Боги чуда не сотворили, и подружка, сидевшая рядом, тихонько заплакала. А хозяин подскочил к матери и больно рванул за косу:

— Утрись, дура, выпорю!..

Слезы портят лицо — кабы этот урманин еще не вернулся и не ушел... Но отец шагнул вперед и отшвырнул купца, едва не свалив:

— Я выбрал ее, и теперь я сам стану ее бить.

Он совсем не плохо говорил по-словенски, отец. Хельги теперь, наверное, говорил еще лучше.

— Не самая красивая тебе приглянулась, — радостно засуетился торговец. — Смотри, у меня есть и другие, получше...

Он даже не думал обижаться, хотя его чуть не вываляли в пыли. Отец слушал впол-уха, изредка поглядывая на мать:

— Я выбрал ту, которую выбрал, и не ты мне будешь советовать. Неси сюда весы!

Сметливый купец понял уже, что северный воин не покупится на серебро, и назвал цену неслыханную — три марки³⁸. Хельги Виглафсон заплатил не торгуясь. И пришлось матери подняться с земляной лавки, потому что он крепко взял ее руку пониже локтя, как привык братья за весло или рукоять секиры, и почти поволол вон из палатки...

Так она шла за ним, стремительно шагавшим через лес, просвеченный красноватым садившимся солнцем, к берегу и кораблю, и едва не падала с ног — шаг отца был для нее слишком широк, а колени подламывались от беспомощного, унижительного страха, и его пальцы зло и больно сжимали ей руку, и перед глазами кружилась тропа и медные сосновые стволы...

Она же не знала, что они с отцом полюбят друг друга, и вся жизнь разделится для нее пополам: на девять дней с ним и на множество зим без него...

Хельги понял, что больше не уснет все равно, и сел в темноте, поджав под себя ноги. И тягостная, нехорошая мысль впервые посетила его: а может, и не было между ними никакой любви, и рассказы матери на самом деле лишь выдумки, которыми она тешила его и себя?.. Дымилось разгромленное капище, и Боги падали с алтарей! Наверняка отец поступил с нею так, как всегда поступают с рабынями, и она теряла рассудок от ужаса и пыталась вырваться из его рук, но это было невозможно, она сама вспоминала, как взвешивали за нее серебро и понадобилось разделить монету, и отец сломал ее в ладони...

Оттар ровно дышал рядом, закутавшись в мех.

Брат говорил, у отца не было других рабынь. Наверное, брат не обманывал, и мать действительно хотела быть убитой и похороненной вместе с отцом, но всё это не имело больше значения. Хельги теперь доподлинно знал, как было дело, и никому не удастся его переубедить.

Люди редко жалуют купленную на торгу. Но это была совсем особенная рабыня, непохожая на всех остальных, это была его мать. Хельги стало отчаянно жалко мать, которую он всегда считал такой счастливой. Он угрюмо усмехнулся собственной жалости и подумал: что же, тем другим девчонкам, которых вместе с ней продавали, досталась доля еще хуже. Их не обнимали прославленные воины, у них не родились сыновья, для которых можно было бы выдумать сказку.

Хельги выбрался из шатра и стал смотреть на рыжее зарево, медленно переползавшее по горизонту. Ирландец Луг, назначенный сторожить, неподвижно сидел на

38 Марка — скандинавская мера веса, около 216 граммов, и одновременно мера стоимости.

другом конце корабля. Ветер дул с океана, и Хельги вдруг показалось, что вместе с ветром долетал зловещий, тихий, медленный грохот. Хельги не выдержал, подошел к Лугу и спросил его:

— Ты что-нибудь слышишь?

Луг прислушался и покачал головой.

— Нет, ничего.

Хельги остался около него. Под чугунными небесами ползла с моря чужая черная жуть, пробиравшая пуще ночного холода, до костей. От нее не укроешься в палатке, не спрячешься в мешке из жаркого оленьего меха, можно лишь уехать в иные края, туда, где растут большие деревья и солнце спокойно спит по ночам, а не бродит, навевая горькие мысли, как утратившая покой душа.

Одинок и беззащитен был скорлупка-корабль в тяжелом камне фиорда, посреди холодной земли, осиянной бледной полуночной зарей...

12. Богиня, дарующая сыновей

Утром Оттар протянул Хельги туго скрученный сверток:

— Держи! Это тебе.

— Спасибо, — сказал Хельги и взял.

Викинг расхохотался:

— Не мне, Беленькой спасибо. Она сказала, ты плохо одет и непременно замерзнешь там, куда мы собрались. Она отругала меня и велела присматривать за тобой получше. Она решила, ты мой младший братишка.

Хельги раскрыл сверток. Там оказался теплый олений полушубок, занимавший удивительно мало места, такие же штаны и еще рукавицы. Он немедленно натянул дареное: все оказалось более или менее впору, может, чуть-чуть великовато. Сперва это удивило его, ведь он был много выше самого высокого финна. Но потом вспомнилось, что финны часто торговали с соседями — может, и эта одежда была сделана на продажу. Хельги всунул руки в мягкие, толстые рукавицы, предвкушая, как славно будет в них на заснеженном Свальбарде... и сообразил, что Оттар навряд ли вспомнил бы об ошибке Беленькой, посчитавшей их братьями, если бы эта ошибка была ему неприятна. Он смутился и проговорил:

— Думается, финны решили поселиться возле кита. Вон, женщина уже строит жилище, и муж ей помогает.

Повыше кита действительно копошились две крохотные фигурки, перетаскивавшие дерн, камни и жерди. Оттар пригляделся внимательней и засмеялся:

— Строить-то она строит, но не для себя. Этой женщине скоро рожать, а в новом домике станет жить Богиня Саракка, посылающая девочек. Финны предпочитают, чтобы рождались девочки. У них и вождь женщина, если ты заметишь.

Он помолчал и вдруг добавил мечтательно, смягчаясь лицом:

— А вот у меня будет сын. Беленькая обещала молиться другой Богине, той, что дарует сыновей.

Хельги едва не выронил ремешок, которым подпоясывался.

— Ты взял Беленькую в жены?

Оттар ответил:

— Я подарил ее матери три ножа и колокольчики для ездового оленя, и она не отдаст Беленькую друго-



му. Когда мы вернемся, я сразу увезу ее и устрою пир, какой полагается.

Хельги почему-то обрадовался за него, как будто Оттар действительно был ему братом. Вот ведь как по-разному распоряжается судьба. Бывает, едут на свадьбу, а приходится ввязаться в сражение. Бывает, видно, и наоборот...

Китовая туша не была еще съедена даже наполовину. Налетевшие птицы тучами клубились над пищей, и финны напрасно пробовали их отогнать. Люди Ракни конунга вялили мясо, развешивая его так, чтобы не добрались собаки.

После утренней еды Хельги вновь поволок по берегу тяжелый закопченный котел. Пока он чистил его, мимо прошел Карк; в этот раз он дольше обычного торчал поблизости и улыбался насмешливее, чем всегда. Или Хельги так показалось. Разом поднялось в душе все пе-

режитое за ночь!.. А если Ракни приставил его к котлу только затем, чтобы посмотреть, покорно ли он согласится пацкаться вместо раба?.. Не зря говорят люди — тому не нужна лучшая доля, кто за нее не дерется!

— Ну вот что... — сказал Хельги и выпрямился, отряхивая руки. — Не будешь ты радоваться, на меня глядя. Бери-ка этот котел и скреби его сам, а у меня найдутся дела поважней!

Вольноотпущенник взбесился мгновенно: он все еще надеялся одолеть Хельги в бою на ножах, зная, умишко ему и впрямь отпущен был небогатый. Хельги встретил его самым простым приемом, на который в Линсетре не попался бы ни один сосунок. И немного погодя уже сидел верхом на распластанном теле, крепко держа. Карк не сопротивлялся.

— Будешь чистить котел? — спросил Хельги спокойно, Карк отозвался покорно:

— Буду...

Новое унижение мало что добавило к тем, которых он перенес в жизни без счета. Хельги выпустил его и ушел. Велика ли честь придавить к земле неумеху, для славы выбирают лучшего противника, а не худшего. Но пусть они видят — и Оттар, и сам Ракни сконунг — Хельги не раб и никому не даст обращаться с собой как с рабом...

Они провели у финнов еще несколько дней, отдыхая и запасаясь в дорогу. И теперь уже не один Оттар, а добрая половина оставалась ночевать на берегу. Маленькие круглолицые женщины ласково их принимали. А мужья не только не гневались, но, кажется, были довольны. Великую удачу принесли на их берег тайа-мореходы — пусть же удача задержится навсегда...

Люди-олени рассказали, что этот фиорд нигде не имел удобного выхода в море, но с северной стороны можно было выбраться через волок. Туда и решили отправиться.

За два дня перед отплытием у Оттара пропал кот. Он и на прежних стоянках никогда не пропускал случая погулять в одиночку, поохотиться на пестрых мышей, но всегда успевал вовремя взбежать по сходням на корабль. В этот раз он не возвращался очень уж долго. Подстерегла ли его коварная расщелина в скалах, из которой не выбраться даже ловкому и цепкому зверю, или разорвали злые финские лайки, или подхватила когтистыми лапами белая северная сова?..

— Может быть, я и знаю, в чем дело, — сказал вольноотпущенный Карк. — Один из нас недавно был оцарапан и пообещал не вытаскивать кота, если тот свалится за борт...

Он не глядел на Хельги, но Хельги отозвался:

— Это случилось со мной, однако кота я не топил.

Он готов был держаться на своем до конца, но Оттар не стал его расспрашивать, только махнул рукой:

— Брось, Карк, тебе уже мерещится.

Карк понял, что обвинить Хельги не сможет, и замолчал. У него был вид промахнувшегося ударом. А потом втащили мостки, и люди самэк, вышедшие к воде, сладили мореходам добрый путь: воткнули в землю шалашиком три сучка и положили сверху четвертый, длинный, смолистый, обращенный вослед кораблю...

13. Я вернусь еще до зимы

День перевалил полуденную черту. Оттар молча работал тяжелым веслом, а Хельги сидел рядом на палубе, поглядывая вперед. На самом деле уже давно была его очередь, но Оттар просто не отдал ему весло и не пустил на скамью. Он греб и греб, и Хельги даже не пытался с ним заговорить. Он знал, что к чему. Белень-

кая, с которой Оттар все эти дни был неразлучен, не пришла проводить корабль. Ее мать и та ничего не могла объяснить и лишь растерянно отвечала, что Беленькая еще на рассвете уехала куда-то на лодке. Оттар не стал разыскивать ее и не попросил Ракни помедлить с отплытием...

В конце концов Хельги не выдержал и обратился к нему:

— Может быть, ей не хотелось, чтобы ты видел ее слезы.

Оттар отозвался не сразу:

— Может быть.

Хельги почудилось, будто складка на его лбу немного разгладилась, и он задумался, что бы такое сказать ему еще. В это время один из викингов, сидевший по другую сторону прохода, обернулся и хмыкнул:

— Не ждали мы, Оттар, что ты так раскиснешь из-за девчонки. Понадобилось тебе положить глаз на финку, она же у любого повиснет на шее, как у тебя.

— Что? — спросил Оттар ровным голосом. — Что ты сказал?

Мудры были люди, установившие обычай в мире держать оружие в сундуках. Другое дело, парни вроде Оттара и голыми руками натворить могут немало.

— Вы там, на носу!.. — проскрипел от правила голос Ракни вождя. — Чем ссориться, посмотрите-ка лучше вперед!..

Оттар и Хельги одновременно вскинули головы, и Оттар ничего не сказал, только вобрал в себя воздух как-то странно, со всхлипом.

Вывернувшись из узкой протоки, наперерез кораблю летела легкая лодка. Весло равномерно взблескивало в руках финской девчонки, стремительно гнавшей лодку вперед. А на носу, подняв, словно боевое знамя, пышный белый хвост, стоял кот. Кот пел победную песнь: плеск воды заглушал его вопли, но Хельги видел, как раскрывалась маленькая зубастая пасть.

На корабле сразу перестали грести. Оттар не глядя бросил весло, и Хельги подхватил скользнувшую рукоять. Растрепанная и раскрасневшаяся девчонка ловко подогнала лодочку к борту, и кот, собравшись в тугую комок, прыжком преодолел полосу воды, без промаха вцепившись Оттару в плечо. А Оттар низко наклонился наружу и вновь, совсем как тогда, вынул Беленькую из лодки. Только в этот раз он долго не ставил ее ни на палубу, ни на скамью. Держал в руках и целовал, целовал без конца...

Кот спрыгнул с его плеча, и, метнувшись, вскочил к Хельги на колени. Хельги принялся гладить теплое кота, слушая громкое счастливое мурлыканье и про себя торжествуя: стал бы разумный кот ластиться к человеку, пытавшемуся его погубить!..

Беленькая рассказала, что произошло. Оказывается, ее младший брат нашел возле берега мешок, в котором что-то барахталось и жалобно кричало. Мальчик сперва испугался, но потом вытащил мешок из воды и спас полузадохшегося кота. Ему понравился красивый и ласковый зверь, и он надумал оставить его у себя. Хорошо, Беленькая смекнула, где следовало искать сорванца...

Она сидела рядом с Оттаром, тесно прижавшись, и он держал ее в крепком кольце рук, не думая выпустить. Хельги взглядывал на них порой и сразу отводил глаза, словно подсмотрев ненароком что-то совсем для него не предназначенное...

Вечером, когда корабль подошел к волоку и были брошены якоря, Оттар и Беленькая ушли далеко за скалы и разожгли там костер.

— Вечно этот Оттар оказывается тут как тут, —

проворчал один из людей. — Я бы тоже не отказался посидеть с красивой финкой возле огня!

Ракни, слышавший это, усмехнулся:

— Мой приемный сын оказывается тут как тут и тогда, когда надо выручать всех. Если бы ты всегда вел себя как он, может, и девушки сделались бы улыбчивее!

Утром стали перетаскивать корабль.

Даже самые большие корабли строят так, чтобы легко водить их по волокам, перекладывая катки. Это разумно — мало ли что встретится в дальней дороге! Вот и на Олене деревянные катки хранились под палубой, рядом с камнями, уложенными в трюм ради остойчивости корабля. Теперь их вытащили наружу — иные совсем новые, другие посерелые от старости; вмятины на них казались привезенными с другого конца света. Разгруженный корабль легко плясал в мелкой прибрежной воде. Вот под киль подвели первый каток с выточенной на нем ложбинкой, дружно налегли... Корабль задрожал, и острый форштевень выдвинулся из воды, со скрипом вмяная в землю следующий каток. Беленькая смотрела внимательно, держа кота на руках. Ей все было в диковинку. Когда корабль выбрался на сушу и поплыл вперед, тяжело переваливаясь, она пошла рядом с Оттаром. Хельги видел, она глядела со страхом. В точности как мать, когда ей казалось, будто дитя неразумное взялось за непосильную ношу. Глупая девчонка не знала, что Оттар еще и ее мог бы посадить на другое плечо!..

А лодочку Беленькой оставили на внутреннем берегу. Проводив их, она поедет домой.

Волок вправду оказался недлинным. Ракни все поглядывал на небо, торопя людей:

— Скоро задует попутный ветер, тогда уляжетесь отдыхать.

Он вовсе не собирался проводить возле берега еще ночь.

Крепкие молодцы без большой натуги столкнули корабль в воду по другую сторону перешейка, бросили якоря и сразу понесли по сходням загодя переташенное добро. Пробегая туда и обратно — а после того, как отпустила плечи тяжесть лодьи, бегалось необычайно легко, — Хельги несколько раз оглядывался на Беленькую, неотрывно следившую за Оттаром. Наверное, такое лицо было у матери, когда уходил от берега погребальный корабль...

Это сравнение не показалось Хельги удачным, и он в сердцах погнался его прочь. Но отделаться от раздумий о матери и отце оказалось не просто, и неожиданно выплыло: а кто сказал, что он, Хельги, хорошо ладил бы с ним, останься он жив?..

Наконец погрузку закончили.

— Убрать сходни! — велел Ракни без промедления, и Хельги сел к веслу, полагая, что Оттару захочется постоять на корме. Но Оттар вдруг взялся рукой за борт и выскочил на прибрежный камень, и кот белым мячиком выпрыгнул вслед.

Беленькая всплеснула руками, срываясь с места. Она-то уже думала, он так и не обнимет ее на прощание.

— Возьми меня с собой... пожалуйста... — расслышали на борту. Кто-то насмешливо фыркнул. Ракни

сердито постукивал пальцами по рукояти правила, но молчал.

— Смешная ты, — сказал Оттар. — Я же вернусь еще до зимы.

Нагнувшись, он подхватил под брюшко кота и сунул его Беленькой в руки:

— Держи... это чтобы ты меня не забыла.

От таких слов у Беленькой сразу хлынули слезы, а Оттар повернулся и в два прыжка взлетел на борт по подставленному веслу. Потом Ракни подал команду, и корабль взмахнул крыльями, как морской орел, пускающийся в полет. Он шел на север, к темной полоске рьяби, сулившей ветер. Хельги принялся грести, а Оттар действительно остался на корме и не уходил, пока мог видеть Беленькую и кота, вывернувшегося из ее рук и недоуменно стоявшего рядом...

А потом островерхние каменные горы и зеленые долины меж ними погрузились в синюю дымку, и два маленьких светлых пятнышка растворились, пропали, словно их и не было вовсе...

14. На плечах карлика Нордри!

— Вот и добрались мы до северного предела земли!.. — сказал, озираясь, Ракни сэконунг. Необычность случившегося заметно волновала его, добавляя разговорчивости: — Должно быть, здесь редко бывают даже китолы. Только Оттар Путешественник³⁹ с острова Сенья, что служил Эльвладу конунгу англо⁴⁰ и теперь хвастается, будто тот включил его рассказы в какую-то сагу... Оттар ответил:

— Неплохо ты сделал, назвав меня в его честь. Это принесет мне удачу. Но ты забыл еще про Вагна Морехода, отец. А ведь он первый двинулся отсюда на север, в открытое море, между тем как мой тезка повернул вдоль берега на восток, в Биармаланд⁴¹.

— Да, совсем забыл, — усмехнулся Ракни, и эта умишка определенно не сулила Вагну добра.

Небо было ясным, и в солнечной вышине властвовал Отец Зимы — мертвящий северный ветер. Хельги жаждал в накинутах полушубке и пугливо думал о том, что же ждало на Свальбарде, где этот ветер рождался и мужал, летя над ледяными горами!..

А море переливалось всеми оттенками яркой, густой синевы. Море лежало на западе, на севере и на востоке. Последний язык земли дотягивался с юга. Его венчала головокружительная скала — белые буруны окутывали огромный камень, неведомо как скатившийся к подножию... Где-то поблизости стоял карлик Нордри, держащий на спине весь северный край!

Вот за этим последним мысом Ракни и поставил корабль. Конунг ждал бури с юга: такой, чтобы загроздила тучами дорогу северным ветрам, чтобы подхватила корабль и вынесла его прямо на Свальбард... Оттар Путешественник тоже просидел здесь немалое время, поглядывая в небеса. Ветер не обманывает, ветер приходит всегда. Надо только вовремя заметить его приближение и еще угадать, не раскачает ли он опасные волны... Все это было для Ракни делом привычным.

Хельги тоже смотрел на ослепительные синие волны, насмешливо скалившиеся белыми гребешками. Он полагал, что заметит признаки бури никак не позже жедая.

39 Оттар Путешественник — норвежский мореплаватель, в конце IX в. обогнувший Скандинавию с севера и, по-видимому, достигший Белого моря. Его рассказ об этом плаваньи был записан английским королем Альфредом Великим; он свидетельствует о блестящем мореходном искусстве викингов, в частности, о том, что они знали вихревую природу циклонов и умели ей пользоваться. Имя "Оттар" означает "наводящий ужас на войско".

40 Эльвлад конунг англо — Альфред Великий, английский король (871—901), прославившийся как полководец, политический деятель, объединитель страны, законодатель, писатель и переводчик. В Лондоне (ставшем при нем английской столицей) воздвигнут ему памятник.

41 Биармаланд — "страна биармов" на побережье Белого моря, посещавшаяся скандинавами в IX в. и позже. Считается, что название "биармы" соответствует русскому "пермь". См. также Оттар Путешественник.

Только Оттару, кажется, наплевать было и на ветер, и на Свальбард, и даже на Вагна Морехода сына Хадда из Вика. Ракни косился на него с неодобрением, но не ругал. Этот хозяин моря, которого никто не ждал на берегу, все-таки понял — в финском становище с его приемным сыном случилось что-то такое, о чем сам он, премудрый Ракни сэконунг, едва знал понаслышке...

И ветер пришел!

Однажды Ракни тяжело протопал вдоль палубы, безжалостно пиная зарывшихся в одеяла:

— Вставайте!

Правду сказать, люди давно отвыкли на него обижаться. Все знали, этот вождь не выбирал себе ношу полегче. Хельги с Оттаром одновременно вылетели из-под скамьи, и Хельги сразу приметил опытным глазом, что наперерез северной волне катилась другая, с востока. А в небе уже виднелись края туч. Волны всегда опережают большой шторм, и по ним многое узнают наперед. Вот и Ракни уже прикинул силу подходящего ветра и решил, что ему можно довериться.

Проснувшиеся корабельщики первым делом поставили мачту, приготовили парус. Потом принесли с берега вчерашнюю жареную оленину. Ракни выбрал большой румяный ломтик и встал с ним возле форштевня:

— Ты, Вана-Ньерд, повелитель Лебединой Дороги⁴²! — проговорил он торжественно. — И ты, Эгир, гостеприимный морской великан! Помогите мне и моему кораблю!..

Размахнулся и забросил приношение далеко в воду. За мысом было тихо — Хельги видел, как вокруг пищи заметались жадные тени... Жертву не отвергли.

Мореходы сели вокруг котла и принялись завтракать, впологлаз следя за далекими облаками.

Морские бури сварены в великанском котле. Без устали ходит в том котле усердный черпак — вот бури и продолжают вращаться, уже выплеснутые в полет...

Корабль вышел в море при сильном юго-восточном ветре. Спустя некоторое время этот ветер совсем отклонил к югу. У такого ветра тоже есть имя: Свасуд — Ласковый. Люди благодарны ему, приносящему оттепели посреди лютной зимы. А потом южный ветер превратится в юго-западный и западный, и наконец снова задует холодный Отец Зимы, летящий из-за края мира, из бездны Гинунгагап... Зима старше лета, и власть ее велика.

Верные себе, викинги до слез хохотали, приметив на берегу сапог, вывешенный рыжим Лугом сушиться и позабытый.

— Удача тебя ждет, — сказали смущенному ирландцу. — Похоже на то, что ты вернешься со Свальбарда невредимым и подберешь его здесь!

Проплыла мимо величественная громада мыса, и Хельги почувствовал, как начал отодвигаться назад, пропадая за горизонтом, весь населенный мир с его странами, городами и могучими реками... Впереди был только Океан без берегов, опоясывающий землю, — и поистине кажется людям, что беспределен тот Океан и нельзя его переплыть!.. Хельги оглянулся. Он хорошо помнил испуг, охвативший его, впервые взятого в открытое море, когда горы на берегу стали неотвратимо погружаться в пучину, даже заснеженные исполины Сын и Отец... Он побежал тогда к брату, сидевшему у руля: как же так, ведь берег начал тонуть и надо скорее спасти мать и всех живущих в Линсетре!

Братец Видга, суровый викинг восемнадцатую зиму старше Хельги и сам отец троих почти таких же мальчишек, скупо улыбнулся и объяснил, что так бы-

вает всегда: корабль повернет, возвращаясь, и берег всплывет. Потом добавил, подумав:

— А смысленный ты парень, запомнил, что я рассказывал про Исландию. Там острова действительно появляются и пропадают сами собой!

И успокоил смотревшего на него малыша:

— Но это бывает только там, а Исландия далеко.

Да, Исландия была далека, может, даже дальше, чем Свальбард. Но дорога туда проложена не одним кораблем и не десятью. Род за родом переселялся на остров уже не первое лето. Люди везли старух матерей, жен и малых ребят, даже скотину, — и ничего, доплывали, занимали землю, обживались... А Ракни со своими отчаянными смельчаками уходил в неизвестность. И тучи наползали сплошной пеленой, пряча веселую синеву.

Хельги оказался среди немногих, кто не скучал по ночной темноте и не страдал из-за обилия света. К тому же добрые норны наделили его способностью спать урывками, обходясь без долгого ночного сна. Этим он вышел не в мать — ей было достаточно чуть-чуть подремать днем, чтобы полночи потом крутиться в постели. Не зря дядя однажды сказал ему, что таковы были все мужчины их рода, истинные мореплаватели, умеющие спать или бодрствовать по необходимости, а не из-за того только, что на небе день или ночь.

Вот и теперь он спал когда хотел и не боялся пропустить что-нибудь интересное.

Редкие мокрые снежинки садились на кожаный пол, укрывший спящих. Суровый океан будто баюкал корабль, и на всей палубе не спали только Хельги и еще два человека. Оттар сидел у руля, а Ракни — поблизости на скамье. Они негромко переговаривались, временами что-то показывая друг другу.

— Ты отклонился сейчас к западу, — сказал Ракни. — Почему?

— Потому, — отвечивал Оттар, — что ветер ушел, а здесь есть течение. Волны, которые оно порождает, должны идти из-за кормы, а я заметил их справа.

— Так, — проворчал Ракни. — Покажи-ка мне их.

Оттар улыбнулся: видно было, что это казалось ему детской игрой. Он посмотрел на Хельги и ответил:

— Сейчас покажу, надо только обождать, пока снова появятся.

Хельги принялся смотреть вместе с ним. Увидев нужную волну, он даже дернулся было указать, но в это время Оттар проговорил спокойно и не оборачиваясь:

— Вот она, отец, я уже чувствую, как приподнимает корму.

И добавил, снова покосившись на Хельги:

— А еще бывает в море чудо-волна. Я слышал, она рождается там, где случилось землетрясение или упала ледяная гора...

— Хватит болтать, — недовольно перебил Ракни, и Хельги понял, что морского конунга вовсе не радовали незванные ученики.

Отойдя, он разулся, всунул ноги в отсыревший спальный мешок и вдруг подумал: а когда море светится, по свету глубин всегда можно понять, где проливы, а где матерая сушь. Оттар про это ничего не сказал. Наверное, он и не знает.

Такая мысль по-детски утешила Хельги, и он уснул.

(Окончание следует.)



СКВОЗЬ ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ

Рейф Карадек и Джонни Джилл в молчании выехали из Пайнтед-Рока, ведя на поводу двух вьючных лошадей. Затем они свернули на тропинку поуже, петлявшую между громадными валунами. Джилл чуть повернул голову.

— Было бы неплохо уйти в холмы, босс, — сказал он беззаботно.

Карадек бросил на маленького ковбоя быстрый взгляд.

— Хорошо. Веди, если хочешь.

Джонни ехал настороже, с винтовкой поперек седла. "Неплохая идея", — решил Рейф. Он мотнул головой в сторону Пайнтед-Рока.

— Что, ты думаешь, предпримет Барков?

— Трудно сказать, — пожал плечами Джилл. — А вот Дэн Шют знает, что делать. Если вы в самом деле знаете все правду, он начнет охотиться за вами. Кстате, как, по-вашему, все это было?

— Джилл, по-моему, ты из тех, с кем можно переправляться через любую реку. Я расскажу тебе все, но если ты когда-нибудь проболтаешься, то повесишь четырех хороших людей.

Короткими и точными словами Рейф описал историю хищения Родни и его самого, все происшедшее на борту "Мэри С." — вплоть до смерти Родни и ночного бегства.

— Видишь? — заключил он. — С их точки зрения все прошло без осечки. Родни отправлен в море и никогда не вернется. Кроме Баркова, никому не известно, что деньги по закладной выплачены.

Джилл кивнул.

— Родни оказался покрепче, чем кто-либо мог подумать, — восхищенно добавил он. — Говоришь, он не падал духом?

— Да. Похоже, им владела одна мысль — выжить, чтобы попасть домой, к жене и дочери. Если, — добавил Рейф, — жена хоть немного походила на дочь, то я его понимаю.

Ковбой усмехнулся.

— Знаешь, Джилл, — после недолгой паузы задумчиво сказал Рейф, — одного я не могу взять в толк: чего ради им понадобилось именно это ранчо?

— Вот и я удивляюсь, — согласился Джилл. — Ранчо, конечно, хорошее, если не считать того места у входа в долину, где образуется что-то вроде купола, и Безумная Женщина его огибают... Там ничего почти не растет. А в остальном — хорошее ранчо.

Путники ехали меж высоких сосен; кое-где попадались березы и осины, листвой которых шелестел легкий прохладный ветерок. Лошади шли медленно, не торопясь, их копыта бесшумно ступали по ковру прошлогодней хвои. Тропа серпантинном вилась по крутому склону тенистого каньона, достигая, наконец, дна, по которому, пенясь, бежал быстрый ручей. Пока лошади пили, Рейф успел заметить форель в чистых струях воды. Над его головой красно-коричневой стрелой мелькнула белка, а в кустах сплетничала о чем-то желтая птичка. Рейф припал к ручью, и в это время комок песка с легким всплеском упал в воду.

Карадек осторожно выпрямился. Винтовка его оставалась в притороченном к седлу чехле, но на таком расстоянии вполне хватало и револьверов. Он мельком взглянул на Джилла — ни о чем не подозревая, тот подтягивал подпругу.

Рейф глубоко вздохнул, подтянул джинсы и засунул большие пальцы за пояс около рукояток револьверов. Он понятия

не имел, кто там был, но песок упал не без причины. Кто-то должен стоять — там, в ивняке за ручьем, чуть ниже по течению. Кто-то, наблюдавший за ними.

— Готов? — спросил Джонни, с любопытством глядя на манипуляции Рейфа.

— Почти. Нравится мне это местечко, — он болтал, что в голову взбрет, надеясь на сообразительность Джилла. Ковбой внимательно смотрел на него. — Здесь было бы просто замечательно, окажись мы тут одни.

И в этот момент он заметил в гуще кустарника яркое пятнышко — того огненно-красного цвета, которое было здесь совершенно не к месту.

Непохоже, чтобы это был ковбой, если только не мексиканец. Скорее, индеец. Впрочем, кто бы это ни был, если он хотел их застрелить, то лучший шанс был упущен — когда они с Джиллом пили из ручья. Поэтому логично не считать человека в кустах врагом.

— Ты язык сиу знаешь? — небрежно поинтересовался Рейф.

— Немного.

— Говори громко и скажи, что мы друзья.

В ответ ни единого звука.

— Я хочу осмотреть эти кусты, — тихо проговорил Рейф.

— Что-то здесь не так.

— Смотри! — предостерег Джилл. — Сиу очень хитры.

Двигаясь медленно, чтобы не возбудить подозрений, Карадек перешел ручей, затем спешился. Из кустов не доносилось ни звука. Он направился вниз по течению, пробираясь между тонкими деревьями. Однако даже находясь совсем рядом, он мог бы и не заметить ее, если бы не красная одежда.

Это была молодая индейка, тонкая и темноволосая, с большими умными глазами. С одного взгляда Рейф понял, что она перепугана до смерти, знал он, и что случается со сквау, которых находят некоторые белые. Он мог ее понять.

Ноги ее были выгнаны, и по следам на траве и береговом песке Карадек понял, что она ползла: одна нога у нее сломана ниже колена.

— Джонни, — негромко позвал Рейф, — здесь молодая сквау.

— Тогда лучше побыстрее убраться отсюда. Сиу очень подозрительны, когда дело касается сквау.

— Не раньше, чем я осмотрю ее ногу, — отозвался Рейф.

— Босс, — в голосе Джилла зазвучала беспокойство, — не делайте этого. Стоит вам до нее дотронуться, и она завопит, как черт. Тогда я гроша ломаного не дам за наши жизни.

Рейф шагнул к девушке и улыбнулся.

— Я хочу подлатать вашу ногу, — мягко сказал он. — Не бойтесь.

Индейка молчала, глядя на него; Рейф приблизился и опустился на колени. Девушка отпрянула от его прикосновения, и тогда Карадек заметил зажатый у нее в руке нож. Он улыбнулся и осторожно прикоснулся к месту перелома.

— Найди-ка пару палочек, Джилл, — попросил он. — У нее плохой перелом. Чуть тряхнет — и может порваться кожа.

Все так же осторожно он совместил кости. Девушка не проронила ни звука, ничем не дала понять, что ей больно.

— Ну и нервы, однако, — пробормотал Рейф.

Взяв срезанные Джиллом палочки, он примотал их к ноге. Когда они с Джонни посадили девушку на лошадь, Джилл спросил на языке сиу:

— Далеко до индейского лагеря?

Она взглянула на него, затем перевела взгляд на Рейфа и заговорила, обращаясь исключительно к нему. Джилл усмехнулся.

— Она говорит, что разговаривает с вождем. Это вы, Рейф. Лагерь примерно в часе езды — к юго-западу, в холмах.

— Скажи, что мы доставим ее почти до места.

Рейф вскочил в седло, и они повернули лошадей назад, на тропу. Карадек ехал впереди, за ним — сквау и вьючная лошадь; Джонни Джилл с винтовкой поперек седла замыкал процессию. Проехав не больше мили, они услышали голоса; из-за поворота появились трое всадников и круто осадили лошадей. Лица у всей троицы грубые, бородатые; сначала они уставились на Рейфа, потом перевели взгляды на девушку. Та неожиданно резко вздохнула; глаза Карадека сузились. К ним, усмехаясь, приблизился рыжебородый всадник.

— Вижу, ты заполучил нашу голубку? Мы уже пару часов за ней охотимся. Хороша штучка, верно?

— Да, — поддержал его стройный мускулистый человек с

острыми чертами лица и сигаретой, прилипшей к губам, — хорошо, что вы ее нашли. Сейчас мы вас от нее освободим.

— Все в порядке, — спокойно сказал Рейф. — Мы отвезем ее обратно в деревню. У нее сломана нога.

— Обратно в деревню! — воскликнул рыжий. — Мы отбрали эту сквау для себя и поставили на ней свое клеймо. А ты добывай себе сквау сам. — Он кивнул человеку с острым лицом. — Возьми-ка повод, Бойн!

— Руки прочь от повода! — голос Рейфа был холоден. — Из-за таких дураков, как вы, погибают нас всех. Ее племя поймает вас за уши еще до ночи.

— Об этом мы сами позаботимся! — настаивал рыжий. — Бери ее, Бойн!

Неожиданно Рейф улыбнулся:

— Если вы ищете драки, парни, похоже, вы уже нашли. Не знаю, сколько из вас хочет умереть за эту сквау, но прежде, чем надумаете отобрать ее у нас, подберите себе место для могилы.

Глаза Бойна злобно сузились.

— Смотри-ка, рыжий, он прет на рожон! Через какой глаз мне загнать в него пулю?

Рейф Карадек спокойно сидел в седле, чуть заметно улыбаясь.

— Думается, — проговорил он, — что вы не слишком-то разбираетесь в драках, парни. Вы слишком скучились... С того места, где я сижу, вас можно всех положить одним выстрелом. Но я не пожалел двух. Джонни, — обратился он к Джиллу, — если эти господа начнут дымить, бери на себя толстого. А рыжего и этого Бойна оставь мне.

Толстый ковбой заерзал на седле. Ему стало неуютно при мысли, что он стоит боком к Джиллу, являя собой превосходную мишень, тогда как самому ему, чтобы стрелять, надо повернуться в седле едва ли не кругом.

Глаза Бойна тверды и беспечны. Рейф знал, что наблюдать надо именно за ним. Револьвер у Бойна привязан низко, и было очевидно, что он считает себя профессионалом. Неожиданно Рейф понял, что парень сейчас выхватит револьвер.

— Стой! — голос прозвучал, как удар бича. — Бойн, держи руки на уровне плеч. Ты тоже, рыжий. Теперь поворачивайте лошадей — и назад по дороге. Если хоть один из вас попробует взяться за револьвер, я открою огонь из этого "генри" и разрежу вас на кусочки.

Бойн злобно выругался:

— На этот раз ты легко отделался, но мы еще встретимся!

Рейф улыбнулся:

— Ну, конечно, Бойн! Только в следующий раз ты бы отвязал заранее ремешок от рукоятки револьвера, а? Это, конечно, удобно, когда скачешь по бездорожью, но здорово мешает, когда оружие вдруг спешно тебе понадобится...

Вздрогнув, Бойн посмотрел вниз. Револьвер, действительно, был привязан к кобуре сыромятным ремешком. С лицом бледнее змеиного брюха он коленями поворотил коня и направился по дороге обратно.

Бо Марш вышел из кустов с винтовкой в руке. Он улыбался.

— Привет, босс! Знай я, что револьвер у него привязан, я предоставил бы вам полную возможность его пристрелить. Этот хорек заслуживает. Это Ли Бойн, телохранитель Дэна Шюта.

Джилл рассмеялся.

— Ну и будут же у нас сегодня гореть уши, пареня! Рейф сегодня до упора осадил двух людей Шюта!

Марш улыбнулся.

— Я подумал, что вы должны вскоре вернуться, и вышел поохотиться на оленя. — Он посмотрел на индейку со сломанной ногой. — Еще осложнения?

— Нет, — ответил Рейф. — Эти люди охотились за ней. Убегая, она сломала ногу, а мы наложили шины. Поехали!

Тропа, ведущая из каньона в каньон, мало-помалу стала ровнее. Очевидно, это была звериная тропка, обнаруженная индейцами и охотниками на бизонов намного раньше, чем здесь появились возчики и ковбои. Когда до хижин у каньона Безумной Женщины оставалось еще несколько миль, индейка неожиданно заговорила. Джилл поглядел на Рейфа.

— Лагерь ее племени как раз за этим холмом, в долине, — перевел он.

Карадек кивнул и повернулся к девушке, ожидавшей его слов.

— Скажи ей, — проговорил Рейф, — что мы владеем землей, которую Родни купил у Красного Облака. Что мы владеем ею пополам с дочерью Родни. Пусть она передаст Крахому

Облаку, что мы живем близ Безумной Женщины и что мы — друзья сиу. Их сквау могут быть с нами в безопасности, а их лошадей не станут угонять. Мы — друзья Красного Облака и великих вождей народа сиу.

Джилл говорил медленно, со значением, и девушка, выслушав, кивнула. Затем она повернула лошадь и поехала через лес.

— Босс, — заметил Джилл, — у нее наша лучшая лошадь, за которую я заплачу больше всего.

— Забудь про это, — улыбнулся Рейф. — Девушка перепугана до смерти, но ни за что не хотела этого показать. Лошадь — не дорогая цена за то, чтобы доставить ее домой. Я ведь уже говорил, что сиу лучше иметь друзьями, чем врагами.

Когда все трое подъехали к дому, Текс Бриско вносил в хижину два ведра с водой.

— Эта жратва выглядит соблазнительно, — улыбнулся он. — Я съел уже столько мяса антилоп, что скоро сам начну скакать по прерии.

Пока Марш готовил, Джонни рассказал Тексу обо всем, что случилось за время их поездки.

— А здесь никого не было, — сказал Текс, когда Джилл закончил свое повествование. — вчера я видел трех индейцев, но издали, ближе они не подъехали. Сегодня вообще никого не было.

Следующие три дня Рейф посвятил исследованию ранчо. На пастбище бродило много скота с клеймом "Бар М", причем большинство — в хорошем состоянии. В любом случае здешние луга могли прокормить куда больше скота, чем паслось сейчас, а верхние луга Лонг-Вэлли было вообще почти не тронуты.

Джонни Джилл и Бо Марш рассказали, что могли, о более отдаленных окрестностях.

— На севере, за Пайнтэд-Роком и к западу от него горы поднимаются почти до девяти тысяч футов. Там прекрасные охотничьи угодья, лучших я нигде не встречал, — говорил Джилл. — На юг, к концу долины, горы постепенно превращаются в холмы. Там перевал к истокам Бобровой реки. В тех краях тоже хорошие пастбища, и пока что там никого нет. А еще дальше — могучая красная стена, тянущаяся почти точно с севера на юг. В ней только один проход. Несколько человек могут удержать его против целой армии.

Рейф обследовал перевал, ведущий к истокам Бобровой реки, и проехал вдоль реки — вниз, к лугам. Здесь действительно были отменные пастбища, и Рейф подумал, что в своих планах на будущее он должен отвести им подобающее место. На ранчо Карадек вернулся вечером и, сидя на крыльце после захода солнца, посмотрел на Текса Бриско.

— Ты перегонял сюда скот от самого Техаса?

— Угу.

— Как-то на судне ты рассказывал о панике в стаде. И что потом удалось собрать только полторы из двух тысяч голов. Часто такое случается?

— В общем-то да, — улыбнулся Текс. — Паника в дороге — дело обычное. Сколько-то скота потеряешь, а порой — и соберешь больше, чем было. Ведь на равнинах к югу от Плете множество неклеяменого скота — собирай хоть до самой Канады, если хочешь.

— А как ты думаешь, могли бы несколько человек отправиться туда и собрать порядочное стадо?

Бриско привстал и посмотрел на Рейфа.

— Конечно, да. Но скот там одичавший, и эта работа для настоящих мужчин.

— Может быть, — предложил Карадек, — мы попробуем этим заняться. Пожалуй, это самый быстрый путь заполучить стадо. Или заработать деньги.

5

Это были дни тяжелого, изнурительного труда, причем кто-то один всегда дежурил в хижине, наблюдая, не появятся ли всадники Баркова или Шюта. Карадек знал, что они непременно появятся — с единственной целью избавиться от него.

Во время визита в Пайнтэд-Рок он выложил карты на стол, но они не знали, что именно Рейф известно и как будет выглядеть в его изложении история Чарлза Родни. Карадек знал, что Барков обеспокоен, и радовался этому.

Ковбои ворчали, но Рейф неутомимо держал их на покосе и уборке сена. Зима в этих местах суровая, и чтобы знать это, Карадек не нуждался в предсказателе погоды. А терять поголовье он не хотел. Они не старались свозить все сено в одно

место, на ранчо, а собирали его в большие стога на лугах и в каньонах.

В каньоне, ответвлявшемся от Безумной Женщины, Рейф обнаружил теплый источник, судя по всему, незамерзающий, — разве что в самые сильные морозы, — но и не настолько горячий, чтобы воду нельзя было пить. Прекрасный водопой для скота.

Индейцы не появлялись, казалось, они откочевали в другие края.

Но как-то ночью Рейф услышал в корале шум и фырканье лошадей. Он вскочил с постели. В соседней комнате ругался Текс. Вдвоем они выскочили наружу, опасаясь, что кто-то уводит коней. Однако лошади находились в корале. Выбежавший вслед за ними Бо Марш неожиданно воскликнул:

— Посмотрите-ка, босс!

Вместо пяти лошадей в корале стояло десять! Одна из них — пегая, та, что они одолжили молодой сквау, но остальные — чужие. И отличные.

— Будь я проклят! — взорвался Джилл. — Вернули нашу лошадь и еще по одной для каждого из нас. Думаю, этот большой вороной — для вас, босс.

Когда они смогли осмотреть лошадей при дневном свете, Текс Бриско не сдержал восхищения:

— Это самый лучший обмен лошадьми, какой я когда-нибудь видел! Я всегда подозревал, что сиу знают в лошадях толк, но теперь окончательно убедился в этом.

Рейф задумчиво изучал взглядом долину. Если не будет дождей, то впереди еще месяц хорошего сенокоса. Да, зима предстоит суровая — это было видно и по тому, что бобры строили хатки крупнее обычного и в более глубоких местах.

Неожиданно Карадек принял решение.

— Еду в Пайнтэд-Рок. Хочешь со мной, Текс?

— Да, — техасец посмотрел на него, прикидывая что-то в уме, — да, я не прочь.

— А я? — улыбаясь, спросил Бо. — В прошлый раз ездил Джонни. Я тоже могу залить за воротник пару стаканов виски, который подает в "Национале".

— Возьмите его, босс, — попросил Джонни. — Я здесь вполне управлюсь один. А если он останется — все равно выместит обиду на мне.

— Хорошо. С утра сразу седлаем.

— Босс, — Джонни закинул ногу на ногу и закурил. — Лучше я вам все-таки скажу. Покуда я молчал, но... Словом, два-три дня назад у излучины Безумной Женщины я встретил пару ребят. Один из них Рыжий Блэйзер — помните, тот здоровенный дуб, что был с Бойном?

Рейф повернулся и вперил взгляд в маленького ковбоя,

— Ну, — сказал он, — так что с ним?

Джилл сделал глубокую затяжку.

— Триггер Бойн просил его передать вам, что как только увидит вас в Пайнтэд-Рок, он начнет стрелять без предупреждения.

Рейф потянулся к столу и взял кусок холодной кукурузной лепешки.

— Значит, он так и делает. Если успеет.

— Босс, — взмолился Марш, — если этот Блэйзер брат того, которого вы видели в Пайнтэд-Роке, отдайте его мне!

— Того, которого мы видели на крыльце "Националя"? — заинтересовался у Джилла Карадек.

— Ага. Их пятеро братьев. И все с револьверами, — Джилл встал и потянулся. — Ну что, мне здесь будет куда как спокойно, пока вы, мужчины, будете там швыряться свинцом.

Рейф вышел и направился к коралу.

— Как ты думаешь, он хорошо владеет револьвером? — обращаясь к Джиллу, полюбопытствовал Марш.

Ответил ему Текс:

— Парень, на ранчо Си Бар этот человек убил одного из самых быстрых и опытных стрелков Техаса, и сделал это, когда ему было не больше шестнадцати лет. И еще — я ни разу не видел, как он стреляет, но если стреляет он так же, как дерется, то я не завидую Триггеру Бойну.

В Пайнтэд-Роке ничто не предвещало драмы и вспышки страстей. Город спокойно нежился в лучах утреннего солнца, распростертый в излучине Рок-ривер. Да и речка, обычно представлявшая из себя ревуший и пенящийся поток, решила



на время успокоиться, и наслаждалась теперь солнечным теплом и грациозными ивами, растущими по берегам.

Сразу за ивняком стройными рядами маршировали стволы тоненьких березок, настолько одинаковых, что отличить одну от другой было невозможно. На противоположном берегу кусты горного ольшаника, желтой розы, и антилоповых кустов карабкались по склону холма, словно группа разведки; за ними следовали тополя. Через несколько недель, когда тополиная листва начнет менять цвет, Пайнтэд-Рок обретет себе пылающий фон.

Единственная улица Пайнтэд-Рока была вообще единственным упорядоченным местом города. Двадцать семь строений обступили ее двумя ровными рядами и смотрели друг на друга через длинную, пыльную, а во время дождя грязную дорогу.

В любое время дня и ночи дюжина оседланных лошадей стояла у коновязи перед салуном "Националь", принадлежавшим Джо Бетсону. Встречались здесь и повозки, на которых приезжали за провизией владельцы мелких ранчо.

Этим утром Брюс Барков сидел перед конторой шерифа, погруженный в беседу с Подом Гомером; разговор их длился уже больше часа.

Гомер невысок ростом и плотен — так, что расстояние от груди до спины почти равнялось ширине плеч, хотя назвать его жирным никак нельзя. Предполагалось, что с ним лучше не связываться. Кроме того, Гомер во всех случаях предпочитал оказываться на стороне победителя; он давно уже пришел к выводу, что в городе есть только одна сторона, которой стоит держаться, — компания Бриса Баркова и Дэна Шюта. В то же время Гомер всегда отличался умением держать нос по ветру, и потому нередко испытывал замешательство, думая о двух своих боссах. Они не испытывали взаимной симпатии. Они могли вести друг с другом дела или совместно предаваться развлечением, одинаково смотрели на многие вещи, но каждый хотел быть главным. И Гомер знал, что рано или поздно ему придется выбирать между ними.

Барков хитер и коварен. Он планировал и организовывал. Он был человеком, который не брезговал никакими средствами, если они позволяли добиться цели, но когда дело пахло преступлением или даже мелким нарушением закона, держался на заднем плане. В других ситуациях он охотно выступал вперед.

Дэн Шют принадлежал к совершенно иному типу. Он был высок ростом и широк в плечах. Обычно он бывал угрюм, нахмурен и груб. Любые споры предпочитал разрешать не словами, а кулаком или револьвером, и мог убить человека так же спокойно и быстро, как заклеить тельца.

Под Гомер понимал, что Барков будет в городе главным лишь до тех пор, пока опирается на Шюта. Но если когда-нибудь Барков вызовет на себя вражду напарника, то скрывающаяся до поры до времени ярость побудит Шюта отбросить партнера в сторону так же легко, как прихлопнуть муху. В каком-то смысле оба они использовали друг друга, но из них двоих именно Шют был человеком, с которым следовало считаться.

Однако Гомер видел в деле и Баркова. Он знал, какими

окольными путями, как коварно осуществляет свои планы большой ранчиро, с какой осторожностью и тщательностью подбирает и создает себе друзей. В форту его знали, он сумел произвести там благоприятное впечатление, а если хоть малая толика законности и притекала в Пайнтэд-Рок извне, то только из рук командира форта. Зная это, Брюс Барков и позаботился поближе познакомиться с гарнизоном.

Большой вороной, на котором ехал Рейф Карадек, был мощным конем, и потому всадник мог ослабить поводья. Сзади цепочкой растянулись Текс Бриско и Бо Марш.

Рейф задумался в седле. Слишком много он повидал борьбы за существование, чтобы не принимать всерьез людей, живущих на границе.

Триггер Бойн отважен и очень быстр с револьвером — тип человека, который по малейшему поводу готов ввязаться в драку с кем угодно и, в свою очередь, всегда готов предоставить кому угодно возможность завязать драку с ним. Бойн гордился подобной репутацией и любил первенствовать во всем. Если он послал Карадеку предупреждение, то лишь затем, чтобы подкрепить его делом.

Не меняя аллюра, Рейф направил вороного на горную тропинку. Большой конь был лучшим из всех, на каких ему доводилось ездить. Если уж сию делают подарки — так от всего сердца. Никто из обитателей дома у Безумной Женщины не был обойден вниманием, из чего следовало, что сию наблюдали за ранчо Родни.

Вороной, казалось, не чувствовал усталости. Впрочем, и остальные лошади были столь же хороши. Рейф знал, что в горах вряд ли сыщутся еще четыре человека верхом на таких превосходных лошадях. Он свернул на пыльную улицу Пайнтэд-Рока и подъехал к коновязи, остальные последовали его примеру.

— Держите глаза нараспашку, — сдержанно порекомендовал Рейф. — Я не хочу драки. Но если Бойн что-либо затеет, то это — мой кусок мяса.

Марш кивнул, вышел на деревянные мостки тротуара и встал рядом с Бриско, который быстро и внимательно оглядывал улицу.

Джо Бенсон стоял за стойкой в баре. Он бросил на троих посетителей настороженный взгляд, потом заговорил с Бо, исподтишка разглядывая между тем Текса Бриско. Не нужно было много времени, чтобы заметить, что Бриско — жесткий человек и боец.

Владелец салуна и мэр города Бенсон почувствовал, как в воздухе запахло жареным. Его собственное будущее и интересы слишком тесно переплелись с будущим Баркова и Шюта.

Конечно, когда Барков женится на дочери Родни, в их руках окажутся все права на ранчо. Тогда они станут хозяевами положения, а этих пришлых, если они сумеют к тому времени остаться в живых, можно будет выгнать на законных основаниях.

Карадек допил виски и взглянул на Бенсона. Этот взгляд буквально пригвоздил салунщика к месту.

— Триггер Бойн передал, что ждет меня, — отрывисто сказал Рейф. — Скажи ему, что я в городе и готов.

— Откуда мне знать Триггера лучше, чем любого другого посетителя? — спросил Бенсон.

— Ты его знаешь. Скажи ему.

Рейф поправил револьверы на поясе и вышел из бара. Поблизости находился человек десять-двенадцать, но среди них не видно ни Бойна, ни Блэйзеров. Он направился к магазину. Прикрывая его сзади, Текс остановился возле столба, поддерживавшего навес над входом в салун, и небрежно прислонился к нему, попыхивая свисающей с губ сигаретой. Бо Марш сел на стул около стены и с интересом разглядывал улицу.

Рейф открыл дверь магазина и вошел. Завидел его, Джин Бейкер нахмурился.

— Энн Родин дома?

Бейкер заколебался.

— Да, — ответил он наконец. — Дома.

Рейф зашел за прилавок и, держа шляпу в руке, направился ко внутренней двери.

— Не думаю, чтобы она хотела видеть вас, — заметил Бейкер.

— Ладно, — отозвался Рейф, — Посмотрим.

Он шагнул за занавеску и очутился в жилой комнате. Энн Родни шила и обернулась на звук шагов. Сейчас у нее был

совсем другой взгляд; казалось, что-то медленно повернулось у нее внутри. Этот крупный человек, принесший столь беспокойные вести, действовал на нее возбуждающе. Учитывая свою помолвку с Барковым, она испытывала особенную неловкость от его посещений.

Брюс утверждал, что этот человек — обманщик, который надеется выманить у нее деньги. Но она кое-что знала о Джонни Джилле, ей случалось танцевать с Бо Маршем, и была уверена, что оба они — честные люди. В Пайнтэд-Роке их любили и уважали. Стали бы честные люди связываться с обманщиком?

— О, — сказала она, вставая, — это вы?

Рейф остановился посреди комнаты. Рослый, с длинными, волнистыми волосами, он выглядел в своей замшевой куртке весьма живописно; Энн решила, что он даже красив. Револьверы он носил низко, кобуры были прихвачены к ногам ремешками, и она знала, что это означает.

— Я собирался подождать, — отрывисто произнес он, — пока вы придете сами и начнете задавать вопросы. Но вспомнив обещание, данное вашему отцу, я решил придти сам, выложить карты на стол и рассказать все, как было.

Она начала было что-то говорить, но он поднял руку.

— Подождите, я не собираюсь говорить долго, так как на улице у меня назначено свидание, на которое я собираюсь явиться. Ваш отец не умер на тропе, ведущей из Калифорнии. Его зашанхаили в Сан-Франциско, отвезли в бессознательном состоянии на судно, и он вынужден был работать матросом. Вместе с ним оказался там и я. Все следующие месяцы мы провели рядом. Он просил меня вернуться сюда и позаботиться о его жене и о вас. Защитить вас. Он умер на судне от побоев — незадолго до того, как мы покинули корабль. Я был возле него, когда он умирал; я сидел рядом с его койкой. Его последние слова были о вас.

Энн Родни замерла, глядя на Карадека. За его торопливыми словами чувствовалась правда, но как можно было в эту правду поверить? Три человека уверяли ее, что видели, как умирал ее отец; за одного из них она собиралась теперь выйти замуж.

— Каким был мой отец? — спросила она.

— Каким? — Рейф нахмурился. — Как может человек оценить другого? Я могу лишь сказать, что ростом он был около пяти футов и восьмью или девятью дюймов. Умирал он почти совсем седым, но когда я впервые с ним встретился, у него было лишь несколько седых волосков. Лицом очень походил на вас, и глаза ваши, только не такие большие и красивые. Он был человеком, который не привык к насилию и не любил его. Запад пока что не подходит для таких людей. Лет через десять, когда все здесь утрясется, он занял бы одно из ведущих мест.

— Это похоже на него, — все еще колеблясь, проговорила Энн Родни. — Но вы не сказали ничего, что не могли бы узнать здесь, услышать от людей, знавших отца.

— Вы правы, — открыто признал Рейф. — Но есть еще кое-что, о чем вам следует знать. Закладная на ранчо вашего отца оплачена.

— Что? — Энн выпрямилась. — Оплачена? Что вы говорите?

— Ваш отец одолжил деньги во Фриско и выплатил по закладной Баркову. И получил расписку.

— Нет, я не могу этому поверить! Брюс сказал бы...

— Сказал бы? — мягко переспросил Рейф. — Вы уверены? Она посмотрела на Карадека.

— Что-нибудь еще?

— У меня завещание вашего отца. Права на ранчо выправлены на ваше и мое имя.

Глаза ее расширились, потом сузились и в них засветилось подозрение.

— Вот как? Теперь понятнее... Права на ранчо моего отца, выправленные на вас и на меня... Другими словами, вы предъявляете претензии на половину моего ранчо?

— Пожалуйста, — попросил Рейф, — я...

Она улыбнулась.

— Довольно слов, мистер Карадек. Согласна, я почти начала верить в то, что за вашей историей есть какая-то правда. По крайней мере, я раздумывала обо всем этом, поскольку не могла понять, какую выгоду для себя вы преследуете. Теперь все стало на свои места. Вы хотите заполучить половину моего ранчо. Вы даже поселились в моем доме, не испросив на то моего разрешения.

Она подошла к двери.

— Очень жаль, но я вынуждена попросить вас удалиться. Я также должна попросить вас немедленно освободить дом у Безумной Женщины. И еще я настоятельно прошу вас впредь воздержаться от посещений этого дома или каких-либо попыток увидеть меня.

— Вы слишком поспешно делаете выводы. У меня нет ни малейшего желания претендовать на какую-либо часть ранчо! Я пришел только потому, что об этом просил ваш отец!

— Прощайте, мистер Карадек, — Энн все еще держала занавеску откинутой.

Рейф посмотрел на нее, и на мгновение глаза их встретились. Она первой отвела взгляд. Рейф резко повернулся и вышел в магазин — в тот самый момент, когда дверь с улицы распахнулась, пропустив Бо Марша. Глаза Марша горели возбуждением и беспокойством.

— Рейф, — проговорил он, — Бойн перед "Националом". Хочет тебя видеть!

— Разумеется, — откликнулся Рейф. — Я готов.

Он направился к дверям, на ходу поправляя револьверы, и услышал, как Энн спрашивала Бейкера:

— Что он хотел этим сказать? Зачем его ждет Бойн?

Уже на улице до него донесли ответные слова Бейкера:

— Триггер Бойн собирается убить его, Энн. Вам лучше уйти в комнату.

Рейф слегка улыбнулся. Убить его? Кто знает? Никто лучше Карадека не понимал, какие ловкие трюки выкидывает порой человеческая судьба, и как часто вопреки всякой справедливости правый человек может умереть в непредвиденное время и в непредвиденном месте; никто не должен выходить на улицу с револьвером, не отдавая себе отчета в том, что на этот раз он может оказаться чуточку медлительнее, что его внимание в самый неподходящий момент может быть отвлечено каким-нибудь пустяком.

6

На освещенной ярким утренним солнцем улице не видно ни лошадей, ни повозок. Лишь несколько бездельников слонялось возле почтовой станции. Шагнув с тротуара на пыльную улицу, Рейф краешком глаза заметил, как его вороной резким взмахом хвоста согнал со спины муху.

Триггер Бойн сошел с дощатых мостков в некотором отдалении и повернулся к Рейфу. Вместо того, чтобы двигаться ровным, размеренным шагом, Карадек стремительно зашагал ему навстречу.

Триггер шагнул с мостков легко и беззаботно. Сердце учащенно билось в груди, в душе кипела буйная жажда битвы. Этого он прикинул быстро. Все произойдет легко и просто.

Он остановился посреди улицы, как вдруг улыбка сползла с его лица. Карадек размашистыми шагами направлялся к нему, быстро сокращая дистанцию. Это стремительное приближение лишило Бойна не только внутреннего, но и внешнего спокойствия. Все было неправильно. Карадек должен был двигаться медленно и осторожно, в любой момент будучи готовым выхватить револьвер.

Зная цену своей смертельной меткости, Бойн был уверен, что сможет уложить человека с любого расстояния. Но увидев эту походку, он сразу же понял, что через несколько секунд Карадек окажется слишком близко, и тогда погибнет он сам. Одно дело, когда ты уверен, что убьешь человека, и совсем другое — знать, что умрешь сам. А с такого близкого расстояния Карадек уже не сможет промахнуться!

Бойн расставил ноги, глаза его полыхнули волчьей злобой, но мелькнула в них и тень панического страха. Он должен остановить этого человека, попасть в него прямо сейчас! Рука его потянулась к револьверу.

И все же что-то шло не так. При всей своей скорости Бойн, казалось, двигался невероятно замедленно, потому что этот другой, этот стремительно надвигающийся человек в замшевой куртке и черной шляпе уже стрелял.

Рука Триггера двинулась первой, и за рукоятку револьвера он тоже схватился первым, а потом уже увидел огненную розу, казалось, расцветавшую на стволе большого черного револьвера в руке Рейфа Карадека. Что-то ударило Бойна в живот, и тело моментально онемело — до самых кончиков пальцев на ногах.

С тупым упорством Триггер начал поднимать револьвер, глядя поверх ствола, но оружие оказалось неимоверно тяжелым. Надо будет достать поменьше... На револьвере противника вновь расцвела роза, и что-то опять ударило Бойна в живот.

Он начал говорить, полуобернувшись к собравшимся у почтовой станции, но рот лишь беззвучно открывался и закрывался.

Он хотел объяснить, что с ним происходит что-то не то. Ведь все же знали, что он самый быстрый стрелок в Вайоминге после Шюта. Всякий это знал! Тяжелый револьвер в руке Бойна дернулся, и он увидел пламя, ударившее в землю. Он выронил револьвер, покачнулся и упал ничком.

Он должен встать. Должен убить этого чужака, этого Рейфа Карадека. Он должен встать.

Онемение распространилось от живота вверх, и внезапно он ощутил себя в седле на спине брыкающейся лошади — чудовищной, ужасной лошади, которая прыгала, кидалась из стороны в сторону, а теперь вдруг стала подниматься вверх. Вверх! Вверх!

Затем она упала на землю, и Бойн почувствовал, что вылетает из седла, распростершись в воздухе. Лошадь сбросила его. Сбросила в грязь. Он судорожно стиснул кулаки.

Рейф Карадек, выпрямившись, стоял на середине улицы, на дорожке дуэлянтов, сжимая рукой каштановую рукоятку револьвера. Он бросил взгляд на неподвижную фигуру, распростершуюся в пыли, затем поднял глаза и осмотрелся по сторонам быстрым, внимательным взглядом. И тогда какой-то подсознательный инстинкт предостерег его. Легкая дрожь занавески — и между занавеской и подоконником черная винтовочная мушка.

Он поднял свой "сорок четвертый", и тяжелый револьвер всей силой своей отдачи толкнул его руку как раз в тот момент, когда пламя рванулось из ствола винтовки; "сорок четвертый" опять дернулся в руке Карадека, и винтовка загремела по драночной крыше крыльца. Послышался звук рвущейся занавески, и через подоконник пересвистелась голова и плечи человека; затем показались ноги, и вот уже тело сползло с подоконника, медленно перекаатилось по крыше и, на мгновение задержавшись на краю, рухнуло наземь.

Пыль взметнулась вокруг тела, потом снова улеглась. Джи Бонаро резко дернул ногой, лицо его перекосилось. И больше покой улицы не нарушался ни звуком, ни движением.

Добрых полминуты зрители хранили молчание, потрясенные неожиданной кульминацией, оглушенные невероятностью происшедшего. Джи Бонаро использовал свой шанс и умер.

Рейф Карадек медленно повернулся и направился к своей лошади. Молча сел в седло, повернул вороного и, выпрямившись, окинул улицу жестким, холодным взглядом, который, казалось, остановился на каждом из присутствующих. Затем вороной словно по собственной воле повернулся опять. Медленным шагом, гордо держа голову, он пронес своего всадника по улице к выезду из Пайнтэд-Рока.

За Рейфом спокойно и без улыбок следовали Бо Марш и Текс Бриско. Как и он, они ехали медленно; как и он, они ехали гордо. Что-то в их осанке, казалось, говорило: "Нас вызвали, и мы явились. Полюбуйтесь на результат".

В окне "Националя" жевал ус Джо Бенсон. Он смотрел на тело Триггера Бойна — сначала со смутным беспокойством, потом с раздражением.

— Будь ты проклят! — пробормотал он себе под нос. — Предполагалось, что ты убийца. Так что же, черт возьми, у тебя не вышло?

Пуля из револьвера Бойна или, на худой конец, из винтовки Бонаро могла поставить точку, заставить умолкнуть сплетни, рассеять сомнения и дать возможность Баркову спокойно жениться на Энн. Вместо этого полная неудача.

Бенсон знал, что теперь все серьезно осложнилось. Барков споткнулся. Теперь ему придется быстро думать и решительно действовать.

Договор 1868 года, подписанный в форте Ларами, запрещал белым пересекать реку Паудер, однако находки золота влекли все большее и большее число золотоискателей на север. Там и сям возникали маленькие городки и лагеря старателей. За ними следовали скотоводы, открывая богатые пастбища северного Вайоминга, и несколько стад уже прошло по пути, впоследствии вошедшему в историю под именем Техасской тропы.

Атаки индейцев и всеобщая враждебность заставили многих пионеров отступить в более спокойные места, но несколько наиболее отважных осталось. Следуя в 1874 году за экспедицией Кастера, золотоискатели проникли в Черные Холмы, и сиу, всегда возмущавшиеся любым вторжением в их охотничьи

угодья или любыми нарушениями их прав, собирались перейти от слов к делу.

Имена таких вождей, как Красное Облако, Тупой Нож, Безумная Лошадь, Сидящий Бык все чаще повторялись в разговорах на границе. Участились сообщения о сборищах индейцев в Холмах, и белые ездили всегда настороже и с винтовкой поперек седла. Не меньше внимания, правда, уделялось и слухам о том, что первый переход уже движется по бурной Йеллоустон-ривер, а установление водного пути по верхней Миссури стало уже свершившимся фактом.

Карадек и его ковбои слышали лишь малую толику всех этих пересудов — разве что от случайного золотоискателя или бродячего охотника. Но им и не нужно было долгих разговоров, чтобы понимать, куда дует ветер.

Дважды до них долетали звуки винтовочных выстрелов, а как-то раз сиу прогнали скот, похищенный с ранчо Шюта. Двое из ковбоев Шюта были уже убиты. Скот Карадека не тревожили. Его оставили в покое. Направляясь в любую сторону, индейцы объезжали его земли кругом.

Дважды ковбои Рейфа ездили в Пайнтэд-Рок и каждый раз возвращались со слухами о назревающем восстании сиу. Несколько наиболее робких владельцев продали свои ранчо и уехали. Все это время Карадек жил в седле, избегая чашоб, но со всем возможным вниманием изучая окрестности.

Чем вызвался алчный интерес Баркова к ранчо Энн Родни? Рейф понимал, что должен докопаться до причины — в противном случае ему вряд ли удастся объяснить кому-либо, зачем Брюс Барков пошел на такие крайности, чтобы заполнить ранчо, которое стоило не больше, чем окружающие земли, а ведь многие из них можно получить просто даром...

Большую часть свободного времени Энн проводила в одиночестве. Хотя дела в магазине шли прекрасно и ей нередко приходилось стоять за прилавком, однако в оставшиеся часы мысли ее неизменно возвращались к Рейфу Карадеку. И к тому, что в его словах могла заключаться правда.

Энн отгоняла эти мысли, как недостойные. Если бы она хоть на минуту признала честность Карадека, ей одновременно пришлось бы согласиться с тем, что Брюс Барков бесчестен. Что он — вор, а возможно, и убийца. Образ отца неотвязно преследовал ее. Она думала об отце и в тот момент, когда пришел Барков.

Красивый от природы, Барков знал, как нравится женщинам. Он следил за своей внешностью, а костюмы его признавались лучшими в Пайнтэд-Роке. В этот вечер он, казалось, превзошел себя — в свежеевыглаженном черном костюме, с аккуратно подстриженными усами. В какой-то момент разговора Энн помянула Рейфа Карадека.

— Его рассказ выглядел таким правдивым, — заметила она. — Он говорил, что вместе с отцом был зашанхаен в Сан-Франциско и они близко сошлись на судне.

— Рейф очень осторожен, — прокомментировал Барков, — и столь же опасен. Что и доказал, убив Бойна и Бонаро. Они с Бойном повстречались на ранчо и поспорили из-за какой-то индейской девушки...

— Индейской девушки? — Энн вопросительно посмотрела на него.

— Да, — Барков нахмурился, словно предмет разговора был ему неприятен. — Вы же знаете этих ковбоев. Похищают индуйан, держат какое-то время у себя, а потом отпускают, или убивают. Вот и Карадек тоже вез к себе молодую сквау, а Бойн предлагал отпустить ее.

Энн была потрясена. Ей приходилось слышать о подобных случаях, но ей трудно было поверить, что на такое способен Карадек. Хотя что она, собственно, знала о нем? Карадек волновал ее больше, чем Энн отдавала себе отчет. Невзирая на то, что этот человек, похоже, пытался завладеть ее ранчо — или, по крайней мере, его половиной; несмотря на все, что в разное время говорил о нем Брюс — вопреки всему Энн не могла заставить себя верить, будто все это правда. Она откладывалась признаться себе, что ее влечет к Карадеку. Но при виде его Энн слышала немой призыв. Ей нравилась его резкая мужественность, его внешность, голос и, главное, его искренность. И в то же время... Ведь убийство Бойна и Бонаро стало предметом пересудов для всего города.

Случай с Бонаро она еще могла понять, памятью о предшествовавшем эпизоде в магазине. Но никто не знал, почему вызвал Карадека Бойн. Разгадка, предложенная сейчас Барковым, была единственной. Дуэль из-за сквау! Не понимая почему, Энн почувствовала негодование.

Целыми днями дюжина ковбоев Шюта торчала в городе. Поговаривали о том, чтобы линчевать Карадека, но дальше разговоров дело не пошло. В ответ на расспросы, Бейкер так объяснил Энн ситуацию:

— Говорить они, конечно, могут, но только ничего у них не получится. Ни у кого из этих парней не хватит духу поехать к Безумной Женщине и открыто выступить против Карадековой компании. Вы же знаете Джилла и Марша. Они будут драться — и драться умело. Карадек показал свою меткость, когда убил этих двоих на улице. Не знаю, видели вы с Карадеком еще одного парня или нет? Он из Техаса. Держу пари, он еще покруче Марша или Джилла. Заметили, как он носит револьверы? Нет, никто не пойдет их искать! Вот если Карадек столкнется с ними в одиночку — тогда другое дело... — Бейкер глубокомысленно потер подбородок. — Как бы то ни было, если только им не повезет сверх всякой меры, долго они не продержатся. Это индейская территория, а ни Красное Облако, ни Человек, Боящийся Собственной Лошади не станут терпеть белых. Ваш отец — другое дело, он был для индейцев другом.

По настоянию Баркова шериф Под Гомер почтой направил в Шайенн, на телеграф, целую серию запросов. Рейф Карадек явился из Сан-Франциско, и Барков хотел узнать о нем все, что можно. Больше того, он хотел выяснить, каким образом Карадеку удалось ускользнуть с "Мэри С." Об этом он написал Булли Борджеру.

Борджер согласился в свое время взять в море Чарлза Родни, чтобы там заставить маленького ранчero умереть, унеся с собой всю правду об этой истории. Позволить Рейфу Карадеку покинуть судно, а значит, и выпустить на берег правду — такое не входило в условия сделки. Наконец, если Карадеку действительно удалось удрать с "Мэри С.", в этом могло крыться нечто противозаконное. Барков не собирался оставить неперевернутым ни единого камня. А тем временем распространял слухи о том, почему Рейф застрелил Бойна.

Ночи становились все прохладнее. Карадек продолжал сенокос. В свободное от сенокоса и пастьбы время они пристроили к дому еще одну комнату и возвели ветрозащитную насыпь. К счастью, дом был удачно расположен, так что зимние ветры не будут им слишком досаждают.

Рейф выезжал с ранчо каждый день. Не раз ему случалось подстрелить оленя или лося. Мясо они вялили и запасали на зиму. Джилл нашел старый фургон, в котором Родни добрался сюда из Миссури, и починил его. Теперь им будет проще доставлять припасы из Пайнтд-Рока.

В последнее утро месяца Рейф подошел к Джиллу, запрягавшему лошадей в фургон.

— Выглядит здорово, — заметил он. — Ты потрудился на славу, Джонни.

Джилл явно был доволен. Он кивнул на ступицы колес.

— Посмотри на них! Не скрипнут!

— Черт возьми! — Рейф посмотрел на обильно смазанные оси. — А где ты добыл смазку?

— Там, в Холмах, что-то вроде источника. Я принес целое ведро.

Рейф Карадек быстро взглянул на него.

— Где этот источник, Джонни?

— Это даже не источник, — озадаченно отозвался Джилл. — Так, вроде дыры, — вон за тем холмиком. Вообще-то там нечего делать, но как-то я забрел и нашел эту яму. Смазка в ней не хуже той, которую можно купить.

Рейф поймал и оседлал вороного, а через час уже подъезжал к голому холмику, на который указал Джилл. Это действительно был не источник, а просто яма, окаймленная редким мертвым тростником.

Выход нефти!

Нефть!

Вот что могло объяснить стремление Баркова и Шюта завладеть именно этим участком, желание настолько сильное, что они не остановились даже перед похищением и убийством. Карадек припомнил, что в сорокалетней давности отчете Бон-



невилля о путешествии через эти места упоминалось о выходах нефти, а лет десять назад даже пробурена скважина.

Самым обширным рынком для нефти служила фармацевтическая промышленность, поскольку нефть являлась главным ингредиентом так называемой "британской мази".

Шестифунтовый шест не достигал дна нефтеносной ямы, хотя Рейф не думал, что она намного глубже. Так или иначе, в яме находилось несколько баррелей, и Рейфу вспомнились разговоры о продаже нефти по двадцать долларов за баррель.

Карадек вскочил в седло, направил вороного вниз по тропе и быстро поехал к Холмам.

Да, это вполне могло быть причиной и причиной вполне достаточной. К тому же фармацевтика — лишь один из возможных рынков. В смазке нуждаются любые механизмы. И вообще весьма вероятно, что в будущем нефтяная промышленность приобретет немалое значение.

Интересно, как скоро яма вновь наполнится, если ее опорожнить? И насколько постоянно она будет наполняться? По крайней мере, на один из вопросов он вскоре найдет ответ.

Рейф повернул вороного на тропу, ведущую вверх, вброд пересек ручей Безумной Женщины и рысью направился по склону холма к дому. У коновязи он заметил двух чужих лошадей. Навстречу с окаменевшим лицом вышел Текс Бриско.

— Гляди в оба, босс! — резко сказал он.

Громоздкое туловище Пода Гомера протиснулось в дверь.

— Карадек, — спокойно объявил он, — ты арестован.

Рейф повернулся к шерифу. Две лошади. Кто приехал на второй?

— За что? — спросил он. Мятаж? Неужели они узнали?

— За убийство. За то, что ты застрелил Джи Бонаро.

— Бонаро? — рассмеялся Рейф. — Ты хочешь сказать, за самозащиту? Бонаро прятался в окне с винтовкой в руках. Он собирался застрелить меня!

— Многие так думали, — холодно кивнул Гомер, — однако никто, похоже, не видел, чтобы Бонаро целился в тебя. Мы располагаем лишь твоим утверждением. Когда стали спрашивать свидетелей, все приобрело несколько иной вид. Прямо скажем, странный. И теперь уже многим кажется, что ты просто воспользовался возможностью безнаказанно застрелить его. Так или иначе, а тебе лучше предстать перед судом.

— Не надо, босс, — посоветовал Бриско. — Они и не думают устраивать суд.

— Лучше не сопротивляться, — спокойно порекомендовал Гомер. — Внизу, в долине, ждут сигнала двенадцать всадников Шюта. Я оставил их там. Стоит им услышать выстрелы, как они галопом ринутся сюда. Вы все понимаете, к чему это приведет.

Рейф понимал. Это означало смерть для них четверых. Возможно, Барков возлагал надежды как раз на его горячность.

— Ну, конечно, Гомер, — спокойно произнес Карадек. — Я поеду.

Текс начал бурно протестовать, а Джилл швырнул шляпу оземь.

— Тогда отдавай револьверы, — сказал Гомер, — и поехали.

— Нет, — голос Рейфа звучал непреклонно. — Револьверы останутся при мне до тех пор, пока мы не приедем в город. Если шайка Шюта затеет что-нибудь, первым, кого я убью, будешь ты, Гомер!

— Тебя не тронут, — напустился Под Гомер. — Я здесь закон. Поехали.

— Гомер, — злобно сказал Текс Бриско, — если с ним что-нибудь случится, я убью вас обоих — и тебя, и Баркова.

— Я тоже, — хрипло проговорил Джилл.

— И я! — добавил Марш. — Я тебя достану, даже если придется стрелять из засады в спину.

— Ну, ладно, — сердито сказал Гомер. — Это ведь только суд. Я говорил им, что мне и самому все это не слишком нравится, но судья подписал ордер на арест.

Он нахмурился. Им-то легко подписывать ордера, но если они думают, что он позволит убить себя ради них, то здорово ошибаются! Под Гомер нахлобучил шляпу. Отсюда до угольных копей Ланкашира очень далеко, но порой ему так хотелось снова оказаться в Англии. Взгляд Бриско ему определенно не нравился. "Нет, — сказал он себе, — лучше уж позволить Карадеку свободу рук, нежели рисковать. И пусть Барков загребает жар собственными руками. Я не хочу, чтобы ковбои с "Бар М" охотились на меня!"

Человек, приехавший на второй лошади, вышел из дома; Бо Марш следовал за ним по пятам. На лице молодого ковбоя не было привычной улыбки, а сопровождал он Брюса Баркова. На мгновение его глаза встретились со взглядом Карадека.

— Это простая формальность, — гладко сказал Барков. — В Пайнтэд-Роке пошли разговоры, и суд должен очистить атмосферу. И конечно же, Карадек, если вы не виновны, вас немедленно освободят.

— Вы в этом уверены? — язвительно спросил Карадек. — Вы же ненавидите меня, Барков. Если я и выйду живым из тюрьмы, то только по вашей ошибке.

— Думайте, что хотите, — пожал плечами Барков. — Я верю в закон и порядок. У нас в Пайнтэд-Роке хороший народ, и мы хотим, чтобы так оставалось и впредь. Бойн вызвал вас — и это одно дело. Но Бонаро в дуэли не участвовал.

— Нечего здесь спорить, — вмешался Гомер. — для это есть суд. Поехали.

Текс Бриско, заложив большие пальцы за пояс, спустился с крыльца. Он в упор глядел на Гомера.

— Ты не нравишься мне, — произнес он спокойно. — Ты ничуть не мне не нравишься. По-моему, ты желтый, как койот. И, по-моему, ты прыгаешь вскакий раз, как велит Барков. Гомер поблелел и отвел глаза.

— У тебя не оснований затевать ссору! — сказал он. — Я только исполняю свой долг.

— Ну, протянул Текс, не отрывая жесткого взгляда от Гомера, — значит так. Я седлаю и еду в город, придерживаясь холмов. И если шайка шютотовых ковбоев затеет что-то, не премину заполучить шерифа... И, может быть, кое-что еще.

— Это что, угроза? — пренебрежительно поинтересовался Барков. — А по-моему, дешевая болтовня.

— Хочешь посмотреть, насколько дешевая? — Текс явно провоцировал Баркова. В глазах его полыхала ярость, он жаждал сражения. — Хочешь, чтобы я сделал ее дорогой?

Брюс Барков не был дураком. Он не видел Текса Бриско в деле, но во всем облике высокого техасца сквозило нечто холодное и смертельно. Барков пожал плечами.

— Мы представляем здесь закон. Это что, сопротивление, Карадек?

— Нет, — сказал Рейф. — Поехали.

Трое повернули лошадей и шагом начали спускаться к Лонг-Вэлли. Текс Бриско во мгновение ока оседлал свою лошадь. Увидев, что техасец направился к лесу, Под Гомер злобно выругался.

Карадек ехал с легким сердцем. Сейчас ничего не произойдет. Он был убежден, что в намерении Баркова входило увезти его с Бар М, а потом объявить в городе, что ковбои Шюта отбили Рейфа у представителей закона. Но теперь он был в не меньшей степени уверен, что ничего подобного не случится. Под Гомер знает, что винчестер Бриско находится на расстоянии выстрела. Да и револьверы Рейфа на своем месте. И все же он соблюдал осторожность, держась чуть-чуть позади шерифа. Он посмотрел на Баркова, но лицо ранчиро оставалось бесстрастным.

Вскоре показались ковбои Шюта. Первыми, кого узнал Рейф, были братья Блейзеры. Узнал он и еще одного, по имени Джо Горман. Рыжий Блейзер рванул вперед.

— Он пришел, пришел! Теперь мы ему покажем!

— Назад, — резко приказал Гомер.

— Что? — Рыжий яростно возрился на шерифа. — Кто сказал "назад"?

— Сдай назад! — повторил Гомер. — Мы везем этого человека на суд.

Рыжий Блейзер расхохотался.

— Давай, ребята! — завопил он. — Повесим вонючку!

— Я бы тебе не советовал, Рыжий, — спокойно произнес Карадек. — Револьверы при мне. Или ты быстрее, чем Триггер Бойн?

Злобное лицо Блейзера поблелело, он повернул лошадь.

— Эй! — закричал он. — Что за черт! Я думал...

— ...что это будет совсем просто? — закончил за него Рейф, протискиваясь на своем вороном между Гомером и Барковым и выдвигаясь вперед. — Запомни, Блейзер! Когда бы вы ни попытались меня убить, я буду с револьвером в руке, ясно? — Он уже настолько приблизился к Блейзеру, что большой вороной толкнул лошадь Рыжего. — Вы просто стая обезумевших койотов! Хотите суда Линча? Попробуйте, будьте вы прокляты! Попробуй прямо сейчас, Рыжий, и я выброшу тебя настолько нашипованным свинцом, что ты на фут уйдешь под землю! — Рейф окинул взглядом толпу. — Думаете, что это шутка? — Это относится и к каждому из вас. А что до Гомера, так он знает: если вы захотите драки, он свое уж точно получит. В Холмах человек с винчестером, и если вы полагаете, что он не сумеет вышибить любого из седла, — попробуйте затеять что-нибудь. В этом винчестере шестнадцать зарядов, и я видел, как то человек опустошал магазин, подстрелив шестнадцать кроликов. У меня два револьвера. Так что если хотите заполучить меня — начинайте! Может, вам это и удастся, но трупов здесь будет куда больше, чем вы думаете!

Джо Горман быстро сказал:

— Берегись, ребята! На горе человек с винтовкой, я его видел!

— Что это, к черту, значит? — повторил Рыжий Блейзер.

— Шутки кончены, — коротко ответил Рейф. — Можете возвращаться домой и сказать Дэну Шюту, чтобы он загребал жар своими руками. Револьверы при мне и останутся со мною впредь. На суд я явлюсь, но вы не хуже меня знаете, что Бонаро получил по заслугам. — Карадек повернулся к Блейзеру. — А тебе лучше держаться от меня подальше. Больно уж ты рвешься накинуть пеньковый воротник на шею человеку, которого считаешь беспомощным. А я терпеть не могу вонючек. И никогда не любил.

— Не смей называть меня вонючкой! — взревел Блейзер.

Рейф посмотрел на него.

— А я как раз и назвал, — спокойно проговорил он.

Продолжение следует

Иллюстрации Наталии ЕРМОЛАЕВОЙ

Игорь НЕПЕИН

“Этот Половцев удивительный человек”...

Граф и первый премьер России С. Ю. Витте в конце жизни, уже находясь в стороне от государственных дел, диктовал стенографистам свои мемуары. В числе многих современников, с которыми его сталкивала долгая жизнь в политике, он вспоминает Александра Александровича Половцева (1832—1909), государственного деятеля и мецената. Личность, надо сказать, вырисовывается противоречивая и не очень симпатичная. Вот отрывок из “Воспоминаний” Витте.

“В то время, когда я жил в Киеве, туда приезжал производить ревизию известный богач сенатор Половцев. Приезд этого Половцева произвел некоторую сенсацию, главным образом, потому, что Половцев сразу вооружился против генерал-губернатора Черткова, так что благодаря этой ревизии Чертков должен был покинуть свою службу и выйти в отставку.

...Этот Половцев, в сущности, был удивительный человек. Родился он в простой дворянской семье, окончил курс правоведения, и ему предстояла жизнь маленького, бедного чиновника, может быть, в конце концов, он дослужился бы до какого-нибудь более или менее высокого административного места, тем более, что он был правовед, а правоведы всегда друг друга поддерживают.

В то время одним из самых богатых банкиров был Штиглиц, у Штиглица была приемная дочь, и никаких наследников он не имел. Вот этот молодой чиновник Половцев, совершенно бедный, начал систематически ухаживать за этой приемной дочерью Штиглица, которая, между прочим, была очень красива. В конце концов, Половцев добился того, что женился на ней. А когда Штиглиц умер, то все

состояние он оставил своей приемной дочери и таким образом Половцев сделался очень богатым человеком, так как он владел или по крайней мере распоряжался всем состоянием жены... Штиглиц оставил после себя наследство в 50 миллионов рублей различными государственными бумагами...

А так как все эти бумаги приносили 5%, то, следовательно, годовой



доход с них составил бы 4 миллиона рублей. Но Половцев этот умудрился сделать так, что в конце концов, когда он в прошлом году умер, то наследникам его осталось самое ограниченное состояние, т. е. состояние в несколько миллионов рублей, скажем, в 3—4 миллиона рублей, а все остальное было уничтожено. Говорю “уничтожено”, а не проедено, потому что хотя он жил широко, но все-таки не настолько широко, чтобы можно было прожить такое громадное состояние. Все время он занимался различными аферами: продавал, покупал, спекулировал и доспекулировался до того, что почти все состояние своей жены проспекулировал.

...Вообще Половцев всегда обращал на себя внимание и составлял для меня загадку: каким образом,

будучи человеком умным, толковым, будучи, несомненно, человеком с некоторым государственным умом, он был в то же время таким невозможно легкомысленным и глупым в своих личных делах?”.

Таков портрет Половцева, написанный мемуаристом-современником. Совсем иначе выглядит он со страниц официального документа — “Формулярного списка статс-секретаря, Государственного секретаря, тайного советника А. А. Половцева”, обнаруженного в фондах Центрального государственного исторического архива Петербурга (ф. 1162, оп. 7, д. 880).

По окончании курса наук в Императорском училище правоведения, сказано в документе, А. А. Половцев высочайшим указом 28 мая 1854 года определен на службу в I департамент Правительствующего Сената с чином титулярного советника.

В следующем году он принимает участие в погребении императора Николая I. Потом неуклонно растет в чинах, исправляет разные должности в Сенате — обер-секретарь, обер-прокурор, сенатор, — и, судя по наградам, делает это успешно. Удостаивается орденов Станислава, Анны, Владимира разных степеней и ордена Белого Орла. Выезжает с сенатскими ревизиями в губернии Киевскую и Черниговскую.

Из другого дела в том же архиве (оп. 6, д. 426) узнаем о двух Высочайших именных указах: один подписан императором Александром III в Петергофе 1 июля 1892 года и касается назначения А. А. Половцева членом Государственного совета с оставлением в звании статс-секретаря и сенатора. Другой утвержден Николаем II в Москве в 1896 году во время коронации и говорит о награждении Половцева орденом Владимира I степени. Выше шел только Андрей Первозванный.

В 1883 году Александр Александрович неожиданно для самого себя был назначен Государственным секретарем, в ведении которого находилась вся канцелярия Государственного совета. Событие это и время

пробывания на посту Гос. секретаря нашли отражение в дневнике Половцева, который был издан под редакцией проф. П. А. Зайончковского в 1966 году. В дневнике приведен диалог Половцева с Председателем Государственного совета, великим князем Михаилом Николаевичем:

"Вел. князь: "Я имею сообщить Вам сюрприз, вот телеграмма, полученная мною сейчас из Гатчины от Государя" (Александра III, — И. Н.). Телеграмма содержала выражение желаний Государя, чтобы я был назначен на место государственного секретаря, и поручение вел. князю предложить мне это место. Я: "Ваше высочество, это для меня громовой удар. Я решительно ничего подобного не ожидал." Вел. князь: "Но вы принимаете это предложение?" Я: "Ваше высочество, мы живем в такое время, что если бы Государь считал необходимым для пользы Отечества назначить меня будочником, то и тогда, по всей вероятности, я бы принял это назначение, но, Ваше высочество, позвольте мне сказать вам, что я не гожусь на это место".

Что еще знаем мы о Половцеве? На имя жены он приобрел на Урале Богословский горный округ и там в 1894 году построил крупнейший металлургический завод, названный Надеждинским — в честь жены, Н. М. Половцевой-Штиглиц (ныне город Серов, Свердловской области). В 1895 году создается Богословское акционерное общество, основная часть паев в котором принадлежала Половцевым.

На свои средства А. А. Половцев содержал Училище технического рисования, более известное как Училище им. барона Штиглица — не родного отца жены Половцева. Страстный коллекционер, собиратель книг и предметов старины, Половцев руководил приобретением для училищного музея в России и на всевозможных европейских аукционах уникальных образцов тканей, шитья, мебели, шпалер, фарфора, майолики. Сам тратил на это большие суммы.

Будучи в Москве на коронации Александра III, он находит "хорошую коллекцию у некоего Мерлина". Оказавшись для лечения в Амстердаме, покупает "кой-какое старье и, между прочим, гравюры и рисунки для училища". У петербургского коллекционера вместе с секретарем совета училища Месмахером покупает "всю его коллекцию за 130 тысяч". Приехав в Вену, осматривает достопримечательности, "покупая предметы для нашего Рисовального училища (в том числе пять превосходных картин Тьеполо)". И таких записей в дневнике множество.

В октябре 1918 года Училище было преобразовано в Государственные трудовые учебные мастерские декоративного искусства, которые в 1922 году слиты с Академией художеств. Музей же в 1923 году превратился в Первый филиал Государственного Эрмитажа. Позднее училище восстановили, и оно получило имя Веры Петровны Мухиной.

450 тысяч рублей собственных денег потратил Половцев на издание 128 томов "СБОРНИКА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА". И полностью на свои средства он издавал не имеющий аналогов в отечественной культуре 25-томный "РУССКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ".

"Мне всегда казалось, — пишет он в дневнике за 1866 год — что издание памятников, документов составляет основание исторического изучения и что для сколько-нибудь серьезного ознакомления с историей России XVIII века нужно прежде всего думать об издании исторических документов... Не раз мне случалось заговаривать с лицами, которых я считал способными оказать мне в этом содействии, но всегда тщетно. В конце 1865 года мне посчастливилось, однако, встретить людей, которые помогли мне осуществить мою мысль..."

Тогда же, в конце 65-го, было заложено начало Русского историче-

ского Общества. 19 октября того же года создается Совет общества. Председателем был избран друг А. С. Пушкина, князь П. А. Вяземский, а секретарем, ставшим фактически душой всего дела, — А. А. Половцев. С 1879 года он же и возглавляет общество вплоть до смерти в 1909 году.

Под руководством А. А. Половцева "Историческое общество" с 1866 по 1909 год выпустило 128 томов "Сборников..." Все они, за небольшим исключением, содержат документы XVIII века. Первые шесть томов носят сборный характер. Это письма и бумаги Екатерины II, Александра I и государственных деятелей их времени. Остальные тома тематические. 14 томов — материалы Законодательной комиссии Екатерины II, 16 томов — личные бумаги императрицы. Заметное место в "Сборниках..." занимает дипломатическая переписка, извлеченная из иностранных архивов. Это донесения английских, французских, австрийских, прусских, нидерландских послов и посланников при русском дворе XVIII века. Десять томов составили документы из Российского министерства иностранных дел.

В восьми томах содержатся документы, характеризующие внутреннюю политику России в XVIII и начале XIX века. Это протоколы и указы, журналы Верховного тайного совета, созданного при Екатерине I. В двенадцати — сосредоточены материалы Кабинета министров Анны Иоанновны. Один том — протоколы Конференции при Высочайшем дворе Елизаветы Петровны. Еще в двух собраны материалы Комитета 6 декабря 1826 года по делу декабристов.

Всего же из печати вышло 148 томов "Сборников...". Последний — в 1918 году.

Таковы заслуги А. А. Половцева перед исторической наукой и русской культурой.

*Фоторепродукция
Станислава Станкевича*

Александр СЕМЕНИН

Т Ы К В А

Лет двадцать назад в газетах появилось сенсационное сообщение: в американском штате Флорида фермер вырастил небывало крупный плод, "потянувший" на 354 американских фунта (около 160 кг)! Рекордисткой оказалась хорошо всем знакомая тыква. Разумеется, столь крупные плоды случаются крайне редко. Однако, тыквыны, достигающие 30—40 кг, — явление довольно обычное. Не случайно один из широко распространенных сортов тыквы назван "Стофунтовая".

Плоды овоща-гиганта могут храниться более года, довольно питательны (содержат сахара, минеральные соли, различные витамины), обладают мягкой (при нагревании — кашеобразной) консистенцией и своеобразным вкусом (в сыром виде — "инертным", пресным), что делает их незаменимыми в качестве важного компонента или "наполнителя" многих блюд. Из этого овоща делают лепешки и пекут хлеб, добавляют его в суп и кашу, варят варенье, получают превосходный джем. Хороша тыква свежая (на вкус — нежная, чуть сладковатая), а еще лучше — вареная, жареная или тушеная. Не забудем, что ближайшими родственниками, а точнее, разновидностями тыквы обыкновенной, являются кабачки и патиссоны. В отличие от последних, тыкву собирают обычно в зрелом состоянии. Вот рецепты некоторых вкусных блюд, которые можно из нее приготовить.

Запеканка из тыквы. В килограмм протертой тыквы добавляют 3/4 стакана толченых сухарей, полстакана измельченного грецкого ореха, немного масла, сливок, меда, корицы, 2—3 яичных желтка, — все

тщательно перемешивают, выкладывают на сковородку и запекают в духовке.

Салат из вареной тыквы. Тыкву (1 кг) нарезают кубиками и отваривают в подсоленной воде, затем добавляют 5 малосольных огурцов и 8 помидоров, нарезанных тонкими ломтиками, 2 нашинкованных луковицы, 6 столовых ложек растительного масла и немного лимонного сока.

Тыква жареная. Тыкву очищают от кожуры, удаляют из нее семена, нарезают ломтиками, солят, перчат, посыпают мукой. Жарят в растительном масле до образования румяной корочки, после чего на 20—30 минут ставят в нагретую духовку.

В Россию тыква попала в XVI веке из Мексики, где к тому времени ее возделывали уже на протяжении пяти тыс. лет. Однако особо знаменательным для россиян событием знакомство с новым овощем не стало. Да и сегодня огородники отводят под "бахчу" незначительную площадь — в лучшем случае, грядку или "пятачок" плодородной земли перед домом.

Слов нет, "мексиканка" любит погреться на солнышке. И почвы предпочитает не бросовые, а изрядно сдобренные перегноем, тучные. Однако при разведении рассадным способом (семена высевают в конце апреля в торфоперегнойные горшочки) дает вполне вызревающие плоды даже в условиях Среднего и Северного Урала. Чтобы тыквы созрели и были крупными, а растения не занимали бы огромной площади (последнее так страшит наших огородников!), производят прищипку побегов после того, как образова-

лось три завязи. Вскоре, под действием силы собственной тяжести, развивающиеся плоды "ложатся" на землю. Во избежание загнивания кожуры плодов, под них укладывают дощечку, кусок фанеры, шифера и т. п.

Полезное применение находят не только плоды тыквы. Конец молодых побегов (плетей) также можно использовать в пищу. Отваренные в подсоленной воде, они по вкусу напоминают спаржу. Сырое тыквенное семя издавна известно как эффективное глистогонное средство, а после обжаривания служит в качестве своеобразного лакомства. Путем прессования семян получают тыквенное масло, которое по вкусу не уступает подсолнечному или оливковому. С незапамятных времен аборигены Центральной и Южной Америки употребляют в пищу... жареные цветки этого растения. Только что распутившиеся крупные оранжевые венчики привлекательны и для пчел. Тыква — отличный медонос, всегда желанна на пасеках.

Бесспорно, заслуживают внимания и так называемые ханки, или шанки — декоративные тыквы с большими (до 15 см в диаметре) округлыми или ребристыми, часто разноцветными яркими плодами. Долгие годы сохраняются эти пестрые "мячики" где-нибудь на письменном столе или книжном шкафу. В круговерти дел и домашних будней теплотой, непередаваемой от радой наполняется сердце, когда замечаешь их среди нужных, но не живых предметов. О ласковом теплом лете и далеком детстве вспоминаем мы...

В. АГАФОНОВ

ТОЛЬКО НА ЗЕЛЕНый...

Звери и птицы. С незапамятных времен они живут рядом с человеком. Мы настолько привыкли к ним, особенно к воробьям, синицам, голубям, собакам, что, порой, и не замечаем их на улицах и во дворах. Но зависимость от человека и его влияние на них настолько велики, что и братьев наших меньших можно с уверенностью назвать цивилизованными.

Дворняжки — чаще всего бездомные собаки без роду, без племени. В поисках пищи они днем и ночью рыщут по городу, иногда в буквальном смысле слова разезжая "зайцами" в трамваях, троллейбусах и автобусах. Много раз я наблюдал картину: людный перекресток, через него сплошным потоком идут по улицам машины. Вот подбежала к дороге и топчется в нерешительности небольшая собачка... Но под колеса не кидается, смотрит по сторонам, вверх, на людей ожидающих зеленого сигнала светофора. Так и хочется думать, что она ждет, когда загорится зеленый. Но собаки не различают цветов, природа одарила их только черно-белым зрением. Переход наконец освобождается и собачка не спеша, вместе с пешеходами, переходит улицу и только после этого быстро бежит куда-то по своим делам. Впервые я обратил внимание на такое "сообразительное" поведение собак на улицах несколько лет назад, а потом много раз убеждался, что именно дворняжки бывают дисциплинированными пешеходами и не бросаются под колеса машин. Много животных и птиц гибнет на дорогах, но гибнут, в основном, молодые, неопытные особи или домашние животные, совершенно не приспособленные к самостоятельной жизни на улице.

Животные отнюдь не глупы, просто каждое из них, будь то собака или птица, медведь или белка привыкают к определенным условиям обитания. Согласитесь, что и человек, всю жизнь проживший в какой-нибудь далекой таежной деревеньке, обычно суетлив и неловок в большом шумном городе, пока не обвыкнет.

На железнодорожном вокзале много раз я наблюдал за бездомной собакой. Она не просто слонялась без дела, а методично, что, видимо, уже давно вошло в привычку, переходила от урны к урне (расположение их она хорошо знала) и, опершись на край передними лапами, перерывала содержимое, находя то недоеденный пирожок, то остатки другой пищи. Вряд ли кто учил ее этому, она не бегала и не выпрашивала, виляя хвостом, подачки и прожогих, как это делают многие ее сородичи, а избрала свой путь добывания пищи.

По роду работы мне приходилось ездить на рейсовых "Икарусах" в Челябинск. В летние погожие дни иногда бывает столько мошкеры, что автобус приходит на автовокзал сплошь залепленный спереди разбившимися насекомыми: стрекозами, комарами, мухами, жуками.

Каждый подъезжающий автобус ожидали с терпением, сидя на деревьях или на выступах зданий, стайки воробьев. Как только пассажиры расходились, они тут же налетали и моментально склевывали дармовую корм. Поэтому водители чаще всего не протирали лобовые стекла до тех пор пока не полакомятся птицей.

По пути в Кольцово по старой дороге через Малый Исток чаще всего у одного из переездов приходится долго стоять, пропуская железнодорожные составы. Тут-то и заметил: голуби и воробьи вьются над остановившимися машинами, перелетают с одной на другую. Приглядевшись, понял — и эти птицы приспособились к обстановке. Машины часто перевозят мусор, пищевые отходы, зерно, продукты, так что это место стало своеобразной птичьей столовой, а о том, что здесь можно поживиться наверняка, птицы давно смекнули.

Цивилизация вносит свои коррективы в жизнь птиц и животных, меняет их повадки и привычки, делая их опытнее и дальновиднее своих далеких предков.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

САМОЕ НЕВЕЗУЧЕЕ...

Всякие истории приключались в мореплавании. В 1852 году французский пассажирский парусник "Лавуазье" наскочил на подводную скалу. От удара в корпусе образовалась внушительная пробоина, но... осколок скалы заклинил ее. Сейчас этот камень хранится в музее города Тулон. Еще одно французское судно "Жан Шарко" по заданию геофизиков везло на палубе груды породы, поднятой драгой с морского дна; образцы были взяты в районе молодого вулканизма, и от резкого перепада температур и давления камни начали один за другим взрываться. Эту "пальбу" было слышно аж на Азорских островах — трое суток шел "Жан Шарко" с канонадой на палубе.

Костариканское рыболовное судно столкнулось с большой рыбой, потеряло ход и дрейфовало 4500 миль, пока его не подобрала японцы. Пирс в Таунтенде (Англия), один из крупнейших в мире, был перебит пополам врезавшимся в него кораблем — судно затонуло. Полицейские, расследовавшие происшествие, немало поудивлялись: "Интересно, как шкипер умудрился не разглядеть такого могучего причала?" Парусник "Жакелин" в 1907 году, буксируемый двумя пароходами, уперся бушпритом прямо в здание маяка, установленного на выступающей из моря скале, в то время как два буксировщика благополучно обошли маяк справа и слева...

А к шведке Росите Густавсон, владелице небольшого домика на побережье, в спальню пожаловал... катер: на большой скорости он выскочил на берег, по инерции одолел узкую полосу пляжа — и нате вам. Аргентинское

торговое судно "Мерседес-1" длиной в 75 метров решило заплывать в частный бассейн; владелица усадьбы в Палм-Биче Молли Уилмот обомлела, увидев эту швартовку...

Но самое невезучее судно в истории мореплавания — сухогруз "Арго Мерчант", спущенный на воду в 1953 году. Оно сталкивалось с танкером, трижды горело, пережило мятеж команды, после всех приключений благополучно затонул около Борнео. Но и это еще не все. Судно подняли и пять лет ремонтировали в Кюрасао. При первом же постремонтном рейсе "Арго Мерчант" наскочил на камни близ Сицилии. Потом на нем шесть раз взрывался котел, один раз отказывало управление. Невезучему судну запретили проход через Панамский канал и заходы в порты Бостона и Филадельфии. В 1976 году "Арго Мерчант" окончательно затонул у полуострова Кейп-Код, у берегов Северной Америки.

А. ЮРЬЕВ

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЧУМА — ИМЕНЕМ ГЕНИЯ

Уже ни для кого не секрет, что практическое использование самого замечательного, на первый взгляд, достижения "научно-технического прогресса" имеет свои серьезные издержки. Причем чем шире внедряется "достижение", тем серьезней негативные последствия. Так происходит и с компьютерами. Многие детей уже надо лечить от чрезмерного к ним пристрастия. "Болеют" и сами машины, созданы целые службы для борьбы с этими болезнями. Один из наиболее разрушительных известных компьютерных вирусов называется "Микеланджело". Рассчитан он был на уничтожение программного обеспечения, пожалуй, самых многочисленных сегодня IBM-совместимых компьютеров 6 марта 1992 года, или в 517-ю годовщину со дня рождения великого мастера эпохи Возрождения. Слава Богу, противодействие против него вроде бы было найдено, и по-настоящему массовой трагедии не произошло. Но по данным фирмы "Хэллайн" (ЮАР), занимающейся изучением средств защиты компьютерных программ, ожидается появление нового, еще более опасного вируса, получившего название "Эксбаг-2" (Exbug-2). Пока неясно, в честь кого или чего он придуман, но срывается, кажется, тоже в первом месяце весны: при запросе текущей даты, если месяц оказывается мартом.

Каким еще великим именем прикроются изобретатели компьютерной чумы, чтобы уничтожить труд миллионов людей? Какие новые формы примет бесконечная борьба между Добром и Злом?..

МЫ ЖИВЕМ В ПРОВИНЦИИ РУБИНОВ...

"Эта штука способна погубить всех жителей моего города. Недолго ты будешь ею владеть, Человек Джунглей, как и тот, кто отнимет ее у тебя! Люди будут убивать, убивать, убивать друг друга из-за этой штуки!" Зловещее предсказание Белой кобры из сказки Кипплинга... Только за одну ночь шесть человек истребили друг друга, чтобы завладеть анком (вроде кинжала), украшенным рубинами. Но это было давно и неправда. А что правда?

Чтобы услышать "всю правду" о рубинах, я пришла в лабораторию геохимии Института геологии и геохимии Уральского отделения Российской академии наук. Здесь работает человек, который знает об этом драгоценном камне, неверное, больше всех в нашей стране. Много лет он исследует этот удивительный минерал. И до того ему стали понятны все "повадки", а по научному — закономерности залегания, что он открыл месторождение рубинов прямо тут, у нас, на Урале. Мой собеседник — старший научный сотрудник, кандидат геолого-минералогических наук Александр Юрьевич Кисин.

— Если бы вы мне предложили снять о вас фильм, то совершенно четко представляю себе два варианта сценария — "западный" и "наш". "Западный". Вы долго ищите месторождение, терпите всевозможные лишения, отстреливаетесь от гангстеров и, наконец, — о, счастье! — финал: вы в роскошном автомобиле, на роскошной вилле.

"Наш". Вы долго ищите месторождение, терпите всевозможные лишения, боретесь с бюрократами и карьеристами, никто не верит вашей научной работе, и наконец... Финальный эпизод: вы, усыпанный орденами и научными званиями, читаете лекцию своим ученикам...

— В жизни совсем другое кино. Много лет занимался поисками цветных драгоценных камней. Накопились кое-какие наблюдения, идеи. Решил изложить их в реферате. Находки рубинов в россыпях на Урале известны с 1855 года. Однако коренное месторождение найти не могли. Когда писал реферат, пришла мысль о связи рубинов с мраморами. Летом 1979-го приехал в Пластовский район Челябинской области, и сразу же обнаружил месторождение. Без всяких поисков. Вот так.

Ни стрельбы, ни медалей, ни денег...

— А где же счастливый финал?

— Увы. Полтора десятилетия ушло на то, чтобы определить запасы. Но вот процесс может быть вообще бесконечным. Чтобы освоить месторождение, нужны деньги, а у геологов сейчас трудное положение. Многие экспедиции обанкротились или на грани краха.

Заметный интерес к уральским рубинам проявляют иностранцы. Приезжали специалисты из Израиля, Америки, Чехо-Словакии. Но из-за нашего законодательства отступились, правда чехи все еще на что-то надеются.

— Просто, видимо, у нас нет недостатка в рубинах. Когда, к примеру, покупаете картошку в овощном магазине, то насыпают ее тебе, как правило, усыпанные рубинами руки. Всегда считала рубин излюбленным камнем торговых работников, чем-то вроде их талисмана, отличительного знака, если хотите...

— Даже на Урале, на "каменном поясе", низкая культура камня. Действительно, еще недавно было модно носить кольца и серьги с огромными красными камнями. Но уверяю вас, что это, как правило, искусственные рубины. Их про-

давали по весу изделия. То есть чем больше камень, тем дороже кольцо. Приобретая, за него платили как за золото. А если сдавали в скупку, то принимали только золото, камень же возвращали владельцу. Он практически ничего не стоит. Технология изготовления искусственных рубинов хорошо отработана и успешно развивается во всем мире. В Японии их продают по пять долларов за килограмм. Искусственные рубины применяются для технологических целей. Они используются в точной механике, оптике, лазерах, абразивах, практически во всех часах служат опорными камнями. А природные идут только на украшения.

— Если производство искусственных рубинов достигло таких впечатляющих успехов, то и настоящие, наверно, упали в цене?

— Нет, природный камень тем и хорош, что он неповторим, штучен. Рубины самые дорогие камни в мире. Дороже алмазов. Дороже изумрудов. Самый дорогой рубин был продан по 30 тысяч долларов за карат.

Крупные рубины — большая редкость. Примерно раз в год находят несколько крупных алмазов, получающих собственные имена, с такой же частотой — изумруды. А крупные

рубины попадают единицами в столетие! Самые известные рубины: "Мир" — 43 карата (1919 год) и "Александр" — 40 каратов, найденный в 30-е годы. И оба из Бирмы. Последняя находка, "NAWATA", самый крупный из известных рубинов, конфискован в 1990 году в той же Бирме у контрабандистов. Вес его — 496 каратов (около ста граммов). Пригодными для добычи считаются 1—1,5-миллиметровые камни. В зависимости от размера цена растёт почти в геометрической прогрессии. На цену влияет все: цвет, размер, прозрачность, отсутствие дефектов. Желтизна, коричневые и фиолетовые оттенки снижают стоимость рубина. Самый элитный — это чисто красный цвет без фиолетового оттенка. Существует даже коммерческий термин для него — "цвет голубиной крови".

— Как же отличить настоящий минерал от поддельного?

— Приходите к нам в институт. Здесь недавно создан Геммологический центр, где определяют подлинность и настоящую цену любого драгоценного камня. Геммология — наука о драгоценных камнях. В других странах созданы и много лет работают геммологические институты, издается специальная литература. У нас же эта наука долгое время считалась "буржуйской".

— Хорошо. Науки такой не было, но драгоценные камни-то добывали...

— Добывали. И продавали себе в убыток. Все было поставлено на поток. Огромные плиты яшмы, родонита, агата, да практически всех камней, распиливались на маленькие кусочки, чтобы выпустить серии одинаковых украшений. Чтобы получить премию, нужны были не камни, а метры

проходки. Технология применялась варварская, не щадящая камень: взрывы, экскаваторы... А ведь месторождение можно обработать только один раз..

— Тогда, может быть, к лучшему, что открытое вами месторождение все еще не разрабатывается? Или там нет рубинов "цвета голубиной крови"?

— Представьте себе — есть. Снимок именно такого образца опубликовал американский геммологический журнал, сообщая миру об уральском месторождении рубинов. Оно действительно уникально. Это первая находка рубинов в мраморах на Урале и одна из первых в стране. Очень редкий для нашей территории тип месторождения и очень перспективный. Именно такого же типа знаменитые месторождения в Бирме и Афганистане. Бирманцы разрабатывают свое с каменного века по сегодняшний день. Афганцы — семь последних веков. Представляете, какие запасы? И по качеству наши рубины не хуже.

— Среди сотрудников академического института первооткрыватели месторождений — большая редкость. Я знаю, что вы много лет проработали в производственном объединении "Уралкварцсамоцветы". Не жалеете, что из геолога-практика с рюкзаком и молотком превратились в геолога-ученого с микроскопом и авторучкой?

— Нет. Здесь я имею возможность продолжать свои исследования на более высоком уровне. Все мои прежние наблюдения и новые знания сопоставляю, обобщаю, делаю выводы и... Есть результаты. Удалось разработать принципы

прогнозирования месторождений.

— И что, они подтверждаются?

— Да, с их помощью выделена Уральская рубиноносная провинция протяженностью более 600 километров.

— Это много или мало?

— Сами сравните — в Бирме рубиноносная полоса 30 километров, в Афганистане — 16.

— Ясно, что речь не о километрах, усыпанных рубинами. Тогда о чем?

— Найдено около десятка проявлений рубинов.

— А чем отличается проявление от месторождения?

— Каждое месторождение начинается с проявления. Но далеко не каждое проявление таит в себе месторождение. Если запасы очень малы или находка недостаточно изучена, она не попадет в разряд месторождений. Уральские же проявления изучены мало...

— ...То есть не исключено открытие нескольких месторождений?

— Как знать...

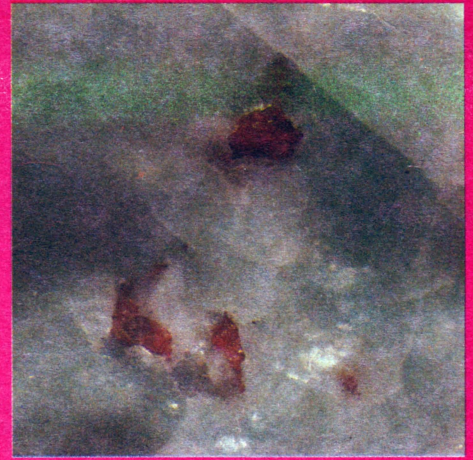
— Располагая уникальным методом поиска рубинов в мраморных породах, вряд ли вы удержались от искушения пройтись с рубиноискателем по карте мира...

— Да, представьте себе, некоторые страны я "прикидывал". Хорошие перспективы в США. Нет сомнения, что там рубины найдут. В Греции обстановка для их формирования не благоприятная, разве что на севере страны... В Чехословакии, Швеции, Австралии — непременно есть... Но они не знают об этом! Во всяком случае, не нашли еще.

• — Вы согласились бы искать рубины в одной из этих стран?

— Почему бы нет? Если будет хороший контракт...

Я не стала задавать собеседнику логичный вопрос — почему он этого не сделал до сих пор. Если уж мы рубины продать не можем, то что говорить об идеях... Одно обнадеживает. Лед тронулся. В стране появились первые, пока слабо оснащенные, наподобие общественных, геммологические центры. Московский геолого-разведочный институт открыл курсы геммологии, думают об этом и в Екатеринбургском горном институте. Ренессанс "буржуйской науки" начался — и слава Богу. Ведь лучше поздно, чем никогда. Особенно если живешь в провинции рубинов...



Кучинское месторождение (Южный Урал)
Ограненные рубины

Кучинское месторождение (Южный Урал)
Кабошоны из рубинов

Кучинское месторождение (Южный Урал)
Рубины в мраморе



У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт
URAL STALKER

ИНДЕКС 73413. ISSN 0134-241X.
УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ. №9, 1993. с. 1-80.